

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Шаова Оксана Александровна

**Россия и Франция: национальные стереотипы
и их метафорическая репрезентация
(на материале французских газет
в сопоставлении с российскими)**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научные руководители:

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор А. П. Чудинов

Кандидат филологических наук,
доцент О. Г. Путырская

Екатеринбург – 2005

Оглавление

Стр.

Введение	4
Глава 1. Концептуальная метафора как отражение национальных стереотипов	14
§1. Стереотипы в национальной картине мира	15
1.1. Национальная картина мира.....	15
1.2. Языковая картина мира.....	21
1.3. Национальные стереотипы как предмет лингвокультурологического исследования.....	27
1.4. Автостереотипы России в отечественной лингвокультуре	32
1.5. Стереотипы России во французской лингвокультуре	38
§2. Когнитивная метафора как одна из моделей построения языковой картины мира	45
2.1. Современные лингвистические направления исследования метафоры	45
2.2. Концептуальная метафора как одна из доминант языковой картины мира.....	54
Выводы	67
Глава 2. Метафорическое представление современной экономики и культуры России во французской прессе (в сопоставлении с российской)	70
§1. Россия на страницах французских газет (проблематика и метафорика)	71
§2. Экономика России как сфера-магнит для метафорической экспансии	84
§3. Культура России как сфера-магнит для метафорической экспансии	98
Выводы	108
Глава 3. Метафорическое моделирование российских политических процессов во французских масс-медиа (в сопоставлении с российскими)	111
§1. Внутренняя политика России.....	112
1.1. Метафорический портрет президента России.....	112
1.2. Метафорическое представление политического курса России	138
1.3. Метафоризация войны в Чечне.....	149
§2. Внешняя политика России: смена метафорической парадигмы	162
2.1. Метафорическая интерпретация политических взаимоотношений России и США	165
2.2. Метафорическая интерпретация политических взаимоотношений России и Запада.....	177

Выводы	186
Заключение.....	189
Библиография.....	194

Введение

Актуальность исследования. С формированием новой научной антропоцентрической парадигмы (наряду с уже существующими сравнительно-исторической и системно-структурной) в современной лингвистике происходит смена акцентов, принципов и методов исследования языка. При антропоцентрическом подходе исследователя интересует не только язык, но и речемыслительная деятельность человека как субъекта познания и коммуникации. Исследование речемыслительной деятельности помогает полнее познать и понять человека (и социум), ибо в каждом своём высказывании индивид определённым образом обобщает, концептуализирует и оценивает действительность. Способы представления действительности могут быть разными, поэтому высказывания об одном и том же объекте могут не совпадать. В связи с этим изучение различных фрагментов языковой картины мира (идея, восходящая к учению В. Гумбольдта, Э. Сэпира – Б. Уорфа, Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, Л. В. Щербы) становится одним из перспективных исследовательских направлений (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Е. В. Рахилина, Г. Н. Складневская, В. Н. Телия А. Д. Шмелёв и др.). В рамках данного направления активно исследуется национально-культурная специфика картины мира, поскольку видение мира и его оценка у носителей разных языков не идентичны (В. П. Бранский, К. Касьянова, И. М. Кобозева, В. Ф. Петренко, З. В. Сикевич, И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, А. Фуллье, С. Чугров).

Культура по своему характеру диалогична (Библер, 1991), анализируя иную культуру, мы, таким образом, можем лучше понять и изучить себя. Как заметил М. М. Бахтин, «мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» (Бахтин 1979: 335).

Проблемы осмысления межкультурного и межнационального общения («диалог культур как бытие культуры... встреча культур... взаимопонимание культур» (Следзевский, 2003)), выявления различий когнитивных схем, используемых представителями различных наций (особенности языковых и невербальных систем, элементов общественного сознания) находятся в фокусе внимания многих исследований (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, В. В. Петров, Е. В. Рахилина и др.). Все больший интерес у специалистов вызывает реконструкция категориальных структур, опосредующих восприятие и осознание одной нации другими (И. В. Гармашова, Г. Гачев, Л. И. Гришаева, П. Н. Донец, И. М. Кобозева, Й. Коженевска-Берчинска, С. А. Мезин, В. Ф. Петренко, Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева и др.). Дискуссиям по поводу представления национального «себя» (фактор адресанта) и «образа другого» (фактор адресата), функционированию в данном контексте разнообразных (социальных, национальных, идеологических и иных) стереотипов посвящаются множество статей и специальных монографий (Ю. Д. Апресян, А. К. Байбурин, Г. С. Батыгин, Ю. В. Бромлей, Л. Г. Гусякова, П. Н. Донец, В. И. Карасик, Ж. Коллен, И. С. Кон, В. Красных, У. Липпманн, В. А. Маслова, А. В. Михеев, Ю. Е. Прохоров, З. В. Сикевич, С. В. Силинский, Г. Г. Слышкин, Ю. А. Сорокин, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, С. М. Толстая и др.).

Концептуальная метафора как объект одного из активно развивающихся направлений современной когнитивной лингвистики является одним из наиболее продуктивных средств интерпретации концептуальной (языковой) реальности, инструментом организации опыта человека и, как следствие, фрагментом языковой картины мира (А. Н. Баранов, М. Блэк, В. З. Демьянков, М. Джонсон, Л. В. Ивина, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, В. В. Петров, Е. В. Рахилина, А. Ричардс, М. Тёрнер, Ж. Фоконье, А. П. Чудинов, P. Cadiot, Ch. Malone, A. Musolff, P. Schulz, J. Zinken и др.). Системы концептуальных метафор, функционирующие в языке, представляя собой «обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром –

как с миром объектов, так и с социумом» (Баранов 2004: 9), способны структурировать, оценивать и объяснять окружающую действительность.

Постижение образов чужой культуры ведётся либо через «эквивалентный» образ своей культуры, что ограничивается манипулированием старым знанием, либо через поиск различий в образах своей и чужой культур, что ведёт к выработке нового знания (Тарасов 1996: 19). Концептуальные метафоры, представляя собой общечеловеческую способность структурировать новые области знания, исходя из вещного, телесного опыта общения человека с миром, «по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание» (Лакофф, Джонсон 2004: 208) в том числе и иной культуры.

Изучение метафорического моделирования окружающей действительности представляется перспективным, о чем свидетельствуют многочисленные диссертационные исследования, освещающие особенности различных фрагментов метафорической картины мира: политической (Вершинина, 2002; Каслова, 2003; Ряпосова, 2002; Феденёва, 1998), экономической (Колотнина, 2001), медицинской (Мишланова, 2002), художественной (Борковец, 2003; Чес, 2000). Ряд работ посвящен метафорическому моделированию образа одной нации в картине мира другой нации (Гришина, 2004; Каслова, 2003; Санцевич, 2003). Сопоставительные исследования метафорической репрезентации мира разными народами способствуют выявлению универсальных и национально специфичных метафорических моделей, что позволяет изучать ментальный мир человека и общества, с одной стороны, и особенности национального сознания, с другой (А. Н. Баранов, М. Джонсон, Ю. Н. Караулов, Дж. Лакофф, И. А. Стернин, А. П. Чудинов).

При исследовании метафорического моделирования внеязыковой реальности представителями определённой культуры обращение к дискурсу масс-медиа обусловлено тем фактом, что именно средства массовой информации обеспечивают общество информацией, благодаря которой формируются определённые убеждения. Ученые, занимающиеся дискурсом СМИ, пытаются выяснить, каким образом он конструирует мировидение

типичного представителя той или иной культуры (М. В. Гаврилова, Л. И. Гришаева, Т. ван Дейк, В. Д. Мансурова, Е. И. Шейгал и др.). Языковые причины вариативного представления действительности в рамках прессы объясняются вариативностью используемых СМИ языковых средств, активизирующих в сознании адресата определённые комплексы сведений с соответствующими оценочными суждениями.

Актуальность проблемы и темы определила выбор объекта и предмета исследования.

Предметом настоящего исследования являются метафоры, используемые в современных французских газетах для представления образа России в сопоставлении с метафорическими номинациями, используемыми в российских газетах.

Объект исследования – закономерности метафорического словоупотребления, характерного при представлении России в современных французских газетных текстах (в сопоставлении с российскими периодическими изданиями).

Целью диссертации является исследование метафорического образа России в языковой картине мира французских СМИ на основе выявления, анализа и классификации метафорических моделей, активно использующихся в современных французских газетах в сопоставлении с метафорами, характеризующими российскую реальность в отечественной прессе.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие конкретные **задачи**:

- эксплицировать теоретические понятия «национальная картина мира», «языковая картина мира», «национальные стереотипы», «концептуальная метафора» и соотношение этих понятий между собой;
- выявить и систематизировать основной состав и наиболее продуктивные типы используемых во французском дискурсе масс-медиа концептуальных метафор, ориентированных на представление современной российской действительности;

- проанализировать прагматический потенциал метафорических моделей, используемых для интерпретации российской действительности во французских газетных текстах;
- провести сопоставительный анализ метафорического образа России, характерного для российской и французской публицистики.

В качестве **материала для исследования** использовались тексты французских общенациональных газет, адресованные читателям с разными интересами и интеллектуальными запросами («Monde», «Libération», «Humanité»), освещающие различные события российской жизни. Всего проанализировано 3677 метафорических словоупотреблений, зафиксированных в 1743 газетных текстах. Для сопоставления привлекались материалы российских газет («Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Независимая газета») и описание метафорических моделей, представленное в исследованиях Е. В. Колотниной (2001), А. А. Касловой (2003), О. А. Гришиной (2004) и А. П. Чудинова (2001, 2003а).

Методология исследования сложилась под воздействием теории метафорического моделирования, возникшей в Соединенных Штатах Америки (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, А. МакКормак, Ж. Фоконье, М. Тернер и др.) и успешно развиваемой отечественными филологами (А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Л. В. Ивина, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.).

Для решения конкретных задач представляемого когнитивно-дискурсивного исследования применялся комплекс **методов**, характерных для современной антропоцентрической лингвистики: когнитивное моделирование, лингвокультурологическая характеристика исследуемых явлений, дискурсивный анализ, сопоставительный анализ с учетом национальных особенностей соответствующих языков и культур, а также количественная обработка полученных материалов. Отбор метафор осуществлялся с использованием метода сплошной выборки.

Нами была выдвинута следующая **гипотеза**. Язык средств массовой информации как одна из доминант национальной сущности, национального самосознания создаёт определённую картину мира, воздействующую на понимание нацией той или иной реальности. Образ России, являясь для французского читателя «инородным», незнакомым феноменом, становится объектом метафоризации, что позволяет составить представление о нём с использованием хорошо знакомых французам комплексов знаний и сведений. Метафоры, используемые во французских газетных текстах для концептуализации российской действительности, зачастую заимствуются из российских периодических изданий.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что анализ метафорических моделей, функционирующих в дискурсе масс-медиа Франции при характеристике России, вносит определенный вклад как в теорию метафорического моделирования, так и в теорию межкультурной коммуникации. Исследование позволяет лучше понять, насколько метафорическое моделирование образа одной нации в концептуальной картине мира иного социума влияет на установление взаимопонимания между народами. Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях по проблемам общей теории метафорического моделирования, а также при исследовании лингвокультурных особенностей национальных картин мира.

Научная новизна диссертации заключается в комплексном описании используемых французскими СМИ при подаче информации о жизни России доминантных метафорических моделей, структурирующих и опосредующих восприятие России во французском национальном сознании. На основе последовательного рассмотрения сфер-источников и сфер-магнитов метафорической экспансии выявлено метафорическое представление российской действительности во французской прессе. В процессе сопоставительного исследования проанализированы универсальные концептуальные метафоры, отражающие общие представления французов и

русских о российской действительности, выделены метафоры, отражающие национальную специфику восприятия французскими реципиентами нашей страны, выявлены метафоры, заимствованные французскими газетами из российской прессы.

Практическая значимость работы заключается в том, что она может быть использована в лексикографической практике (французско-русский словарь политической метафоры). Результаты исследования могут быть применены в процессе вузовского преподавания психолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, риторики, стилистики, а также могут быть полезны специалистам в области политической межкультурной коммуникации и международной журналистики.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концептуальная метафора во французских газетных текстах является одним из важнейших средств концептуализации, категоризации и оценки российской действительности, формируя тем самым образ России в ментальном пространстве представителей французской лингвокультуры.
2. Используемые во французских газетах системы концептуальных метафор, с одной стороны, закрепляют и тиражируют существующие национальные стереотипы России, с другой стороны, способствуют стереотипизации нового знания о российской действительности.
3. Анализ метафорического словоупотребления в дискурсе масс-медиа Франции позволил выделить доминантные модели, типичные при образной номинации и характеристике России. К их числу относятся ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ, ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА, СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ ЛОКУС, ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МЕХАНИЗМ, РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ, РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,

ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ и
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ – это ВОЙНА.

4. Большинство рассматриваемых в настоящей диссертации метафор апеллируют к отрицательным для французов эмоциям и укрепляют в сознании адресата устойчивый комплекс представлений о «чуждости» России французскому миру.
5. В метафорической картине российской действительности, создаваемой французскими СМИ, условно можно выделить три типа метафор: метафоры типичные для французского культурного пространства, универсальные метафоры и метафоры, заимствованные французскими газетами из российской прессы

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседании кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Основные положения исследования излагались автором на региональных и международных конференциях в Екатеринбурге (2002, 2003, 2005). По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Шаова О. А. Россия на рубеже XX-XXI веков в зеркале французской прессы (на материале газеты «Монд») // Уральские лингвистические чтения-2002. Материалы ежегодной региональной научной конференции. – Екатеринбург, 1–2 февраля 2002 г. – № 15. – С. 147-148.
2. Шаова О. А. Специфика национального менталитета (на примере народных сказок России и Франции) // Философия и наука. Материалы первой научно-практической конференции аспирантов и соискателей УрГПУ. – Екатеринбург, 23 апреля 2002 г. – С. 106-108.
3. Шаова О. А. Российско-американские отношения в XXI веке глазами французских СМИ: смена метафорической парадигмы // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – С. 171-173.

4. Шаова О. А. Метафора и стереотип в политической ситуации «Война в Чечне» (на материале французской прессы) // Перевод и межкультурная коммуникация / Материалы шестой международной научно-практической конференции / Институт международных связей. – Екатеринбург, 2004. – С. 175-177.
5. Шаова О. А. Метафорическая репрезентация образа России в дискурсе масс-медиа Франции // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – Т.14. – С. 107-118.
6. Шаова О. А. Метафорическое моделирование внешней политики России во французской прессе (1999-2005 гг.) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – Т.15. – С. 145- 165.
7. Шаова О. А. Использование пространственной метафоры при моделировании образа России во французской прессе // Welt im der Sprache / Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – S. 406-414.

Структура диссертации отражает ключевые этапы и логику предпринятого исследования: работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического раздела.

Во введении обосновывается актуальность поставленной проблемы; определяются материал, объект, предмет и методы исследования; обозначается его цель и определяемые ею задачи; раскрывается научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость; предъявляется гипотеза, лежащая в основе работы, формулируются положения, выносимые на защиту, и приводятся сведения об апробации работы.

В первой главе представлена исходная теоретическая база для изучения метафорических моделей, использующихся во французских газетах при подаче информации о России, анализируется соотношение национальной и языковой

картин мира, определяется роль национальных стереотипов в восприятии сообщаемой адресату информации, сопоставляются автостереотипы России и Франции, рассматривается теория концептуальной метафоры.

Во второй главе дана общая характеристика тематической и метафорической представленности России во французской прессе, произведен сопоставительный анализ ведущих метафорических моделей, используемых во французском и российском дискурсе масс-медиа при подаче информации о культурной и экономической жизни России.

Третья глава посвящена описанию наиболее продуктивных метафорических моделей, использующихся в дискурсе масс-медиа Франции для характеристики внутренней и внешней политики России.

В заключении подводятся общие итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы, связанной с изучением других аспектов этой проблемы.

Глава 1. Концептуальная метафора как отражение национальных стереотипов

Дискурс масс-медиа (из всего разнообразия определений дискурса (Н. Д. Арутюнова, Т. А. ван Дейк, Ю. Н. Караулов, А. Е. Кибрик, В. В. Красных, Г. Г. Почепцов, О. Г. Ревзина) вслед за Е. И. Шейгал мы сводим это понятие к формуле «дискурс = подъязык + текст + контекст» (Шейгал 2000: 10)) как одна из доминант национальной сущности, национального самосознания, являясь в настоящее время основным каналом осуществления политической коммуникации (Е. И. Шейгал), обладает способностью воздействовать на восприятие адресатом (как отдельным индивидом, так и нацией в целом) той или иной реальности, создавая и эксплуатируя распространённые в обществе стереотипы и формируя, таким образом, определённую картину мира. Еще О. Шпенглер заметил, что «европейско-американская политика *с помощью прессы* протянула по всей Земле силовое поле духовных и финансовых напряженностей, в которое, не осознавая этого, встроен каждый отдельный человек, так что он мыслит, желает и действует таким образом, как это считает целесообразным находящаяся где-то вдали некая господствующая персона» (Шпенглер 2000: 1137). В свою очередь, исследователи подметили, что на средства массовой информации влияют установившиеся в национальном сознании стереотипы (М. В. Гаврилова, Л. И. Гришаева, С. В. Чугров, А. П. Чудинов и др.).

По мнению ряда ученых, метафора является одним из способов создания языковой картины мира (Л. В. Балашова, А. Н. Баранов, В. З. Демьянков, М. Джонсон, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Как отметил А.П. Чудинов, «каждая из ... метафор – это только мелкая деталь, малозаметное стёклышко в огромной мозаике, но подобные образы – это реализация действительно существующих в общественном сознании моделей... Важно подчеркнуть, что метафорическое

зеркало отражает не реальное положение дел..., а его восприятие в национальном сознании» (Чудинов 2003а: 211).

Цель, которую мы преследуем в данной главе – установить исходную теоретическую базу для изучения метафорических моделей, используемых во французских газетах как одного из способов подачи информации о России, и определения роли метафоры в формировании стереотипов России в концептуальной картине мира адресата-представителя французской лингвокультуры. В главу включены разделы, посвященные выявлению роли национальных стереотипов в восприятии сообщаемой адресату информации и рассмотрению теории концептуальной метафоры.

§1. Стереотипы в национальной картине мира

1.1. Национальная картина мира

В ходе истории, и особенно в XX веке, различные народы в той или иной степени сблизилась и унифицировались по быту и мышлению (интернационализм и математизация наук, глобальная сеть Интернет), и тем не менее, в «ядре» (Г. Гачев) своём каждый народ остаётся самим собой до тех пор, пока сохраняются особенный климат, пейзаж, пища, этнический тип, язык и проч., ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления.

Более того, каждый «человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлечённый человек, как русский, француз, немец или англичанин. Человек не может перескочить через целую степень бытия, от этого он обеднел бы и опустел бы. Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нём есть родовые черты человека вообще и ещё есть черты индивидуально-национальные» (Бердяев 1990: 59).

Прежде чем выявлять особенности национальной картины мира, определим базовые понятия «картина мира», «нация», «этнос», «народ», лежащие в основе. Воспользуемся определением, предложенным Е. С. Кубряковой: картина мира – это «сумма значений и представлений о мире, упорядоченная в голове человека по самым разным основаниям и объединённая в известную интегральную систему» (Кубрякова 1988: 141). Таким образом, **национальная картина мира** – это то, каким себе рисует мир нация (совокупность людей) в своём воображении.

До непосредственного анализа понятия нации, необходимо разграничить зачастую путаемые понятия нация – этнос – народ.

Не углубляясь в дебри научных дебатов, мы остановимся на следующем разделении: этнос – это историческая родовая форма человеческого развития, предшествующая национальной (Вальков, 2000). По мнению А. А. Валькова, между исторически сменяющимися друг друга этно-социальными формами бытия людей такое же духовно-телесное различие, как между различными возрастными этапами становления одного и того же взрослеющего человека (Вальков 1996: 54). Таким образом, в основании выделения определённых исторических форм-ступеней человеческого развития (родо-племенной, этнической, национальной) кладётся степень духовной зрелости массового родового человека, которая определяет собой характер форм человеческого общения, характер общества.

Что касается соотношения понятий народ и нация, то русские философы (Н. А. Бердяев, В. С. Соловьёв, И. Ильин) отождествляют народное и национальное с позиций их субстанциального единства. При этом понятие нации трактуется как исторический и цивилизационный продукт рационализации сущности этой социальной субстанции, как принцип и правящая идея, господствующая над людьми. Народ же оценивается как реальность гораздо более первичная и природная, чем нация, в народе, по мнению Н. Бердяева, есть что-то дорациональное. Можно сказать, что народ

конкретно-реален, а нация абстрактно-реальна, народ относится к нации как видовое понятие – к родовому.

Несмотря на многочисленные исследования (Н. Бердяев, М. Вебер, К. Дейг, Э. Дюркгейм, А. Козинг, В. И. Курашов, К. Маркс, Дж. С. Милль, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, Э. А. Поздняков, В. Соловьёв и др.), современные политические словари и энциклопедии избегают категоричных трактовок данного термина, отмечая, что оно «не является однозначно определённым, т. к. пересекается с другими, напр. государство или народ» (Даниленко 2000: 537).

На наш взгляд, в понятии нации можно выделить два смысла: абстрактный и конкретный. В качестве абстрактного начала в явлении нации может быть названо то, что она есть форма «этносоциальной общности людей, достигших определённого уровня развития и духовного единения» (Вальков 1996: 55). Эта форма обладает рядом специфических видовых признаков, отличающих её от иных, родственных ей этносоциальных форм человеческой общности (стадные формы предчеловеческого существования, родо-племенная форма, этническая форма) (Вальков 2000: 23). Следовательно, **нация** – это общность людей не только осознающих духовное единение в различных аспектах своего бытия, но и творящих его, и сообразующих с ним внутренние и внешние основы своего жизненного уклада.

В каждом же конкретном случае анализа действительного явления нации костяк абстрактного понятия как бы облекается плотью и кровью. Это понятие конкретной нации (французской, немецкой), с одной стороны, включает абстрактное понятие в свой объём в качестве наиболее общего подчинённого момента, а, с другой стороны, логически соподчинено ему как единичное общему.

В выведенном нами определении мы недаром акцентируем внимание на понимании нации как целостной **духовной** и **душевной** общности людей.

При таком понимании нации важнейшими её атрибутами и инвариантами являются своеобразные ментальность, традиции и миссия (Курашов 1999: 11). Инвариант в данном контексте означает неизменный при всех изменениях в

существовании народа: исторических, географических, политических и пр. При этом, такие характеристики нации как язык, происхождение, территория, - конечно, входят в целостный организм национальной жизни и связаны с общей национальной идеей и как сущности, и как явления. Вспомним слова Н. С. Трубецкого о связи языка и национального характера: «Для меня субъективно-интуитивно совершенно ясно, например, что между общим акустическим впечатлением чешской речи и чешским психическим (даже психофизическим) обликом (национальным характером) существует какая-то внутренняя связь» (Troubetzkoу 1985: 98 цит. по: Серио 2001: 244). Все характеристики нации органично переплетены и взаимосвязаны друг с другом, что придаёт любому их разделению условный характер. Тем не менее, попытаемся рассмотреть роль каждой из них в становлении нации.

Национальность. Здесь имеется в виду расово-этническая, кровнородственная принадлежность по биологическим генам. Но генетическая характеристика не имеет существенного отношения к национально-этнической идентичности. Имеются миллионы примеров, когда люди, имеющие чужеродные корни, но родившиеся и выросшие в соответствующем национальном окружении являются полными представителями этого окружения. Африканская кровь А. С. Пушкина не помешала ему стать русским национальным поэтом № 1 и одним из творцов русского национального языка.

Язык. Древнегреческий язык и латынь сохранились, но вряд ли на территории современной Греции и Италии проживают те же этносы, что и в Античности. В современной Индии один из государственных языков английский и многие на нём говорят, но не становятся при этом англичанами по духу. К тому же в многонациональных странах есть писатели и поэты, которые говорят и пишут на языке не своей нации, но остаются национальными писателями и поэтами, выразителями духа своего народа. Как не притягательна концепция Шеллинга, что историческое разделение человеческого общества на народы имело причиной прежде всего разделение языков; как ни весомы аргументы и авторитет Потебни, который отождествлял национальную

идентичность с национальным языком, - всё же получается, что знака равенства между понятием язык и нация поставить невозможно. При этом язык безусловно является важнейшей частью особенностей народа.

Во-первых, каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира (Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, Г. Н. Складарская, В. Н. Телия и др.). Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Этот способ, свойственный языкам, отчасти универсален, отчасти национально специфичен, а следовательно носители разных языков видят мир немного по-разному, через призму своих языков.

Во-вторых, язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры (Роль человеческого фактора в языке 1988: 11).

Территория и государственность. Многие народы на длительный период лишались государственной независимости, но при этом сохранилась их национальная идентичность. Диаспора евреев, а также и армян приводила к утрате территории. Следовательно, и эти характеристики не являются определяющими нации.

Религия. После крещения Древняя Русь обрела духовную ипостась целостной национальной идеи, хотя и до этого племена Древней Руси уже составляли некоторую общность «Русь», что и имеется в виду в понятии «крещение Руси». Религия имеет большую объединяющую силу. Это видно, например, по еврейскому народу, который во время продолжительной диаспоры менял и видоизменял язык, но сохранил верность иудаизму и тем самым национальную идентичность.

Ментальность. Несмотря на многочисленные исследования (А. Вежбицкая, Г. Гачев, А. Гуревич, П. Динцельбохер, Б. А. Душков, Ж. Дюби, В. И. Карасик, В. В. Колесов, О. Я. Петренко, М. В. Пименова, Е. Я. Таршис и др.), понятие

«ментальность» до сих пор определено нечётко. В данном контексте «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» (Колесов 1995: 15). Без своеобразия ментальности нет и нации как особой целостности в человеческом сообществе, то есть невозможно установить её, идентифицировать. Другой вопрос: как и насколько можно выявить такой идеальный объект в национальном «Я» рациональными методами. Эмпирический материал для этого даёт национальная духовная культура: фольклор, философия, искусство, произведения национальных мыслителей, - проблема здесь только в выделении национального и интернационального в каждой из названных сфер. Возможно, что наиболее «чистый объект» - национальный фольклор, который выражает общие духовные черты народа, и если в фольклоре что-то заимствуется, то только то, что соответствует его природе. Особую роль играет язык как отдельная подсистема в процессе познания. Его исследование позволяет понять внутреннюю метальную природу человека (Пищальникова, Лукашевич 2001: 16).

Миссия. Как отмечает В. И. Курашов, метафизическая природа духовных корней есть и она определяет миссию для себя и всего человечества. Природное предназначение в земной жизни отдельных людей различается, это справедливо и для целостных, органичных общностей – «нации», «народа», «этноса».

Традиции и символы. Здесь имеются в виду традиции и символы во всех сферах духовной и материальной жизни. Если говорить о России, то необходимо включать сюда и православные святыни, и квашеную капусту. По мнению В. И. Курашова, без символов и традиций национальная идентичность скрывается в невидимые метафизические измерения, становится неявной (Курашов 1999: 56).

Таким образом, в основе национальной целостности, в основе национальной картины мира лежат символы, традиции, ценности, менталитет, культура, характерные для того или иного народа. Хотя «все народы под одним

солнцем и луной ... ходят, вовлечены в единый мировой исторический процесс, они ходят по разной земле и разный быт имеют, из различной почвы вырастают, жизненными темпоритами различены. А отсюда ценности, общие для всех народов, располагаются в разном соотношении» (Гачев 1998: 17).

Объединяя набор расхожих ценностей и символов различных наций (назовем их «национальными стереотипами»), мы можем увидеть со стороны целостный образ «другой» или «своей» страны, так как «национальный менталитет даёт о себе знать только в присутствии другого менталитета» (Караулов 2000: 191).

1.2. Языковая картина мира

Как показывает предшествовавший обзор, язык наряду с другими характерными чертами нации (происхождением, территорией, государственностью, религией, культурой) формирует национальную идентичность. Однако есть существенная разница между языком и иными характеристиками нации.

Во-первых, язык – незамкнутая система, проникающая и присутствующая во всех сферах деятельности человека. Недаром основная функция языка состоит в описании окружающей говорящего действительности (Логический анализ языка: языки пространств 2000: 39). Зачастую он просто неотделим от таких национальных составляющих как культура, самосознание, менталитет. Академик Д. С. Лихачев пишет: «...язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации и её воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» (Лихачев 1993: 9).

Во-вторых, языку присущ свой собственный, целостный взгляд на мир. Ключом к пониманию «стереотипов» языкового и более широкого культурного сознания, лежащих в основании национальных стереотипов могут служить лексические коннотации, которые мы вслед за Ю. Д. Апресяном понимаем как

несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта, отражающие связанные со словом культурные представления и традиции (Апресян 1995: 36). Не входя непосредственно в лексическое значение и не являясь следствиями из него, они объективно обнаруживают себя в языке, получая закрепление в переносных значениях, метафорах, фраземах, производных словах (Апресян 1995: 36-38).

Таким образом, свойство языка – отображать мир. Но речь идёт не о зеркальном отражении мира, а об определённой интерпретации, особом способе организации мира в языке. Действительность «проецируется» в семантику естественного языка, и полученная языковая картина отличается как от мира действительности, так и от всех иных моделей действительности. Для обозначения отражаемой в языке реальности мы воспользуемся уже утвердившимся термином «языковая картина мира» (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, Г. Н. Складарская, В. Н. Телия и др.).

Стоит особо отметить проблему соотношения языковой и концептуальной картины мира. Большинство лингвистов (Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия и др.) разделяют эти модели мира (хотя существует и противоположная точка зрения об отсутствии дифференциации между двумя вышеупомянутыми картинами мира (С. А. Аскольдов-Алексеев, Г. Н. Складарская)). Концепт есть «своего рода «алгебраическое» выражение значения, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определённой среде, профессии и т. д.)» (Лихачев 1993: 4). Но возникает концепт не непосредственно из значения слова, а является «результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» (Лихачев 1993: 4). Слово, таким образом, «служит этикеткой для концепта» (Cadiot 2002: 54).

Из сказанного следует, что концептуальная картина мира – феномен более сложный, чем языковая картина мира, которая вторична по отношению к концептуальной картине мира: национальный язык «живёт» в концептуальной сфере (Лихачев 1993: 9).

Наша работа основана на лингвокультурологической трактовке концепта как основной единицы ментальности данного народа, через которую осуществляется проявление, отражение и фиксация культуры в языке (А. Вежбицкая, В. И. Карасик, В. А. Маслова, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов). Вслед за В. А. Масловой мы понимаем концепт как «структурно и образно организованное знание о каком-либо предмете духовной или материальной культуры в коллективном сознании, выраженное в языковой форме» (Маслова 2001: 65). Следовательно, в аспекте нашего исследования разделение на языковую и концептуальную картину мира является существенным.

В-третьих, в соответствии с представлениями современной лингвистики, язык не только пассивно отражает мышление человека, но и оказывает на него заметное воздействие, влияет на поведение людей, на их отношение к окружающей действительности (К. И. Былинский, Т. Г. Винокур, В. Г. Костомаров, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Синельников, Г. Н. Складаревская, В. Н. Телия и др.). Каждый естественный язык обладает единой системой значений, обязательной для всех носителей этого языка. Через эту систему значений (через призму своего языка) человек постигает окружающую действительность. Мы не отрицаем возможности единого для всего человечества восприятия действительности, основанной на общем для всех «запасе наглядно-опытных знаний» (Складаревская 1993: 65). Действительно, присущий носителям языков взгляд на мир отчасти универсален, но с другой стороны, в каждом языке существуют специфичные, характерные для данного языка концепты. Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая приводят такой пример типично русских концептов: «душа, тоска, судьба, задушевность, удасть, воля (вольная), поле (чистое), даль, авось» (Апресян 1995: 350; Вежбицкая 2001: 35-36). Соответственно,

свойственный языку способ концептуализации действительности национально специфичен, т. е. восприятие мира у носителей разных языков не идентично.

Не предпринимая длительного экскурса в историю вопроса, стоит отметить, что идея о языковой картине мира восходит к учению В. Гумбольдта о «внутренней форме» языка, к гипотезе «лингвистической относительности» Э. Сэпира – Б. Уорфа, равно как и ко всей позднейшей американской этнолингвистике, к учению Л. В. Щербы об «обывательских» понятиях.

Что касается исследования языковой картины мира на современном этапе развития науки, то, как отмечает Ю. Д. Апресян, оно разворачивается в двух основных направлениях.

Во-первых, современная филология уже не довольствуется непосредственным выводом художественного текста из жизненного опыта его автора. Между этими двумя объектами оно ставит третий объект – инвариантный и неповторимый «поэтический мир» автора, опосредствующий его опыт и формирующий его тексты (напр., классическое исследование Р. Якобсона о роли статуи в мифологическом мире Пушкина, «Морфология волшебной сказки» В. Проппа, реконструкция поэтического мира Рабле, предложенная М. М. Бахтиным).

Во-вторых, в современной лингвистике в результате бурного развития семантики и прагматики, сопоставительного изучения языков, усилившихся контактов с поэтикой и логикой исследуются как отдельные характерные для данного языка концепты, своего рода «лингво-культурные изоглоссы и пучки изоглосс» (Апресян 1995: 350), так и специфические коннотации неспецифичных концептов (напр., символика цветообозначений в разных культурах) (Апресян 1995: 629-630).

Таким образом, раньше лингвисты рассматривали языковые значения как непосредственное отражение фактов действительности путём описания языковых значений через всё более простые смыслы вплоть до элементарных – слов универсального семантического метаязыка (А. Вежбицкая). В настоящее время понятие языковой картины мира (в концепции Ю. Д. Апресяна – наивной

картины мира) позволяет связывать языковые значения с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определённым деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке (Апресян 1995: 630). В результате появляется основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков.

Свойственный языку способ концептуализации и дискретизации мира во многом определяется обыденными представлениями человека. В данном контексте языковая картина мира «наивна» в том смысле, что она существенно отличается от научной картины мира (Ю. Д. Апресян, В. Б. Касевич, Е. Ф. Урысон и др.). При этом, как отмечает Ю. Д. Апресян, наивные представления отнюдь не примитивны. Они отражают опыт десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и могут служить надёжным ориентиром в этом мире (Апресян 1995: 351).

Иные фундаментальные свойства языковой картины мира (как и всего человеческого языка в целом) – антропоцентризм и системность, целостность (Н. Д. Арутюнова, Ш. Балли, Е. С. Кубрякова, Логический анализ языка: языки пространств, Роль человеческого фактора в языке, Язык. Человек. Картина мира). «Картина мира при всех самых несовершенных вариантах своего воплощения всегда целостна. Её характеризует единство образов, согласованность частей. Она никогда не бывает разорванной» (Роль человеческого фактора в языке 1988: 54). Цельность языковой картины мира проявляется в её особенной «лабильности, позволяющей совмещать логически несовместимое» (Рахилина 2001: 77).

При всей целостности языковой картины мира ученые выделяют в ней отдельные области, образующие определённые системы. Например, наивную геометрию и наивную физику пространства и времени (Н. Р. Добрушина, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, Н. К. Рябцева), наивную анатомию (Е. В. Урысон), наивную этику и психологию (Ю. Д. Апресян) и т. п.

Рассмотрим устройство человека с точки зрения языковой картины мира, представленной в русском языке. Как отмечает Е. В. Урысон, оно отличается от

привычных нам представлений. Во-первых, «внутри человеческого тела имеются подобные органам, но нематериальные сущности, которые нельзя увидеть ни при каких обстоятельствах (пример такого органа – душа). Во-вторых, психические процессы, подобно материальным, связаны с определёнными органами внутри тела» (Урысон 1995: 6). Например, если человек может думать и понимать, то значит, внутри него есть невидимый орган, который и обеспечивает данную способность (в данном случае – это ум).

Что касается антропоцентричности языковой картины мира, то «для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета» (Апресян 1995: 648). Так, мы оцениваем размеры животных, соотнося их с нормальными размерами человеческого тела. Слоны, носороги и бегемоты – большие животные, потому что они больше человека, а зайцы, кошки, хомяки – маленькие животные, потому что они меньше человека.

Очеловечивание окружающего мира, наделение природных явлений духовными чертами происходит всё по тому же антропоцентрическому канону, например: дождь идёт; спокойное море; задумчивый лес и т. п.

Ю. Д. Апресян отмечает, что антропоцентризм играет в языковой картине мира большую роль, чем может показаться. В качестве примеров исследователь приводит такие, казалось бы, физические понятия, как «тяжелый», «твёрдый», «прочный», допуская, что в них может входить представление о человеке. По мнению ученого, в наивном сознании значение слова **тяжелый** (о весе) связывается не столько с массой тела, сколько с количеством усилий, которые нормальный человек должен затратить для манипулирования соответствующими объектами – для их смещения, поднятия, переноса. «Твёрдый, в первом приближении, значит, «такой, поверхность которого трудно деформировать», а прочный – «такой, который трудно разрушить»» (Апресян 1995: 648).

Помимо традиционно выделяемых свойств, присущих языковой картине мира, ряд лингвистов выделяет такую характерную черту языка, как эгоцентризм (Ю. Д. Апресян, С. А. Крылов, Е. В. Падучева и др.).

Исследователи пришли к такому выводу, рассмотрев дейктические элементы (здесь – там, сейчас – тогда, этот – тот, вот – вон, я - ты) в составе лексических и грамматических значений. «Дейктическая лексика эгоцентрична. Её семантической основой является понятие «я», «его», «говорящий». Фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка. С одной стороны, фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведётся отсчет времени и пространства. С другой стороны, ссылка на фигуру говорящего образует ядро толкования двух основных пространственных и временных дейктических слов естественных языков – здесь и сейчас, а через них – и всех остальных» (Апресян 1995: 631).

Когнитивная лингвистика, определяя язык как когнитивный инструмент, как общий когнитивный механизм, «передающий информацию о мире, связанный с обработкой этой информации, имеющий прямое отношение к построению, организации и усовершенствованию информации и способов её представления», предлагает модели фрагментов языковой картины мира (Демьянков, Кубрякова 2001: 37). Например, теория прототипических значений Э. Рош, схемы Р. Лангакера, основанные на разграничении профиля и базы, теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, идея грамматики конструкций Ч. Филлмора и т. д.

1.3. Национальные стереотипы как предмет лингвокультурологического исследования

Понятие «стереотип», предложенное ещё в 20-е годы XX века американским журналистом У. Липпманном для характеристики особенностей массового сознания, в настоящее время изучается психологами, социологами, когнитологами, этнографами, лингвистами и этнолингвистами (Ю. Д. Апресян, А. К. Байбурин, Г. С. Батыгин, Ю. В. Бромлей, Л.Г. Гусякова, П. Н. Донец, Ж.

Коллен, И. С. Кон, В. Красных, У. Липпманн, А. В. Михеев, Ю. Е. Прохоров, З. В. Сикевич, С. В. Силинский, Ю. А. Сорокин, С. М. Толстая и др.).

У человека выделяют несколько уровней стереотипов: биологические (схемы реакций отдельных клеточных образований и органов), психические (программы деятельности подсознания и сознания) и социальные (результат совместной деятельности людей по преобразованию окружающего мира) (Меренков 2001: 17-19).

Стереотипы возникают в силу действия двух тенденций человеческого сознания: **конкретизации** – стремления к ассоциациям абстрактных понятий с какими-то конкретными образами и **упрощения**, суть которого сводится к выделению нескольких признаков в качестве ведущих для обозначения сложных явлений (Сикевич 1996: 96).

В нашей работе стереотип рассматривается с позиций лингвистики, в связи с коммуникативным, в первую очередь – вербальным поведением. **Стереотип** есть «схематический стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенный и обладающий устойчивостью. Выражает привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» (Бархударов 1975: 117). С точки зрения содержания «стереотип» есть фрагмент концептуальной картины мира, устойчивый, минимизированно-инвариантный, обусловленный национально-культурной спецификой образ-представление о предмете или о ситуации, причем не о конкретном предмете или конкретной ситуации, но о предмете или ситуации «в целом».

В соответствии с представлениями ведущих отечественных когнитологов стереотипы имеют следующие функции (Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 177):

- когнитивная – генерализация результатов когнитивной обработки человеком внеязыковой реальности;

- аффективная – определённая мера этноцентризма в межэтническом общении, проявленная как постоянное выделение «своего» в противовес «чужому»;
- социальная – разграничение «внутригруппового» и «внегруппового»: приводит к социальной категоризации, к образованию социальных структур, на которые активно ориентируются в обыденной жизни.

Важную роль в стереотипе играет ориентация по национальному признаку. Национальные (этнические или этнокультурные) стереотипы – это естественные составные элементы национального сознания, своего рода «коллективные представления» одной нации о другой или о самой себе (Чугров 1993а: 50-51).

Мышление (как процесс) не зависит от национальной и классовой принадлежности его носителей, оно работает по единым законам (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия). Однако содержание мышления «несёт на себе отпечаток психического склада, духовного облика людей, объединённых национальной общностью» (Бабушкин 1998: 34). Именно в содержании мышления (отражаемого в «зеркале» языка) фиксируются несходства в культурном опыте тех или иных народов. Данные «несходства» могут отражаться в национальных стереотипах, например, с помощью оппозиций: немец противопоставляется русскому по параметру приверженности к порядку; англичанин противостоит русскому по параметру открытости проявлений внутреннего состояния (Кобозева 1995: 115).

Большинство национальных стереотипов построены по логической формуле: Представители народа X являются (делают) Y (южане вспыльчивы, итальянцы музыкальны). Отметим, что, когда мы говорим о «национальном стереотипе», речь идёт не о всеобщих, а только типичных качествах, то есть характерных не для каждого представителя народа, а для большинства народа. Это отнюдь не исключает существования среди такого народа разных индивидуальных отклонений, не укладывающихся в рамки стандартной этнической схемы (Бранский 2000: 26). Но именно среднее большинство

приводит в массовом сознании к представлению об едином стереотипе бытового поведения.

Исследователи отмечают амбивалентность функциональной основы национальных стереотипов. С одной стороны, они облегчают взаимодействие в соответствующем социуме, стереотипизированные элементы образа чужой общности выступают как своего рода ориентиры для «среднего человека», не обладающего запасом знаний и способностью быстро разобраться в сплетении фактов, мнений, цифр, «подготавливают к столкновению с чужой культурой, ослабляют удар, снижают культурный шок» (Тер-Минасова 2002: 139). Так, в обществе закрепляются и эксплуатируются стереотипы о немецкой аккуратности, русском «авось», африканском темпераменте, вспыльчивости итальянцев, упрямстве финнов, французской галантности (Маслова 2001: 108).

С другой стороны, национальные стереотипы, будучи схематичными, устойчивыми, малоизменчивыми, не ведут к формированию многоаспектного, объёмного, сложного представления. Более того, по мнению многих исследователей, зачастую в основе национальных стереотипов лежат ложные признаки, так как каждая нация склоняется к завышенной самооценке и недооценке групп чужих (Донец 2001а: 184). «Негативные этнические предрассудки подразумевают тенденцию индивида негативно оценивать члена внешней группы или внешнюю группу в целом и тем самым позитивно оценивать внутреннюю группу, членом которой он себя ощущает. Этнические стереотипы – это негативные установки, которые являются стабильными и устойчивыми» (Zick 1997: 39 цит. по: Донец 2001а: 184). Как полагает В. Ф. Петренко, «стереотипы (в том числе и этнические) не исчезают сами по себе и только способны менять свой знак на противоположный» (Петренко 2000: 68).

Исследуя национальные стереотипы в различных европейских странах, большинство ученых пришло к выводу о значительном сходстве между стереотипами, предубеждениями и другими формами вербального умаления «других» (Т. Вал, Р. Водак, Т. ван Дейк, М. Рохьо, С. Ягер). «Другие» преимущественно представлены в терминах социокультурных различий,

отклонений от господствующих норм и ценностей, жестокости и угрозы (Гаврилова 2002: 24). Культурные различия между этносами усилены и увеличены, а сходства игнорируются и уменьшаются.

Из множества классификаций национальных стереотипов (Л. И. Гришаева, П. Н. Донец, В. В. Красных, В. А. Маслова) для нас существенным является деление на **гетеростереотипы** (представления о других, образ "чужого") и **автостереотипы** (представления о самом себе как о члене некоторого этноса или носителе некоторой культуры, образ "себя"). Укрепившись в обществе, авто- и гетеростереотипы служат своего рода кривым зеркалом: явления реальной действительности, проходя в массовом сознании сквозь призму этих стереотипов, преломляются и дают искаженную картину реальности. Позитивные национальные автостереотипы дают возвышающий имидж своей нации, а негативные гетеростереотипы зачастую формируют "образ врага".

"Образ врага" – это коллективные представления о нации, государстве или группе государств, которые складываются под влиянием национальных или идеологических стереотипов и используются для контроля над массовым сознанием и для культивирования чувств страха, недоверия и враждебности (Чугров 1993b: 43-44). Конструирование "образов врага" характерно прежде всего для времён международных кризисов и войн (как «холодных» так и «горячих») и служит в основном для мобилизации собственной нации, но не только, ср.: «Образы врага пользуются особой конъюнктурой в ситуациях мнимой или действительной угрозы, в условиях кризиса осмысленности существования и социального стресса, в переломных фазах. Они часто вызываются фрустрациями или страхом и создают предпосылки для агрессии и, в конечном счете, для попыток насильственного разрешения конфликтов, для войны» (Benz 1996: 11 цит. по: Донец 2001a: 185).

"Образ врага" имеет своё зеркальное отражение, которое можно назвать "образом друга" (П. Н. Донец) – намеренное усиление позитивного имиджа, например, одного из союзников (пропаганда времён «реального социализма» «братских стран»).

Стоит подчеркнуть, что стереотипное восприятие «чужого» этноса характеризует не столько его, сколько этнос, в котором оно образовалось и бытует. Оценки какой-либо нации со стороны разных наций не только весьма различны, но, случается, и противоположны. Национальные стереотипы представляют собой своеобразное проецирование «своих» ценностей на «чужие». Внедрение стереотипов в массовое сознание в первую очередь усилиями средств массовой информации, которые манипулируют восприятием читателей в том смысле, что определяют способ и характер концептуализации действительности, как правило, не преследует цели сознательно оскорбить другую нацию. Сталкиваясь с по-иному структурированной картиной мира, с иными морально-этическими ценностными ориентациями определённого социума, стереотипы восприятия «чужого» мобилизуют общественное мнение своей страны, формируя негативный имидж другой нации, что неизбежно обедняет и сужает сферу интересов адресата и эффективность культурного диалога (Л. И. Гришаева, С. В. Чугров).

В данном случае национальные стереотипы используются без поправки на специфику межкультурного общения, на разницу в картинах мира, на иерархию ценностей, значимых для различных социумов. Следовательно, встаёт вопрос о влиянии национальных авто- и гетеростереотипов при восприятии адресатом сообщаемой информации, поскольку каждый член социума вынужден руководствоваться стереотипами, актуальными в данном обществе, даже если он их не разделяет (Гришаева 2002: 116).

1.4. Автостереотипы России в отечественной лингвокультуре

Национальные автостереотипы представляют собой исторический опыт нации, они служат «одним из важнейших каналов передачи социально значимой информации», поскольку вобрали в себя многовековые привычки

предшествовавших поколений, «всё доброе и злое из прошлого» (Чугров 1993b: 53). Анализ стереотипов восприятия нацией самой себя позволяет лучше понять национальное самосознание, национальные ценности, образ мышления.

Как отмечают исследователи, автостереотипы формируются на основе избирательности: представление о типичных чертах собственного народа в определённой мере зависит от свойств тех народов, с которыми он чаще всего контактирует (Сикевич 1996: 96). Иными словами, стереотип образуется при сравнении «нас» с «не-нами», хотя далеко не всегда это сравнение осознанно, оно может даже вступать в противоречие с осознанными умственными установками носителя языка, формируемыми под воздействием воспитания и образования. Следовательно, образ «типичного русского» выстраивается в процессе сопоставления русских и цыган, евреев, чеченцев, украинцев, белорусов, англичан, немцев, французов и т. д. (Петренко 2000: 48).

Многочисленные исследования «наивных» (Ю. Д. Апресян) представлений носителей русского языка о своей стране, о национальном характере русского (Н. А. Бердяев, А. О. Бороноев, В. П. Бранский, Ю. Н. Караулов, К. Касьянова, И. М. Кобозева, В. Ф. Петренко, В. В. Розанов, З. В. Сикевич, П. И. Смирнов, И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, С. Чугров) позволяет составить своеобразный «портрет» русского человека, России. Без сомнения, представления людей о «самих себе» эмоционально окрашены и «мифологизированы» (это касается, в первую очередь, «русской души», пребывающей «уже не один век скорее в тенётах мифа, чем реальной действительности» (Сикевич 1996: 76)). Более того, выявление российских автостереотипов требует особых методических приёмов, что обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, национальная принадлежность «переживается» более других состояний, она относится к «интимным, сокровенным проявлениям» русской психологии (по словам Н. Бердяева, «русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость» (Бердяев 1990: 15)), поэтому при составлении инструментария нельзя не учитывать вероятную «стыдливость» гипотетического респондента (Сикевич 1996: 76).

Во-вторых, вопреки способности сознания «свое» воспринимать как хорошее, нормальное, а «чужое» - как худшее, аномальное, русскому человеку в оценке самого себя присуща самокритичность или заниженная самооценка (И. М. Кобозева, В. Ф. Петренко).

В-третьих, в течение последних десятилетий в массовом сознании российских граждан возникают новые структуры, мало эксплицируемые и плохо осознаваемые самими их носителями. Российское общественное сознание мучительно ищет свою новую геополитическую идентичность (К. Касьянова, В. Ф. Петренко).

В результате обобщения исследований, посвященных описанию восприятия образа «типичного русского» (автостереотипа) «глазами» самих русских респондентов (Н. А. Бердяев, В. П. Бранский, И. М. Кобозева, В. Ф. Петренко, З. В. Сикевич, Н. В. Уфимцева), нами была реконструирована система категорий, которыми пользуется современное российское общественное сознание для восприятия самого себя.

В исследовании автостереотипов России применяются методы психолингвистики (Ю. Д. Апресян, В. Ф. Петренко, Ю. А. Сорокин, И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Д. Н. Шмелёв). Одна из типовых процедур использования инструментария психолингвистики – оценка респондентами анализируемых объектов в рамках анкетного опроса (куда входят такие методические приёмы, как открытые вопросы (т.е. вопросы без предварительных вариантов ответа), прожективные (воображаемые) ситуации, метод контент-анализа, изучение народного творчества и фольклора, ибо «пословицы и есть сконцентрированный метафорический «образ» той символической реальности, которая способствует осознанию этнической идентичности» (Сикевич 1996: 78)), основным достоинством которого является способность к репрезентативному «охвату» основных социально-демографических групп населения.

Объектом исследований стали как население мегаполисов (Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Ижевска, Новочеркаска), так и жители российской

глубинки (Мичуринск Тамбовской области), что позволяет судить о репрезентативности полученной выборки.

Реконструкция системы категорий, которыми пользуется современное российское общественное сознание при самовосприятии, позволяет выявить основные существенные черты автостереотипов России и русских:

1. Доброта;
2. Бесшабашность, разгульность;
3. Гостеприимство, широта души;
4. Лень;
5. Дружелюбие;
6. Терпение;
7. Необязательность, неорганизованность;
8. Отвага, смелость;
9. Открытость;
10. Пьянство.

Лексемы *бесшабашный, разгульный, дружелюбный* содержат общий компонент «готовый делать добро другому», значения слов *смелый, любит выпить, открытый* объединены семой «нестеснённость в проявлении внутренних состояний» (Кобозева 1995: 115). Достоинства предопределяют отрицательные свойства автостереотипов национального характера русских. Несущественным для русского является личное трудолюбие, соблюдение порядка, верность своим обязательствам.

Рассмотрим национальные автостереотипы России и Франции. Чтобы яснее и чётче обозначить наиболее существенные (для сравнительного анализа) черты, сопоставим их следующим образом (таблица 1). Частое обсуждение определённого круга проблем, касающихся национальных стереотипов (В. П. Бранский, Ю. Н. Караулов, К. Касьянова, И. М. Кобозева, В. Ф. Петренко, З. В. Сикевич, И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, А. Фуллье) даёт нам возможность, обобщая их, определить некие параметры общих для французского и русского народов ценностей.

Таблица 1

Параметры стереотипа	Русские стереотипы	Французские стереотипы
1. Отношение к государству	1. Этатизм – культ государства и порядка, вера в «доброе» правителя, культ «сильной руки»;	1. Этатизм – культ государства и порядка (приоритет целого перед частью); вера во всемогущество государства и правительства;
2. Историческая преемственность	2. Привычка к бюрократизму, отсутствие уважения к закону и свободе личности;	2. Демократические традиции, приоритет государства и закона, ощущение своей исторической преемственности по отношению к прошлому (многовековая традиция сохранения исторической и культурной памяти);
3. Жизненная позиция	3. Патернализм – надежда на чужую помощь, а не на собственные силы, безынициативность, отсутствие чувства долга, терпение;	3. Картезианский характер мышления, профессионализм, гибкость, мобильность;
4. Отношения внутри этноса	4. Коллективизм (солидарность, «соборность», доброта, отзывчивость, гостеприимство, готовность к состраданию);	4. Индивидуализм (осторожность, ответственность, эгоизм, скупость, сдержанность в речи, оптимизм);
5. Отношение к труду	5. Неорганизованность, безответственность, неаккуратность; лень;	5. Трудолюбие (процесс труда как одна из важных ценностей);
6. Характе-	6. Широта натуры, отсутствие	6. Жизнерадостность, общи-

ристика эмоцио- нальной стороны националь- ного харак- тера	мелочности и расчетливости;	тельность, беззаботность, ироничное отношение ко всему (жизни, смерти, себе, другим);
7. Отноше- ние к дру- гим наро- дам	7. Сосуществование многочисленных культур и этносов в одной стране, терпимость, отсутствие чувства этнического превосходства над другими народами, открытость ко внешнему миру;	7. Чувство национального превосходства, склонность к шовинизму, ксенофобии, опасение потерять свою национальную самобытность, закрытость от внешнего мира;
8. Особенно- сти поведе- ния	8. Иррациональность поведения – склонность шарахаться из одной крайности в другую (склонность к поведенческому экстремизму), отсутствие здравого смысла («загадка русской души»).	8. Преобладание рационального над интуитивным, практицизм, восприятие ситуации в расчленённом виде, способность к обновлению.
9. Само- оценка	9. Высокий уровень притязаний в сочетании с самоуничижением;	9. Гордость и самодовольство в сочетании с умеренностью;
10. Место религии в жизни на- ции	10. Православие – религия русских; связь религии с национальным автостереотипом;	10. Отсутствие прямой связи между автостереотипом и религией; католицизм – не только французская религия;
11. Способ- ность	11. Смелость, граничащая с безрассудством, мужество,	11. Рассудочность, осторожность; быстро сменяющиеся ус-

постоять за себя	выносливость.	талостью и унынием храбрость и неустрашимость.
-------------------------	---------------	--

Несовпадение многих французских и российских автостереотипов (приоритет коллективного и индивидуального, преобладание рационального и иррационального, открытость ко внешнему миру и ксенофобия) обусловлено различиями в историко-культурном развитии России и Франции, в иерархии ценностей, значимых для российского и французского социумов, в понимании социальных отношений между различными слоями общества.

1.5. Стереотипы России во французской лингвокультуре

В настоящее время вновь обретают всё большую популярность исследования, посвященные реконструкции категориальных структур, опосредующих восприятие и осознание различных стран мира через анализ конкретных национальных стереотипов одной нации относительно других (И. В. Гармашова, Г. Гачев, Л. И. Гришаева, П. Н. Донец, И. М. Кобозева, Й. Коженевска-Берчинска, С. А. Мезин, В. Ф. Петренко, Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева).

Однако не все народы устаиваются своего национального стереотипа в языковой картине мира, присущей народу X (Л. И. Гришаева, И. М. Кобозева). Необходимым условием формирования стереотипов являются длительные контакты с данным народом и степень воздействия этих контактов на жизнь народа.

Россия с древнейших времён до конца XIX века представлялась романо-германскому Западу как «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», каким казалась в конце XVIII века и Радищеву, избравшему эти слова Третьяковского эпитафией к «Путешествию из Петербурга в Москву» (Дашкевич 1908 цит. по: Мезин 2002: 148).

Стереотипы «русской угрозы» и «русского варварства» были связаны с мифологическим сознанием и происходили от одного из архетипов, присущих европейским народам, о противопоставлении «цивилизованного» европейского мира враждебному «варварскому» окружению. Представление о славянах как о варварах было распространено буквально с первых упоминаний о них в письменных источниках. Данные стереотипы использовались целенаправленно в интересах внешней политики европейских государств, то есть приобретали идеологический характер и служили материалом для создания образа врага (Мезин 2002: 148).

Франция не была исключением: озабоченная ростом могущества России (XV-XVIII вв.) она наряду с другими европейскими государствами причисляла Россию к кочевому, «гуннскому» и татарскому миру, пропагандировала образ «русского варварства», вобравший в себя отсталость, необразованность, деспотическую власть, рабство подданных, недоверие к иностранцам, жестокость, природную склонность русских к насилию (Менегальдо 2001: 46).

Несомненно, завоевательная внешняя политика России влияла на формирование к XVIII в. идеи «русской угрозы», хотя никаких планов завоевания Европы Россия тогда, конечно, не вынашивала. Не имела связи идея «русской угрозы» и с представлениями русских того времени о Франции. Начиная с петровских времён, образованная часть русского общества активно осваивала европейскую культуру. «Почти все русские, под влиянием воспитателей-французов, с детства проникаются любовью к Франции...», - писал К. Мэсон (Цит. по: Мезин 2002: 155).

По словам С. А. Мезина, «даже во время Семилетней войны, когда Россия и Франция были союзниками, королевская дипломатия была озабочена ростом русских завоеваний, «русской опасностью» для соседних государств и ролью, которую усилившаяся Россия будет играть «на мировой сцене» (Мезин 2002: 151). До середины 70-х годов XVIII в. французская дипломатия не прекращала заявлений о «русской угрозе» и не желала воспринимать Россию на равных.

В середине XVIII в. у России во Франции появляются мощные союзники – французские просветители (Ш. Монтескье, Вольтер), едва ли не первыми из современников причислившие русских к европейским народам, к народам Севера – «сильным, смелым, не склонным к тирании и рабству» (Монтескье 1955: 146). Это способствовало разрушению некоторых негативных стереотипов о России. Но в своём восхищении успехами цивилизации России они, по большому счёту, были одиноки: даже их идейные союзники (Д. Дидро, Л. де Жокур, Ж. Ж. Руссо) выказывали беспокойство по поводу роста могущества России. А французская революция привела к росту антирусских настроений во Франции. На смену космополитизму и универсализму «философов» приходит национализм. Официальная французская пропаганда хотела всячески отлучить «варварскую» Россию от «цивилизованной» Европы (Мезин 2002: 154).

Негативные гетеростереотипы России продолжают тиражироваться (с молчаливого согласия и одобрения определённых политических кругов Франции) и закрепляться в сознании французского общества и в XIX веке. В популярном памфлете «Россия в 1839 году» известного французского путешественника и писателя маркиза Астольфа де Кюстина образ России и русских складывается из суммы неблагоприятных отрицательных черт: жестокость, безнравственность, лицемерие, лживость, нечистоплотность, тяга к пьянству, склонность к тирании и агрессии.

«Нужно приехать в Россию», – пишет де Кюстин, – «чтобы воочию убедиться в результате страшного смешения духа и знаний Европы с гением Азии. Оно тем ужаснее, что может длиться бесконечно, ибо честолюбие и страх... – здесь порождают лишь гробовое молчание» (Кюстин 1991: 496). «Такая осторожность представляется мне достаточно обоснованной в столице насквозь военного государства, среди народа, предающегося пьянству» (Там же, с. 504). «С тех пор как я в России, будущее Европы представляется мне в мрачном свете... Я стою близко к колоссу... Ему суждено, мне думается,

покарать испорченную европейскую цивилизацию новым нашествием с Востока. Нам грозит вечное азиатское иго...» (Там же, с. 541).

Однако XIX в. открыл французам глаза и на новые качества русской нации (смелость, любовь к Родине, гостеприимство, открытость, богатство духовной культуры, наконец, чистоплотность: «под своей рубахой русский мужик чист телом» (Готье 1988: 128)). В Отечественной войне 1812 г. Россия продемонстрировала всему миру духовное единение народа, свой патриотизм. Как вспоминают французы-участники наполеоновского похода, «русские храбро защищались, но должны были отступать, и притом с громадными потерями» (Комб 1991: 124).

Посещение России общественными деятелями, писателями, критиками Франции (Ж. де Сталь, А. Дюма, О. де Бальзак, Т. Готье) развенчало многие мифы о России.

Т. Готье готов был обнаружить в России "страну северных оленей и белых медведей", а нашел удивительную природу, вполне европеизированное общество и богатейшую культуру, достойную восхищения. Начав свои путевые заметки по традиционному шаблону жанра путешествий, он быстро отошел от устоявшегося стандарта, подчеркивая не столько своеобразие России, сколько ее принадлежность к европейской цивилизации.

Мадам де Сталь в своём дорожном дневнике отмечает: «Не лишним будет повторить, что народ этот создан из противоположностей поразительно резких... но никогда они не перестают быть русскими, т. е. пылкими и в то же время осторожными, более способными к страсти, чем к дружбе, более гордыми, чем мягкими, более склонными к набожности, чем к добродетели, более храбрыми, чем рыцарски-отважными, и такими страстными в своих желаниях, что никакие препятствия не в состоянии удержать их порыва. Русские гораздо гостеприимнее французов...» (Сталь 1991: 29-30).

Наметившаяся тенденция положительного восприятия французами (европейцами) России и русских не смогла разрушить стереотипы «русской угрозы» и «русского варварства», оказавшихся настолько живучими, что они

продолжают оказывать влияние на формирование образа России в сознании носителей французского языка в XX- XXI вв.

В начале XX века писатель Стефан Цвейг пишет: «...русские, дети народа, который из вековой, варварской тьмы свалился в гущу нашей европейской культуры» (Цвейг 1992: 576). В начале XXI века Элен Каррер д'Анкос, секретарь французской Академии, специалист по России, историк, писатель, политолог говорит о «une tradition de violence qui a façonné profondément la conscience collective russe» [традиции насилия, которая глубоко проникла в русское коллективное сознание и сформировала его] (Carrère d'Encausse, 2002, <http://www.ucl.ac.be/actualites/dhc2002/pcarrere.html>).

В первой половине XX в. относившиеся с симпатией к советской России французские писатели А. Мальро, Ж.-Р. Блок, А. Барбюс создают идеализированное представление о России как о стране, где «в благоприятных условиях лучшего социального строя открываются невиданные перспективы развития человека» (Жид 1934: 45), где царит «подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и берет свои истоки в низах» (Барбюс 1984: 52).

Однако более распространёнными во французском обществе середины XX в. оказались стереотипы о диктатуре одного человека, о свирепствующих в России репрессиях, о бюрократии, об обезличивании каждого (А. Жид, С. Вейль). Французское общественное мнение признало, что «la Russie est redevenue une puissance parmi les puissances» [Россия вновь стала одной из величайших мировых держав] (Weil 1999: 243).

Анализ современной научной и публицистической литературы (С. Cabanne, Е. Tchistiakova; Н. Carrère d'Encausse; D. Eckert; G. Favarel-Garrigues, К. Rousselet; А. Le Huérou, А. Merlin, А. Regamey, S. Serrano) позволяет установить, что на рубеже XX-XXI веков представители французской лингвокультуры воспринимают Россию как страну контрастов и парадоксов, непредсказуемую и загадочную.

Условно среди актуальных для современного француза стереотипов России можно выделить экономические, политические, социальные и географические стереотипы.

Географические стереотипы. Во французском обществе сложилось стереотипное представление о России как об огромной стране, государстве-континенте («État-continent» (D. Eckert)) с «островками жизни»: «la partie occupée du pays se caractérise par des densités relativement faibles et des distances moyennes importantes entre les lieux habités» [обжитая часть страны характеризуется относительно слабой плотностью населения и в среднем значительными расстояниями между населёнными пунктами] (Eckert 2004: 67). Обширность пространства российского стала причиной необустроенности жизненного пространства: «Comment moderniser cet immense pays?» [Как модернизировать эту огромную страну?] (Carrère d'Encausse 1979: 8); «Dans le cas russe, ce sont: l'immense espace, et donc ses décompositions et recompositions successives...» [В случае с Россией – это огромное пространство и, как результат, последовательные распады и объединения] (Carrère d'Encausse, 2000).

Политические стереотипы. Для среднестатистического француза Россия – это страна коммунистического прошлого с сильной автократической традицией (Favarel-Garrigues, Rousselet 2004: 4). В рамках данного стереотипного предубеждения о российском прошлом современный политический курс России (укрепление вертикали власти, «железная рука» власти) отождествляется с воссозданием полицейского авторитарного государства.

Россия – политически нестабильная страна. Политическая элита страны коррумпирована. На принятие политических решений оказывают влияние мафия и олигархи. Последние стали символом экономической и политической власти в России.

Россия ведёт агрессивную и захватническую политику. Наиболее яркий пример, иллюстрирующий данное предположение о России, существующее во

французском социуме – война в Чечне, в основе которой лежат исторические предпосылки: колониальный захват Россией Чечни (*la conquête coloniale russe*), установление советской власти в Чечне (*la domination soviétique dans les relations entre la Tchétchénie et la Russie*) (Le Huérou, Merlin, Regamey, Serrano, 2005). Некоторые исследователи считают агрессивность России обратной стороной её боязни внешнего мира («dans le cas russe ... la peur de l'extérieur avec sa double traduction dans l'expansion et l'agressivité») (Carrère d'Encausse, 2000, <http://www.editions-fayard.fr>).

Экономические стереотипы. Во французской языковой картине мира Россия – индустриально неразвитая, бедная страна. Страна экономических парадоксов, в которой развитие экономики (1990-ые гг.) приводит к технологическому отставанию (Eckert 2004: 93), а экономические кризисы (1970-1980 гг.) повышают уровень жизни (Favarel-Garrigues, Rousselet 2004: 16). Страна экономических контрастов: резкий разрыв между уровнем жизни богатых и бедных, между жизнью в мегаполисе и в провинции (Cabanne, Tchistiakova 2002: 50).

Вместе с тем Россия – страна богатых возможностей и огромного потенциала: «le pays dispose d'atouts essentiels, notamment une culture ancienne d'un niveau élevé et des richesses naturelles considérables» [страна обладает главными козырями, а именно: древней высокоразвитой культурой и значительными природными богатствами] (Cabanne, Tchistiakova 2002: 271); «la Russie saura-t-elle enfin exploiter ses immenses potentialités?» [научится ли, наконец, Россия использовать свои огромные возможности?] (Carrère d'Encausse, 2002, <http://www.ucl.ac.be/actualites/dhc2002/pcarrere.html>).

Социальные стереотипы. Французы считают, что российское общество отличается пассивностью и апатичностью (отказ от участия в политической жизни страны). Русский человек погружен в семью, в решение личных проблем и противопоставляет себя государству (Favarel-Garrigues, Rousselet 2004: 55).

Россия – страна самовара и водки: «la vodka accompagne toujours les repas en Russie, et se marie bien avec les riches saveurs des zakouski» [любой приём

пищи в России сопровождается водкой, прекрасно сочетающейся с богатством русских закусок] (Guide Voir St-Petersbourg 2004: 178). Алкоголизм – серьёзная проблема российской нации.

Французы отмечают высокую образованность населения в России.

Превалирование негативных гетеростереотипов России во французской лингвокультуре объясняется причинами общего и частного характера. С одной стороны, в национальных гетеростереотипах выделяются и получают закрепление черты, не типичные для данной нации. С другой стороны, настороженное отношение к России (что стимулировало появление стереотипных предубеждений о «русской угрозе» и «русском варварстве») формировалось во Франции на протяжении многих веков в силу выбранного внешнеполитического курса государства. Стереотипные представления о России, существующие во французском обществе, основаны на противопоставлении **своего** и **чужого**, зачастую не совпадают с базовыми ценностями во французском социуме и, как следствие, апеллируют к отрицательному в концептуальной картине мира у адресата-представителя французской лингвокультуры.

§2. Когнитивная метафора как одна из моделей построения языковой картины мира

2.1. Современные лингвистические направления исследования метафоры

За всю историю развития лингвистики найдётся немного терминов, которые, подобно метафоре, пользовались бы известностью, далеко выходящей за рамки науки, и вызывали бы столько споров в самой науке. До сих пор исследователи не пришли к единому мнению о природе метафоры и пытаются объяснить её с помощью неё самой: «любая метафора – знак, лишенный основания» (Барт 1994: 59); «интерпретируемая аномалия» (Арутюнова 1979:

147); «бессмыслица» (Апресян 1995: 608); «семантическая концептуальная аномалия» (Маккормак 1990: 363); «повивальная бабка, помогающая новым понятиям и представлениям выйти на свет из сумерек сознания» (Никитин 2002: 257); «приговор суда без разбирательства» (Арутюнова 1990: 28).

Понятие «метафоры» находит своё выражение на двух уровнях: лингвистическом и металингвистическом. Под последним мы подразумеваем нерелевантную рефлексию говорящих, спонтанные представления о метафоре, сложившиеся в обыденном сознании человека (Арутюнова 2000: 7).

Согласно данному представлению, метафора – это «излишек», ненужное «украшение», которое говорящий в процессе коммуникации добавляет к своему высказыванию. Использование метафоры в значении «искусственный» отталкивается от предположения, что наши мысли, будучи «предметами» коммуникации, могут передаваться напрямую, не прибегая к помощи слова (каковым является метафора) (Schulz 2002: 23).

Приведём в пример высказывание Альцеста в «Мизантропе» о фигурах языка (строка 385-388). На наш взгляд, оно в полной мере подтверждает эту идею. Метафора уподобляется «игре слов», противоречащей «природе» вещей и далёкой от «правды»:

И стиль напыщенный изящных ваших строк
Невыразителен, от правды он далёк,
Игра пустая слов, рисовка или мода.
Да разве, боже мой, так говорит природа?

Такое «наивное» представление о метафоре совпадает с классическими лингвистическими направлениями изучения метафоры. Не ставя перед собой задачу описать все направления исследования метафоры (полные классификации представлены в работах Н. Д. Арутюновой 1990, Н. Д. Бессарабовой 1987, В. П. Москвина 2000, Г. Н. Склярёвской 1993), мы, что допустимо в аспекте нашего исследования, условно выделим два подхода: с одной стороны, классический, берущий своё начало в концепции Аристотеля, углублённый в дальнейшем в исследованиях М. Блэка, А. А. Потебни («Из

записок по теории словесности», 1905), В. В. Виноградова и многих других специалистов, а с другой стороны – современный, возникший в американской когнитивной лингвистике (Дж. Лакофф и М. Джонсон, Ж. Фоконье и М. Тернер).

Рассмотрим классический подход. В своей «Поэтике» Аристотель впервые описал метафору как способ переосмысления значения слова на основании сходства. Метафора, по Аристотелю, даёт возможность и право, «говоря о действительном, соединять с ним невозможное», иными словами, речь идёт о способе называть предмет «не принадлежащим ему именем» через элемент сходства (Аристотель 1927: 7). Однако, как отмечают исследователи, «перед Аристотелем стояли проблемы поэтики и риторики, и поэтому все его рассуждения связаны с метафорой как фигурой речи», метафору как языковое явление Аристотель не рассматривает (Скляревская 1993: 6).

А. А. Потебня одним из первых выделил и описал синтаксические позиции метафоры: позиция обособленного определения, метафорического эпитета, приложения, обращения, подлежащего, сказуемого, дополнения (Потебня 1905: 207). Позднее проблема функционально-синтаксических и парадигматических характеристик этого явления изучалась в работах Н. Д. Арутюновой, Н. Д. Бессарабовой, В. В. Виноградова, Ю. И. Левина, Е. А. Некрасовой, В. Н. Телии, Е. Т. Черкасовой и др. Выявление синтаксических функций метафоры даёт возможность изучать метафорический контекст, что, по мнению исследователей, имеет большое значение для «выяснения её изобразительных и выразительных возможностей» (Бессарабова 1987: 158).

Традиционным объектом исследовательского внимания лингвистов остаётся семантика и функции метафоры, закономерности процесса метафоризации, её стилистические возможности (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, М. Блэк, Л. М. Васильев, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, В. Г. Гак, И. Р. Гальперин, М. В. Никитин, Дж. Серль, Г. Н. Скляревская, Е. Т. Черкасова, Д. Н. Шмелёв и др.). Ряд положений, ставших уже классическими, например: утверждения о семантической двуплановости метафор (Е. О.

Опарина, Е. Т. Черкасова), об общих для основного и переносного значений смысловых компонентах (Н. Д. Бессарабова), о необычном метафорическом окружении (А. И. Ефимов), об определённых семантических классах слов, способных развивать образные значения (Н. Д. Гарипова), лёг в основу теории регулярной многозначности, разрабатываемой российскими лингвистами в рамках структурно-семантического описания языка (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. П. Чудинов, Д. Н. Шмелёв и др.).

Исследуя семантическую структуру многозначного слова, учёные пришли к выводу о существовании в сознании носителей языка типовых соотношений первичных и вторичных значений близких по значению слов, служащих моделью для модификации значений иных слов, принадлежащих к той же лексико-семантической группе (Чудинов 2001: 35). В рамках данного подхода метафора понимается как образное средство языка, связывающее два значения слова. Механизм создания метафоры – это перенос значения на основе сходства двух предметов или явлений (Солганик 1996: 59). Переносное значение, будучи вторичным, а следовательно производным от основного, зависит от этого первичного (основного) значения. Появление метафоры, таким образом, предопределено основным значением, поэтому закономерным является суждение о том, что любой предмет можно понимать буквально, а не метафорично, что метафорический, «фигуральный» язык можно перевести на обычный «буквальный».

Как отмечает А. А. Потебня, «мысль в слове может явиться и неукрашенной, подобно тому, как можно построить здание, а потом, не изменяя общих его очертаний, прибавить к нему скульптурные и живописные подробности. Таким образом, украшение будет роскошью, исключаящую мысль о необходимости» (Потебня 1905: 202). Хотя ученый допускает, что украшения речи могут быть необходимыми, особенно в тех случаях, когда метафора выражает «сложные и смутные ряды мыслей, возбуждённых неопределённым множеством действий, слов и пр.» (Потебня 1905: 264).

В рамках французской лингвистической традиции доминирует традиционный взгляд на языковую природу метафоры (Ш. Балли, Р. Барт, Ж. Вандриес, P. Cadiot, P. Guiraud, G. Molinié, J. Picoche, B. Pottier, P. Schulz, S. Ullman), что не мешает созданию оригинальных концепций. Например, Б. Потье, отмечая крайнюю субъективность метафоры, считает её разновидностью метонимии (*métonymie associative*) (Pottier 1987: 46).

Подвести итог нашего краткого обзора классического направления изучения метафоры можно словами Н. Д. Арутюновой: «Метафора, согласуясь с экспрессивно-эмоциональной функцией практической речи, отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов. [...] Но дав толчок развитию мысли, метафора угасает. Она орудие, а не продукт научного поиска. Точно так же и в практической речи, дав толчок семантическому процессу, метафора постепенно стирается и в конце концов утрачивает образ, на смену которому приходит понятие (значение слова)» (Арутюнова 1990: 15).

Наряду с классическим подходом сосуществует иной подход, названный нами современным. На первый взгляд может показаться, что оба подхода не имеют между собой ничего общего, и более того – конкурируют друг с другом. Действительно, в рамках современного подхода метафора не сводится к языковой «игре» слов и выражений (А. Н. Баранов, М. Блэк, В. З. Демьянков, М. Джонсон, Л. В. Ивина, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, В. В. Петров, Е. В. Рахилина, А. Ричардс, М. Тёрнер, Ж. Фоконье, А. П. Чудинов и др.).

Когнитивная лингвистика, рассматривая язык как неотъемлемую часть познания, как плод человеческого ума, исследует репрезентацию языковой системы в общей ментальной системе, пытаясь ответить на вопрос: как и в каком виде вербализуются формируемые человеком структуры знания. А следовательно, «когнитивная лингвистика вторгается в сложнейшую область исследования, связанную с описанием мира и созданием средств такого описания» (Демьянков, Кубрякова 2001: 38).

В контексте вышесказанного в основе метафоры лежит перенос знаний без учёта её «языкового оформления» (Петров 1994: 140). Метафора, являясь схемой, по которой мы думаем и действуем, выступает связующим звеном между разумом, мозгом и внешним миром (Дж. Лакофф, Э. Маккормак, А. П. Чудинов).

Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона отталкивается от идеи, что наш повседневный язык усеян «живыми» метафорами, которые «управляют нашим мышлением, упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми» (Лакофф, Джонсон 1990: 387). Концептуальная метафора структурирует новые области знания, исходя из вещного, телесного опыта общения человека с миром. Ср.: буквальное геометрическое использование определения «высокий» в словосочетании «высокий человек», «высокое дерево» и его метафорический перенос на сферу механической (высокая скорость), термо- (высокая температура) динамики, этики (высокая мораль, высокая ответственность), эстетики (высокое искусство), социальных отношений (высокий пост) и т. д. Следовательно, средством осмысления некоторой более абстрактной, неизвестной области в терминах более конкретной, обычной области служит «метафорический концепт» (Ph. Gréa 2002: 113), принимающий в концепции Лакоффа и Джонсона следующую форму: СФЕРА МИШЕНЬ (есть) СФЕРА ИСТОЧНИК.

Теория Лакоффа и Джонсона положила начало развитию теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тёрнера, которая включает понятия ментальных пространств и когнитивных моделей, структурирующих эти пространства. «Ментальное пространство – это статическое образование, которое получает динамику развития посредством функционального образования – когнитивной модели» (Цит. по ст. Лакофф 1995: 172). По мнению Фоконье и Тёрнера, к ментальным пространствам относятся такие сущности: непосредственно данная нам реальность; вымышленные ситуации, ситуации, изображенные на картинах, представленные в фильмах;

гипотетические ситуации; сфера абстрактных категорий, например, область общих понятий, область математических концептов и т. д. (Fauconnier, 1984).

Структуры, которые связывают одни ментальные пространства с другими, Фоконье называет «коннекторами». Одним из таких коннекторов является метафора. В данной теории «метафора – это не абстрактный домен, а сценарий конкретной ситуации» (Рахилина 2000: 12).

Теории Лакоффа & Джонсона и Фоконье & Тёрнера имеют как общие точки соприкосновения: метафора рассматривается как продукт взаимодействия двух понятий, двух предметных областей (Лакофф & Джонсон) или концептуальных пространств (Фоконье & Тёрнер), так и ряд отличий: схема концептуальной интеграции Фоконье и Тёрнера дополняет традиционные пространства двумя дополнительными: родовым пространством, которое содержит фоновые знания, общие для входных пространств, и выходным, смешанным пространством (бленд), которое содержит концептуальный продукт интеграции (Ph. Gréa 2002: 111).

На рисунке (рис. 1) мы видим как под действием структурных условий (обычно метафорических) родового пространства структура из пространства 1 смешивается со структурой из пространства 2 и создаёт результирующую структуру в выходном пространстве. «Это новое, «дочернее», концептуальное пространство, не тождественное ни одному из исходных пространств и не сводимое к сумме их элементов» (Скребцова 2002: 138). Жирные точки означают сущности каждой сферы, жирные линии – отношения между ними, а пунктирные линии представляют отображения между сущностями различных пространств (Искусство метафоры // <http://metaphor.nsu.ru/review/fauconnier.htm>).

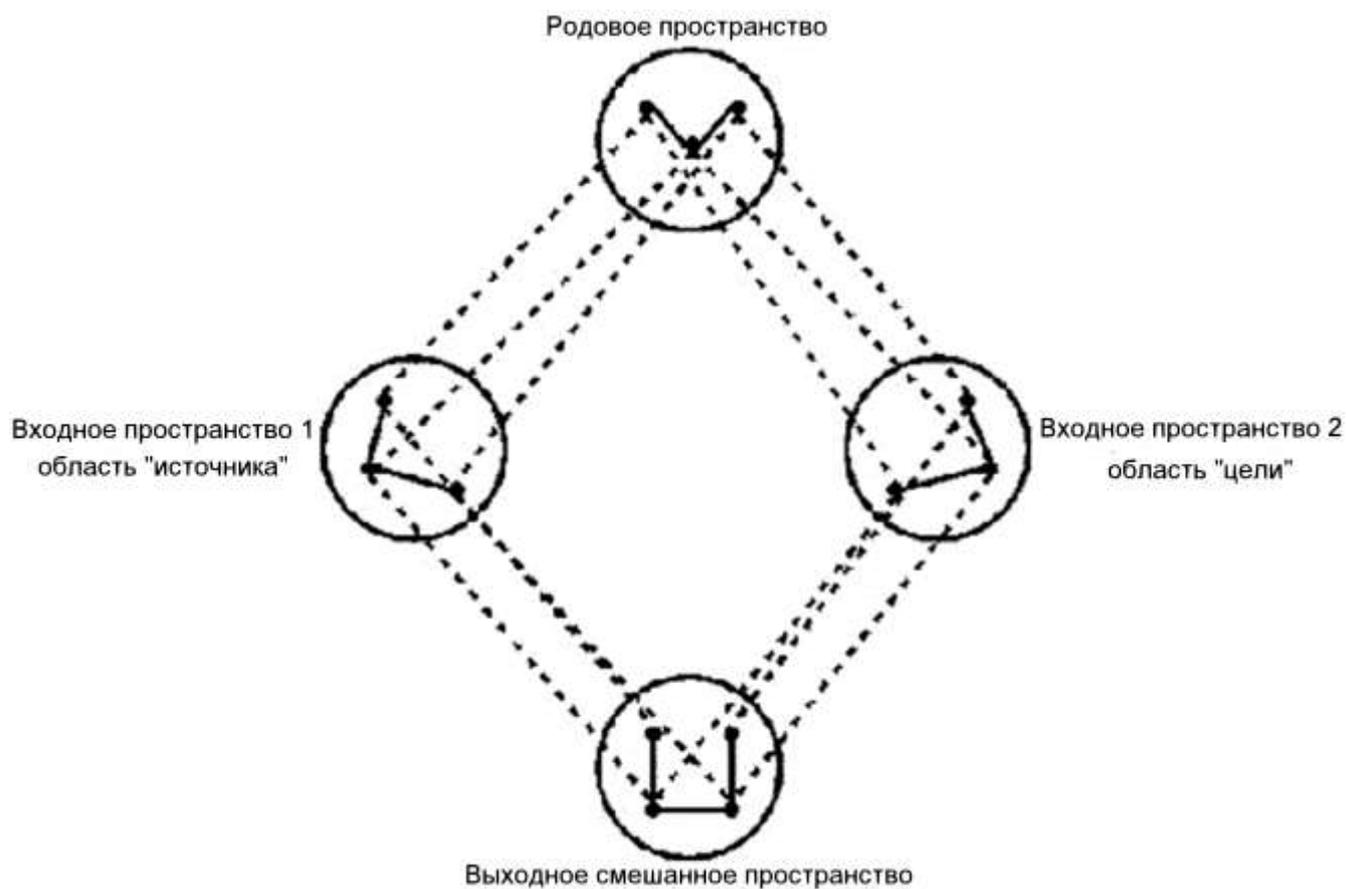

Рис. 1

У теории концептуальной интеграции Фоконье и Тёрнера есть как свои адепты (Т. Г. Скребцова, Ph. Gréa), так и свои противники (М. В. Никитин).

Аргументами в пользу теории концептуальной интеграции служат примеры, которые плохо укладываются в двух пространственную схему Лакоффа и Джонсона. Как отмечают исследователи, «не всегда реальная структура знаний о мире, которая задействуется метафорой, открывает возможность конструирования и интерпретации метафоры на основе этих двух пространств. [...] Зачастую продуктом метафоры становится новое концептуальное пространство, которое структурно происходит из интеракции пространств источника и цели, но при этом обладает своим собственным концептуальным существованием, позволяющим ему развиваться и обрести новыми ассоциациями независимо от своих прототипов» (Искусство метафоры // <http://metaphor.nsu.ru/review/fauconier.htm>).

Разночтения в теории концептуальной метафоры и концептуальной интеграции не меняют единого для когнитивистов подхода к метафоре как к

концептуальному явлению, «пронизывающему всю нашу повседневную жизнь» (Лакофф 1990: 387). Следовательно, «понятие мертвой метафоры является своего рода оксюмороном» (Prandi 2002: 19). В смерти метафоры нет той необратимости, которая присуща истинной смерти. Мертвая метафора, подобно Спящей красавице, может быть возвращена к жизни – для этого достаточно благоприятных коммуникативных условий (Prandi 2002: 19). Эпитет «спящая», пишут Х. Перельман и Л. Олбрехт-Тытека, «лучше, чем некоторые другие адъективные определения (забытая, стёртая, непризнанная), передаёт тот факт, что для метафоры это состояние всего лишь переходное, что метафоры могут «пробуждаться» и вновь становятся действующими» (Перельман, Олбрехт-Тытека 1987: 255).

Несмотря на многочисленные достоинства когнитивной интерпретации метафоры, специалисты выделяют ряд ограничений. По мнению В. В. Петрова, отождествление метафоры с аналогией приводит к излишней интеллектуализации метафоры и противоречит нашей внутренней интуиции, видящей в ней не только перенос знаний, но и тонкие образно-ассоциативные подобия (Петров 1990: 142). Теория концептуальной метафоры, как отмечает М. В. Никитин, «относится только к одному случаю языковой метафоричности [...], а именно к тому случаю смешанной предметно-признаковой метафоры, когда предметное имя с высоким метафорическим потенциалом используется в качестве базы метафорического описания и аналогического моделирования другого денотата по ряду признаков последнего» (Никитин 2002: 259). Наконец, «вседозволенность» и «засилие» метафоры в рамках когнитивного подхода приводит к «размыванию границ самого концепта метафоры», поскольку метафоризация предстаёт как единое название и для механизма, и для процесса, и для результата (Арутюнова 1990: 7).

Исходя из этого, по-видимому, наиболее рациональным при изучении закономерностей метафорического словоупотребления следует признать сочетание классических приемов лингвистического анализа с современными методами, базирующимися на достижениях когнитологии. Тем более, что,

несмотря на все отмеченные достоинства и недостатки классического и современного направлений изучения метафоры, исследователи выделяют ряд общих для двух подходов элементов (Е. В. Рахилина, А. П. Чудинов, P. Schulz и др.). Как отмечает А. П. Чудинов, в теории и методике описания моделей концептуальной метафоры и моделей регулярной многозначности существуют общие элементы, а в некоторых случаях возможен «перевод» терминов с одного лингвистического «языка» на другой (Чудинов 2001: 37).

В обоих направлениях речь идёт о «переносе» будь то значения либо концепта (знания) из одной области в другую. Данное заключение подводит нас к иному: оба подхода имплицитно идею о вторичном, производном характере метафоры (Schulz 2002: 27). Более того, Лакофф и Джонсон настаивают на производности (*dérivation*) метафоры, подчеркивая тот факт, что метафоры «живы» (о чем свидетельствует само название работы). Подобная трактовка лежит в русле традиционного понимания «первичности» вещного, телесного опыта над остальными, производными от него. Привлечение метафоры для понимания тех областей опыта, которые не обладают «собственной доконцептуальной структурой», является одним из величайших триумфов человеческого мышления (Лакофф 1995: 182).

2.2. Концептуальная метафора как одна из доминант языковой картины мира

В ходе нашего исследования мы уже упоминали о том, что существует множество моделей языковой картины мира. Метафора, будучи одним из способов создания языковой картины мира, способна показать вновь познаваемое через уже познанное, способна совмещать в себе абстрактное и конкретное, синтезируя их в новые концепты (Телия 1988: 179-180). Результат этого процесса – языковая картина мира. Представители когнитивизма считают метафору наиболее продуктивным средством интерпретации концептуальной (языковой) реальности. С точки зрения когнитивиста, практически все значения

(даже грамматические) связаны друг с другом цепочкой метафорических переносов (Рахилина 2001: 81).

Среди всех прочих выделяется теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона как одна из форм концептуализации и категоризации действительности. В рамках данного подхода метафора, рассматривается как когнитивный процесс, выражающий и формирующий новые представления, как способ репрезентации знания в языковой форме.

В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики метафора – это не сокращенное сравнение, не украшение мысли в процессе коммуникации, а форма мышления, она оказывает заметное воздействие на поведение людей, на их отношение к окружающей действительности (Н. Д. Арутюнова, М. Джонсон, Ж. Фоконье, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, В. В. Петров, Т. Г. Скребцова, В. Н. Телия, А. П. Чудинов и др.). Являясь «основной ментальной операцией, способом познания, структурирования и объяснения мира», метафора даёт возможность проникнуть и понять иное языковое пространство, так как восприятие мира у носителей разных языков не идентично (Чудинов 2001: 7). Зачастую национальное своеобразие метафоры трудно объяснимо. Так, к примеру, если в русском языке для обозначения части чайника, через которую разливают воду, используется метафора «носик», то во французском – в основу метафоры положено иное визуальное сходство: «le bec» (клюв). Посредством метафоры мы, следовательно, можем увидеть и понять «национальность» языковой картины мира.

Лежащая в основе метафоры аналогия сопоставляет две (или более) области, обычно не связываемые. При этом происходит перенос знаний из знакомой, очевидной, конкретной сферы в менее структурированную, абстрактную сферу. В результате метафоризации увеличивается объём знаний в слабо понимаемой области путём переноса дополнительной информации из более известной ситуации (Л. В. Ивина, С. Л. Мишланова, В. В. Петров, А. Ченки и др.).

Характерное для когнитивистики понимание метафорического переноса как переноса знаний снимает проблему «языкового оформления» самой метафоры (Петров 1994: 140). Подобная широкая трактовка даёт возможность учитывать при анализе не только традиционные метафоры, но и метонимические переносы, синекдоху, сравнительные конструкции, метафоры в составе фразеологизмов, что значительно обогащает исследование, позволяет выявить некоторые общие закономерности, ускользающие при изучении собственно языковой метафоры в рамках структурного подхода.

Перенос знаний при понимании одной концептуальной области в терминах другой не искусственно созданный человеком приём, а способность человеческого мышления. Многие исследователи приходят к выводу, что в ходе своего исторического развития «человек независимо от своего желания был вынужден говорить метафорически, и вовсе не потому, что не мог обуздать своей поэтической фантазии, а скорее потому, что должен был напрячь её до крайней степени, чтобы найти выражение для всё возрастающих потребностей своего духа» (Кассирер 1990: 34).

Следовательно, с одной стороны, метафора, будучи «схемой», по которой человек думает и мыслит, форматирует и систематизирует знания, служит «мостом от знакомого к незнакомому, от очевидного к менее очевидному» (Ченки 1997: 355). С другой стороны, являясь механизмом познания, она «выступает связующим звеном между разумом, мозгом и внешним миром» (Маккормак 1990: 380).

Метафора даёт нам возможность понимать абстрактные, неизвестные области опыта, выстраивая аналогии и ассоциации между разными системами понятий. При этом одна и та же область может быть представлена посредством нескольких концептуальных метафор, что позволяет различать основные типы метафор (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Р. Лангакер):

1. Структурные метафоры, основанные на концептуализации отдельных областей путём переноса на них структурирования другой области;

2. Онтологические метафоры, категоризирующие абстрактные сущности, путём очерчивания их границ в пространстве;
3. Метафора «канал связи/передача информации», представляющая процесс коммуникации как движение смыслов, «наполняющих» языковые выражения (вместилища), по «каналу», связывающему говорящего и слушающего;
4. Ориентационные метафоры, структурирующие несколько областей и задающие общую для них систему концептуализации. Они в основном связаны с ориентацией в пространстве, с противопоставлениями типа «вверх-вниз», «внутри-снаружи», «глубокий-мелкий», «центральный-периферийный» и др.;
5. Метафора «контейнер», представляющая смыслы как «наполнения контейнеров»;
6. Метафора «конструирование», представляющая смысл крупных речевых произведений как «конструкцию» из более мелких смыслов (Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 56).

Отличаясь принципом порождения аналогий между мыслительными пространствами (областями чувственного или социального опыта), все вышеперечисленные концептуальные метафоры обладают едиными свойствами и функциями. Рассмотрим основные из них.

Исходя из утверждения А. Ричардса и Дж. Лакоффа (Теория метафоры, 1990) о метафоричности человеческого мышления, принимая во внимание ведущую роль метафоры в «вызревании мысли» на переходе от конкретного в опыте и деятельности – к абстрактному и сложному, мы не можем не отметить способность метафоры к **концептуализации** действительности (Никитин 2002: 260). Иными словами, метафора в процессе формирования новых знаний и структуризации старых создает концепт – «единицу сознания любого уровня абстрактности и сложности» (Никитин 1979: 92). Концепт, как отмечает Е. С. Кубрякова, отражает представления «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и

знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» (Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90).

Процесс концептуализации тесно связан с процессом категоризации: являя собой классификационную деятельность, они различаются вместе с тем по конечному результату и/или цели деятельности. «Первый направлен на выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второй – на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство [...] в более крупные разряды» (Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 93).

Способность метафоры упорядочивать воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми является одним из фундаментальных свойств метафоры. Используемое в концепции Дж. Лакоффа понятие **категоризации** – это попытка ответить на вопрос о когнитивной деятельности человека, о том, «на основании чего классифицирует вещи обычный человек и как он сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм её движения в определённые рубрики» (Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 45). Отходя от традиционного аристотелевского понимания категорий, Дж. Лакофф отказывается от представления о том, что разделение на категории существует а priori в предметном мире. «Категоризация является результатом мыслительной деятельности человека» (Беляевская 2001: 108).

Метафора как одна из форм концептуализации выражает и формирует новые понятия (концепты) и новое знание путём «наведения» новой категоризации на действительность или на её отдельные фрагменты (Баранов, Караулов 1991: 184). Как считают исследователи, в данном случае возможны два варианта: метафора либо приводит к декатегоризации – старая категориальная сетка разрушается, возникают черты новой, меняющей коренным образом стандартное представление о фрагменте действительности; либо она категоризирует ещё не структурированный концепт, исходно

воспринимающийся как довольно абстрактная сущность, плохо поддающаяся рациональному осмыслению (Баранов, Караулов 1991: 188-192).

Отождествление метафоры с механизмом получения выводного знания путём категоризации приводит нас к иному её свойству, а именно к способности концептуальной метафоры **моделировать действительность**. Ибо, как отмечает Дж. Лакофф, изменяя представление о сути категорий, мы меняем по существу и представление о мире (Lakoff 1987: 9). Когнитивные процессы, ведущие к категоризации, формируют «видение» фрагмента действительности, но при этом они не осознаются носителями языка как самостоятельный феномен.

Многочисленные исследования показали, что концептуальные метафоры говорящих на одном языке в данной культуре часто взаимосвязаны и часто подкрепляют друг друга, образуя сложные, связанные системы (М. Джонсон, Дж. Лакофф, А. Ченки и др.). Тематически более конкретные метафоры (например, «ЛЮБОВЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ» или «КАРЬЕРА – ПУТЕШЕСТВИЕ») часто подтверждают более общие метафоры (например, «ДОЛГОСРОЧНАЯ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЁННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ - ПУТЕШЕСТВИЕ»). Если более конкретные метафоры обычно являются принадлежностью конкретных культур (ср. «ЛЮБОВЬ – БЕЙСБОЛЬНЫЙ МАТЧ» в Северной Америке), более общие метафоры оказываются более универсальными (Ченки 2001: 71).

Системность концептуальных метафор позволяет им объединяться в модели. Описывая механизмы мышления и образование концептуальной системы человеческого сознания, метафорическая модель основана, главным образом, на восприятии, на движении нашего тела, на физико-социальном опыте человека. Из этого следует особенность метафорической модели: она является результатом естественной, а не научной категоризации действительности.

Кроме того, Д. Лакофф, М. Джонсон в своей книге «Метафоры, которыми мы живём» отмечают такое свойство метафорических понятий, как способность «освещать» и «затемнять» (Теория метафоры 1990: 393). Иными словами,

осмысливая некоторые аспекты одного понятия в терминах другого понятия (напр., В. Путин - монарх), мы затемняем другие аспекты данного понятия (напр., монарх может быть и хозяином).

Согласно принятому в теории когнитивной метафоры определению, метафорическая модель – это «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: «**X – это Y**». Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие» (Чудинов 2003а: 70). Метафорическая модель представляет собой исходную понятийную область (область-источник, сферу-донор) и новую понятийную область (сферу-мишень, реципиентную сферу), которая обычно сохраняет не только структуру исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника.

Метафорическая модель, являя собой абстрактную концептуальную схему действительности, содержит определённую структуризацию признаков этой действительности. Способность выделять те признаки объекта, которые выдвигаются на первый план, фокусировать внимание человека на том или ином признаке основана на фреймово-сценарной структуре метафорической модели.

Заимствованные из теории представления знаний, фрейм и сценарий (наряду с другими специально разработанными языками представления знаний (аффективные структуры, сюжетные свёртки и т. д.)) – это способы представления стереотипного знания в языке, это «фрагменты языковой картины мира», конструирующие определённую концептуальную сферу (Чудинов 2001: 44). И если сценарий – процедурный способ представления знаний, формулируемый в терминах алгоритма или инструкции (сценарий посещения кино, сдачи экзамена) (Баранов 1997: 12), то фрейм (от англ. «frame» – «рамка») является декларативным способом представления знаний, формулируемым в терминах описания (дескрипции) (фрейм дома, стола, движения) (Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 187).

Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет. Ещё М. Минский, определяя фрейм, особо подчёркивал, что зрительный образ ситуации, стоящей за фреймом, - это не живое зрительное впечатление, но некоторое типизированное мысленное представление, «стереотип», который в дальнейшем послужит своеобразной точкой отсчета для интерпретации «реальных» ситуаций, с которыми человек имеет дело в действительности (Минский 1979: 11).

Таким образом, фреймы организуют, «категоризируют» как наше понимание мира в целом, так и наше обыденное поведение. При восприятии какой-либо информации человек использует уже готовые структуры, облегчающие восприятие, запоминание, и хранящиеся в его «банке данных» до тех пор, пока в них не возникает необходимость, а при возникновении чего-то нового – автоматически производит выбор наиболее похожей схемы для сличения нового с уже имеющимся в памяти (Bartlett, 1932 цит. по: Ивина 2003: 38).

Формально фреймы представляют в виде структуры узлов и отношений. Вершинные уровни фреймов фиксированы и соответствуют определённым понятиям, ниже этих узлов – терминальные узлы или слоты (от англ. «slot» - «щель»), конкретизирующие фрейм.

Что касается языкового представления знаний и фреймов как единиц знания, то, анализ отношения различных направлений в когнитивном подходе к семантике слова показывает, что «слово несёт информацию не только об обозначаемом, но и о связи этого обозначаемого с другими объектами и явлениями материального мира, а также информацию о соотношении данного обозначения с другими обозначениями, функционирующими в языке», а, следовательно, за значением слова стоит некоторый блок или «квант» знаний, и к слову применимо понятие фрейма (Беляевская 2001: 107, 110).

А поскольку язык в целом, являясь одним из важнейших способов организации знания, во многом представляет собой именно систему фреймов

(Ивина, 2003; Касевич, 1989), аппарат фреймов, используемый в когнитивной лингвистике, позволяет моделировать мыслительные процессы и выявлять когнитивные структуры, скрывающиеся за фактами их употребления.

Язык фреймов, обладая помимо вышеперечисленных свойств способностью экономить усилия, сводя любую уникальную ситуацию к стандарту, в которой воплощен предшествующий опыт человека, не делая различий между лингвистической и экстралингвистической информацией, позволяет в ёмкой и компактной форме описать любой фрагмент действительности, и, следовательно, удобен для характеристики метафорической модели. В ходе нашего дальнейшего исследования мы будем обозначать фрейм именем понятия, а слоты – именами тех признаков, которые формируют это понятие.

Выявленные свойства концептуальной метафоры определяют её основные функции. Назначения метафоры столь многочисленны, что перечисление всех её функций привело бы к излишнему нагромождению и путанице (см. полную классификацию Баранов, Караулов 1991; Никитин 2002; Чудинов 2001, 2003а). В рамках нашего исследования функционирования метафоры в дискурсе масс-медиа особое значение имеют функция «наведения» новой категоризации на действительность (в терминологии А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова), моделирующая, прагматическая и коммуникативная функции.

Метафора, благодаря лежащим в её основе непредсказуемым межфреймовым связям, обладает большой эвристической, креативной силой. Результатом этого является категоризация любой абстрактной сущности, которая плохо поддаётся рациональному осмыслению.

Порождаемые метафорой концепты и категории (новое знание) формируются и актуализируются в сознании человека благодаря коммуникативной функции. Иными словами, метафора представляет новую информацию в краткой и доступной для адресата форме (через перенос знаний из знакомой области в незнакомую). Полученная путём метафоризации система знаний формирует в сознании адресата некую модель мира (моделирующая

функция), которая зачастую вместе с пониманием реальной действительности преобразует и достраивает её. Недаром моделирование – одна из основных категорий теории познания (Философский энциклопедический словарь 1983: 381). «Важная роль отводится при этом процессам концептуализации и категоризации (основным характеристикам метафоры – О. Ш.), обуславливающим решение задач переработки «новой» информации с привлечением индивидуальной концептуальной системы, использованием опор и выводного знания в процессе смыслообразования» (Мишланова 2002: 8).

Помимо моделирования картины мира метафора акцентирует определённые эмотивно-оценочные смыслы при её восприятии (прагматическая функция). Адресант осознанно воздействует на процесс концептуализации действительности у адресата, отбирая то или иное языковое средство реализации своей интенции и активизируя в сознании определённые комплексы сведений с соответствующими оценочными суждениями (одного и того же человека за одни и те же действия можно назвать «повстанец», а можно – «террорист», «киллер», «убийца», «рэкетиры», «вымогатель» и т. д.) (Гришаева 2002: 108). Хотя не исключена и «неосознанная» оценочность метафоры в силу освещения одних аспектов понятия через затемнение других (в пылу спора мы забываем о сотрудничестве или о том, что противник теряет своё время) (Лакофф, Джонсон 1990: 412). Таким образом, метафора, «опираясь» на вербально и невербально закодированную информацию, хранящуюся в когнитивных структурах, является «мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия» (Чудинов 2001: 48-49).

Прагматические смыслы, актуализируемые в метафорах, обнаруживают определённую системность. Так, в ориентационных метафорах в классификации Дж. Лакоффа и М. Джонсона оценочный смысл «хорошо» связан с понятием верха, а плохо – с понятием низа (Теория метафоры 1990: 414): высокий ум, мысль, цель и низкий человек, мысль, цель. В концепции Ю. Д. Апресян реакции души, недоступные прямому наблюдению, уподобляются

тому, что может наблюдаться непосредственно – реакциям тела (Апресян 1995: 461). Страх передаётся через холод, отвращение – через неприятный вкус, страсть – через жар: ср., кровь стынет в жилах, плевать от отвращения, горячка страсти и т. д. В метафорах отражается ценностная символика цвета; к примеру, обозначения «розовый» и «золотой» образуют в определённой системе ценностей метафоры с положительной коннотацией: в розовом свете, золотое детство (Вольф 1988: 56).

Подводя итог, следует отметить, что концептуальная метафора представляет собой своего рода «русло, по которому привычно движется бессознательная творческая активность всенародного сознания, и дискуссионное поле, творческая лаборатория по созиданию образа мира у человека» (Постовалова 1994: 208). Следовательно, анализируя метафору, можно определить те аспекты картины мира, которые непосредственно проникают в структуру языковых единиц при помощи сценариев, фреймов, слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области и влекущих за собой особое постижение, рубрикацию, оценку фрагмента действительности.

В заключение отметим еще раз, что присущие концептуальной метафоре свойства играют каталитическую роль в осмыслении и категоризации мира, в становлении и формировании определённой языковой картины мира. А поскольку языковая картина мира обладает национальной специфичностью, ибо любая речемыслительная деятельность человека соотносится с той национальной картиной мира, внутри которой человек существует, с морально-этическими ценностями, зафиксированными социальными институтами и представленными в концептуальной картине мира каждого члена определённого социума, метафора позволяет проникнуть и понять иное национальное самосознание, являясь универсальным средством подачи информации путём переноса знаний из знакомой, конкретной области в абстрактную, неизвестную. Взаимосвязь «картин мира», их структурное соотношение иллюстрирует следующая схема (рис. 2), на которой, опуская всё многообразие связей, существующих между различными составляющими того

или иного понятия, мы выделяем то существенное, что помогает нам понять, что влияет на формирование человеком определённой модели действительности. Вопрос о том, насколько своё национальное самосознание (национальная картина мира) мешает, искажает восприятие иного национального самосознания, мы рассмотрим в следующей главе.

Рис. 2

Выводы

Представленный в настоящей главе анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Нация есть определённая ступень в развитии человечества. Она обладает рядом характеристик, выявляющих её своеобразие. Более того, каждой нации присуще свое виденье, отражение мира (национальная картина мира). Все нации воспринимают единый мир, но представляют его по-разному. Множество факторов (менталитет народа, его традиции, символы, культура, климат, язык...) влияют на восприятие и концептуализацию мира в сознании человека и ведёт, таким образом, к созданию национальной картины мира, единой для данной совокупности людей. Наименее изменчивый пласт культуры – то, что мы назвали ценностями – имеет одинаковую структуру для всех наций. Но в рамках каждой из них эти ценности понимаются по-разному, имеют свой акцент и, как следствие, создают неповторимость национальной картины мира.
2. Стереотипы, будучи одним из способов упрощенного представления и восприятия действительности, влияют на успешность межкультурного общения. Национальные стереотипы выступают своего рода «понятийными орудиями», отражающими прошлый опыт общества касательно действий и размышлений о других национальных общностях определёнными способами; и они способствуют увековечению этих способов в силу таких своих свойств, как схематичность, устойчивость, малоизменчивость. По мере того как общество меняется, национальные стереотипы могут также постепенно видоизменяться и отбрасываться, но этот процесс происходит крайне медленно. Национальные стереотипы никогда полностью не «детерминируют» мировоззрение общества, но очевидным образом оказывают на него влияние (путём конструирования «образа врага» или «образа друга»).
3. Деление национальных стереотипов на авто- и гетеростереотипы отражает осознание человеком «чуждости», то есть выделение «своего» и «чужого» и формирование предвзятого, настороженного отношения ко всему, что выходит

за рамки культурно обусловленных морально-этических ценностных ориентаций данного социума.

4. Отличия между автостереотипами России, существующими в отечественной лингвокультуре, и её гетеростереотипами, закреплёнными в концептуальной картине мира носителей французского языка, обусловлены рядом факторов: во-первых, несовпадением французских и российских автостереотипов, объясняющимся различными базовыми ценностями, сформировавшими французское и российское общество. Во-вторых, многие отрицательные стереотипы России во французской культуре отражают исторически сложившееся у европейцев (у французов в частности) представление о России как о части татарского мира, о части Азии. Стереотипы «русской угрозы», «русского варварства» прочно вошли в европейское сознание и использовались в конфликтных ситуациях для создания образа врага вплоть до XIX века.

5. Взаимосвязь и взаимозависимость языка и образа мышления человека ведёт к определённому способу организации действительности в языке – языковой картине мира, которая, являясь субсистемой в национальной картине мира, обладает национально-культурным своеобразием, наряду с такими её чертами, как «наивность», антропоцентризм, эгоцентризм, системность. С одной стороны, языковая картина мира отражает и передаёт не только образ жизни, но и образ мышления, характерный для некоторой данной нации. С другой стороны, она воздействует на содержание мышления носителей языка, влияет на поведение людей, на их отношение к окружающей действительности.

6. Языковая картина мира каждой культуры обладает внутренней целостностью, «живёт» по своим законам. Попадая в иную языковую картину мира, чужеродная общность подчиняется этим законам и определённым образом изменяется.

7. Одним из механизмов моделирования, категоризации и концептуализации внеязыковой действительности в языке является метафора. Показывая вновь познаваемое через уже познанное, абстрактное через конкретное, незнакомое

через очевидное метафора синтезирует новые концепты и создаёт новый образ реальности, активизируя закодированную информацию, хранящуюся в когнитивных структурах человеческого мозга.

8. Метафора как лингво-когнитивное явление обладает способностью создавать ментальную модель действительности, отражаемую в языке вообще и в головах конкретных носителей языка в частности. Следовательно, она служит эффективным средством понимания не только того, как мы смотрим на мир, членим и оцениваем его, но и того, как мир смотрит и оценивает нас.
9. Способность концептуальных метафор образовывать сложные системы позволяет им объединяться в модели. Метафорическая модель, являясь абстрактной концептуальной схемой действительности, содержит определённую структуризацию признаков этой действительности и, как следствие, активизирует в сознании адресата комплексы знаний и сведений с ярко выраженными эмотивно-оценочными смыслами.
10. Использование языка фреймов для структурирования метафорической модели представляется оптимальным, поскольку фреймы являются своеобразными «упаковками знания», с одной стороны, о внеязыковой действительности (аппарат фреймов позволяет моделировать мыслительные процессы и выявлять когнитивные структуры, скрывающиеся за фактами их употребления), с другой стороны, о собственно языковой системе, так как за значением каждого слова стоит определённый прототипичный фрейм.

Глава 2. Метафорическое представление современной экономики и культуры России во французской прессе (в сопоставлении с российской)

Целью данного этапа исследования является выделение, описание и сопоставление ведущих метафорических моделей, используемых во французском и российском дискурсе масс-медиа при подаче информации о культурной и экономической жизни России. Такое исследование поможет выявить особенности метафорического представления российской действительности, а также будет способствовать исследованию воздействия прессы на установление взаимопонимания между Россией и Францией в сфере экономики и культуры.

Основой для выявления и систематизации метафорических моделей в данном разделе служат сферы метафорического притяжения (сферы-магниты), представляющие экономику и культуру России. Данный способ классификации моделей уже являлся объектом внимания исследователей (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов). Однако специфика нашего исследования заключается в том, что в данном случае нами было проанализировано метафорическое представление российской действительности в иноязычной среде, каковой являются периодические издания Франции.

При описании метафорических моделей мы следуем методике, разработанной А. П. Чудиновым (2001, 2003а): характеризуем исходную (сферу-донор) и новую (сферу-магнит) понятийную область; выявляем относящиеся к данной модели фреймы и слоты; рассматриваем компоненты, связывающие первичные и метафорические смыслы охватываемых моделью единиц; определяем типовые направления развёртывания модели (её продуктивность); анализируем прагматический потенциал модели.

В рамках одного исследования невозможно детально охарактеризовать все метафорические модели, концептуально раскрывающие образ России во французской прессе. При отборе и анализе метафорических моделей, воссоздающих различные сферы российской жизни в языковой картине мира

французского адресата, учитывались такие факторы, как детальная структурированность моделей, частотность, продуктивность и возможность отнесения рассмотренных моделей к числу доминантных для современного этапа развития языка.

Следует подчеркнуть, что мы далеки от мысли утверждать, что образ той или иной страны в сознании населения целиком и полностью зависит от того, что и как о данной стране сообщает пресса других стран, однако не учитывать влияние, оказываемое СМИ на читателей, было бы неразумно и недальновидно (М. В. Гаврилова, Л. И. Гришаева, Й. Коженевска-Берчинска, В. Д. Мансурова, П. Сорокин, А. П. Чудинов и др.).

§1. Россия на страницах французских газет (проблематика и метафорика)

Тексты СМИ, будучи продуктом художественно-эстетической деятельности и неотъемлемой частью культуры, оказывают вместе с тем идеолого-политическое воздействие на аудиторию (М. В. Гаврилова, Л. И. Гришаева, В. А. Колосов, В. Г. Костомаров, Э. А. Лазарева, Л. М. Майданова, В. Д. Мансурова, Е. И. Шейгал, Л. Л. Шестакова и др.). Специалисты утверждают, что даже если это несовместимо с личными убеждениями и опытом реципиента, люди имеют склонность разделять убеждения (знания и мнения), представленные в прессе. Читатели доверительно воспринимают информацию под влиянием уважения к соответствующим средствам массовой информации и/или под влиянием того, что это точка зрения профессионалов, которые владеют более полной информацией (Nesler, Aguinis, Quigley, Tedeschi, 1993, pp.1407-1425 цит. по: Гаврилова 2002: 12).

Современные читатели отчетливо разграничивают функции различных СМИ: люди узнают новости из аудиовизуальных СМИ, осмысливают же их благодаря комментариям в прессе. Особая роль печатных СМИ связана с тем, что «читатель газеты/журнала имеет возможность приспособлять чтение того или иного сообщения к своим потребностям и возможностям, неоднократно

возвращаясь к материалу, использовать одновременно дополнительные источники информации в случаях несогласия с позицией журналиста или при желании углубить своё понимание проблемы» (Гришаева 2002: 100).

Газетные выпуски широко и разнообразно представляют своим читателям окружающую жизнь, события внешнего мира, многие области реальности. Газетные сообщения служат отображением социальной среды. Эта категория определяется как «окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования, формирования и деятельности» (Философский энциклопедический словарь 1983: 621). Таким образом, язык СМИ создаёт особое представление о действительности, которое В. Д. Мансурова назвала «журналистская картина мира». Картина мира, создаваемая журналистикой как сферой производства социальной информации, полноправно «вписывается» в систему категорий современного знания, таких как научная, физическая, языковая картины мира (Корнилов, 1999; Мансурова, 2002; Стёпин, 2002; Яценко, 1983).

Журналистская картина мира, являясь «специфическим ментальным образованием, возникающим в массовом обыденном сознании, представляет собой динамическую, сложно организованную, самоорганизующуюся систему циркуляции социального знания – информации, востребованной обществом» (Мансурова 2002: 217). Вышеперечисленные черты журналистской картины мира обусловлены такими особенностями СМИ как ориентация на массовое сознание, перевод информации на уровень обыденного понимания. Тексты СМИ (в данном случае французские периодические издания) доступны каждому носителю языка. Представляя собой совокупность социокультурных смыслов, выраженных в различных знаковых, символических и образных формах, публицистические тексты конструируют мировидение среднего человека данной культуры. Поэтому с лингвокультурологической точки зрения СМИ можно рассматривать как источник мировоззренческих и языковых стереотипов обыденного сознания. Анализ текстов СМИ, таким образом,

позволяет воссоздать тот субъектно-объектный образ мира, который воздействует на понимание нацией той или иной реальности.

Важно подчеркнуть, что картина мира, которую рисуют газеты, не беспристрастна. С одной стороны, она отражает интересы политических, экономических и интеллектуальных элит страны, их внешнеполитические ориентации, восприятие потенциальных союзников и источников внешних угроз (М. В. Гаврилова, В. А. Колосов). С другой стороны, СМИ вынуждены руководствоваться запросами общества – такими, как они формируются на данный момент – с учетом социальной, гендерной, культурной, конфессиональной, политической, мировоззренческой структуры общества (Л. И. Гришаева, И. П. Лысакова).

Как показывают специальные исследования, геополитическая картина мира французской прессы – самоцентрирована, её можно представить в виде нескольких вложенных концентрических окружностей, в центре которых — Франция. Первая геополитическая оболочка — это ее непосредственные соседи и партнеры по ЕС, за исключением островной Великобритании. Вторая геополитическая сфера, воспринимаемая в качестве «своей» — это кольцо соседей в Средиземноморском регионе (Алжир, Марокко, Египет, Израиль, Ливан, Балканы) (Г. Гачев, В. А. Колосов, Р. Claval). Россия во французской геополитической картине мира находится скорее в Азии и отделена от “коренной” Европы широкой полосой государств (Н.А. Бородулина, О.И. Вендина, Т.А. Галкина, Д.В. Заяц, В.А. Колосов, Е.С. Юр, Р. Claval, Н. Carrère d’Encausse).

Следует, однако, отметить, что Россия, несмотря на ослабление ее внешнеполитических позиций, остается в сфере информационных интересов всех ключевых стран мира, в пятерке мировых держав, с новостями о которых газеты считают необходимым знакомить свою аудиторию каждый день (Н.А. Бородулина, О.И. Вендина, Т.А. Галкина, Д.В. Заяц, В.А. Колосов, Е.С. Юр и др.). Поэтому французские газеты считают необходимым ежедневно знакомить свою аудиторию с новостями, приходящими из России.

Сопоставление материалов о России, независимо от их объёма и тематики, за период 1999-2005 гг., опубликованных в общенациональных ежедневных газетах, позволяет судить о том, какой образ России формируется в концептуальной картине мира читателей французской прессы. Источником нашего исследования стали издания, адресованные читателям с разными интересами и интеллектуальными запросами: «Monde» – это одна из самых солидных и влиятельных газет, которая отличается аналитическими обзорами, отсутствием прямых политических оценок, «Libération» – газета, которая считается газетой интеллигенции «поколения 1968», «Humanité» – орган Французской коммунистической партии.

Информация о России востребована французским обществом, о чем свидетельствует регулярность освещения российских событий французской прессой и тематическое разнообразие публикаций: газеты отражают сведения из разных сфер (внешняя и внутренняя политика, экономика, война в Чечне, культура и т.д.). Однако в фокусе постоянного внимания французской прессы оказываются далеко не все стороны российской жизни.

Проведённое исследование показало, что из 1743 статей о России, опубликованных в современных французских изданиях, 1108 (63,6%) – посвящены внутренней политике, из них 198 (17,8%) – войне в Чечне. Внутривнутриполитическая жизнь России отражается французскими газетами преимущественно в тех случаях, когда нашу страну сотрясают политические и экономические кризисы, когда в ней теракты (захват заложников в Москве, трагедия в Беслане), междоусобицы («колониальная» война в Чечне и злодеяния российских солдат) и иные конфликты (арест М. Ходорковского, установление государственного контроля над телеканалами НТВ, ТВ6). Информационными поводами становятся также выборы и неадекватные действия высших руководителей страны, которые подвергаются систематической критике (особенно в период правления Б. Ельцина). Во французских газетах Россия выглядит единой протяженностью, объектом без

пространственного образа. Из российских географических названий фигурируют лишь Москва, Санкт-Петербург, Чечня и Сибирь.

Внешняя политика России (428 статей или 24,5%) интересует французский газетный рынок с точки зрения места нашей страны в системе международных отношений, спорадически появляются и публикации о национальных внешнеполитических доктринах. В прессе активно обсуждаются три внешнеполитических проблемы: российско-американские отношения, роль России в урегулировании кризисов на Ближнем Востоке и на Балканах, новая система отношений между Западом и Россией. Что же касается взаимоотношений России со странами СНГ, то они практически не отражаются в зеркале французских периодических изданий.

Несмотря на то, что в западных газетах доминирует экономическая составляющая, доля французских публикаций о российской экономике относительно мала – 138 статей (7,9%): сказываются слабость торговых потоков между Россией и Западом и ограниченность западных инвестиций. Как следствие, общая картина мира оказывается сильно политизированной, конфликтной, взрывоопасной. Наряду с публикациями о кризисе российской экономике, всё больше встречается статей о перспективности капиталовложений в Россию и высокой ёмкости российского рынка. Французская пресса признаёт, что тенденции развития российской экономики позитивны.

Публикации о культуре России (69 статей или 4,0%) находятся на периферии внимания французских СМИ и, как правило, в данных статьях факты превалируют над комментариями и оценкой. Русская культура на страницах французских газет преимущественно представлена информацией об известных писателях (речь идет главным образом о годовщине со дня смерти или рождения) и сообщениями о выдающихся деятелях театра и кино (А. Кончаловский, П. Лунгин, А. Звягинцев). Достаточно регулярно появляется лишь информация о спортивных достижениях России.

На рисунке 3 можно увидеть соотношение тематики публикаций о России во французских газетах.

Рис. 3

В проанализированном материале большинство публикаций выполнено в жанре «новости», предназначенном для изложения фактов о чем-либо (Гришаева, 2002). Претендуя на независимость и объективность, на точное и непредвзятое информирование своих читателей, французские газеты (особенно «Монд») избегают напрямую выражать оценку событий, упомянутых в публикациях.

Моделирование образа России в языковой картине мира адресата происходит на основе использования вариативности языковых средств, способных активизировать в сознании определённые комплексы сведений с соответствующими оценочными суждениями, так как оценка, являясь центральным компонентом прагматической информации, занимает в языке газеты весьма важное место. Другими словами, язык обладает способностью «манипулировать восприятием/реакцией адресата» благодаря комплексу «вербально и невербально закодированной информации, хранящейся в когнитивных структурах, из которых, собственно, и складывается культурно обусловленная картина мира» (Гришаева 2002: 108). В силу этого факт,

отраженный в журналистском слове, пристрастен, а, значит, и субъективен (Мансурова 2002: 87).

Образ России, будучи для французского адресата «новой», непосредственно ненаблюдаемой мыслительной областью, моделируется и структурируется в процессе познания с более простыми и конкретными наблюдениями через концептуальную метафору. Путём переноса знаний из сферы-источника (первичной семантической сферы) в сферу-магнит (вторичную семантическую сферу) формируется негативное/позитивное отношение адресата к тому или иному феномену российской жизни, «в то время как вербальные средства (как лексические, так и грамматические) могут быть нейтральными» (Гришаева 2002: 109).

При анализе образа России, создаваемого французскими СМИ, нами были выделены наиболее частотные и продуктивные метафорические модели. Любая классификация метафорических моделей, равно как и попытка отнесения метафорических обозначений к исходной понятийной сфере, неизбежно страдают некоторым субъективизмом и относительностью, поскольку «возможные пути классификации очень разнообразны и едва ли какая-либо из возможных классификаций окажется принятой всеми» (Чудинов 2003а: 74).

За основу для систематизации метафорических моделей нами была взята сфера метафорического притяжения «Россия» и её отдельные фреймы и слоты: внутренняя политика (политический курс В. Путина, война в Чечне), внешняя политика, экономика, культура.

В результате проведённого номинативного и концептуального анализа метафор образа России во французских газетных текстах, выявлено три основных области заимствования слов и словосочетаний для метафорической номинации субъектов, объектов, явлений и процессов, входящих в понятийное поле «Россия» (таблица 2).

Таблица 2

Основные сферы-источники для метафорической номинации образа России и их активность во французских газетных текстах

№ п/п	Сфера-источник	Кол-во метафор	% от общего числа метафор
1	Мир человека	2280	62
2	Мир животных и растений	780	21,2
3	Мир пространственной ориентации	620	16,8

При определении сферы-источника метафорической экспансии мы исходим из того, что привлеченное слово или словосочетание по области применения и смысловому содержанию должно в наибольшей степени принадлежать тому или иному фрагменту картины мира.

В частности, «мир человека» включает такие концептуальные метафоры, которые относятся к исходным понятийным сферам «части тела человека», «болезни», «семейные отношения» (так называемые антропоморфные метафоры); «предметы быта», «результаты деятельности людей» (артефактные метафоры); «организационные формы человеческого бытия» (социоморфные метафоры). Ср.:

Gazprom – bras armé du Kremlin (M., Газпром – вооружённая рука Кремля. 14.04.01).

Une guerre qui est devenue la clé de voûte de l'édifice complexe du pouvoir de Vladimir Poutine. (M., 09.02.03).
 Война в Чечне стала фундаментом в сложном здании власти, возводимом В. Путиным.

M. Poutine joue sa carte américaine (L., Путин пустил в ход американский козырь 16.04.03).
 (досл. разыграл карту).

В группу слов и словосочетаний, отнесённых к «миру растений и животных», входят лексические единицы, обозначающие животных, птиц, растений. Ср.:

Face au sida, les autorités publiques font l'autruche (M., 02.07.02).
 Столкнувшись с проблемой СПИДа, власти «прячут голову в песок».

La Russie n'a pas l'intention de "faire la В четверг 22 ноября президент Владимир

queue pour entrer dans l'OTAN", a déclaré le président Vladimir Poutine, jeudi 22 novembre. Voulait-il dire par là qu'il piaffe d'impatience de voir son pays rejoindre un jour l'Alliance atlantique? (M., 23.11.01). Путин заявил о том, что Россия не намерена «стоять в очереди, чтобы вступить в НАТО». Хотел ли он выразить тем, что бьёт копытом от нетерпения оттого, что Россия до сих пор не входит в альянс?.

Ещё Ж. Маторе в своей книге «Человечекое пространство» отметил, что в современном французском политическом языке большое распространение приобрели метафоры пространственного характера (Matoré, 1962, цит. по: Гак 1993: 137). «Мир пространственной ориентации» составляют единицы, образно представляющие локализацию объектов и субъектов в пространстве, а также по отношению друг к другу. Ср.:

L'arrivée de soldats américains sur des bases en Asie centrale, dans le cadre de l'opération anti-terroriste en Afghanistan, n'a jamais été très populaire dans les milieux militaires russes, qui y voient le signe d'une perte de prestige dans ce carré traditionnel de Moscou (M., 11.01.02). Российские военные никогда не приветствовали присутствие американских солдат на базах в Центральной Азии в рамках антитеррористической операции в Афганистане. Они видят в этом первый признак потери Россией престижа в странах, традиционно бывших территорией её влияния (досл. вокруг квадрата).

По количеству единиц, заимствованных из определённых концептуальных сфер, можно с достаточной долей вероятности судить о ментальных доминантах типичного представителя французской лингвокультуры. Из сферы «мир человека» оказалось заимствовано 62% метафор, что вполне закономерно, во-первых, учитывая присущий менталитету человека антропоцентризм (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Л. В. Ивина, Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, А. П. Чудинов и др.). Во-вторых, преобладание данного вида метафор демонстрирует особенность человека номинировать ранее неизвестные и не имеющие своего языкового выражения области при

помощи тех слов, которые чаще всего применяются им в повседневной жизни и вследствие этого легче и проще других извлекаются из памяти (Лакофф, Джонсон, 1990). В-третьих, определённую роль в этом процессе могут играть тесные когнитивные и мотивационные связи человека с окружающим его миром, ведущие к актуализации в данной семантической сфере своих характерных признаков (Ивина, 2003).

В концептуальной картине мира адресата-представителя французской лингвокультуры каждая сторона российской жизни представлена определённым набором метафорических моделей, изменяющих модель мира реципиента таким образом, чтобы повлиять на процесс принятия решения. При характеристике внутренней политики России французские газеты особое внимание уделяют личности президента России, политическим приоритетам российского лидера, войне в Чечне.

Образ главы российского государства метафорически концептуализируется при помощи монархических, криминальных, милитарных, игровых терминов, что позволяет выделить следующий ряд наиболее частотных и продуктивных моделей:

1. **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ;**
2. **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА;**
3. **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ИГРОК;**
4. **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это АКТЁР;**
5. **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ДВИГАТЕЛЬ РОССИИ;**

Оценивая состояние российского общества при новом президенте, французские периодические издания активно эксплуатируют **метафору движения**. Выявленные метафоры, в основе которых лежит сенсомоторный опыт либо зрительные образы, позволяют сориентироваться в пространстве и определить направление движения: вверх либо вперёд. Следовательно, данные метафоры актуализируют положительные оценочные концепты, которые, как правило, связаны с понятием верха (Lakoff, Johnson 1980: 16).

Наличие в газетном тексте данного вида метафор, образно представляющих деятельность президента России и правительства, позволяет структурировать их в единую метафорическую модель **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ ЛОКУС**.

Анализ метафорической аргументации, используемой журналистами для оценки боевых действий в Чечне, позволяет сделать вывод о сохранении в сознании адресата-читателя устойчивого комплекса сведений об агрессивности России, поскольку, как правило, периодические издания эксплуатируют распространённые в обществе стереотипы (Л.И.Гришаева, 2002).

Непонимание, недоверие, осуждение вмешательства России во внутренние дела Чеченской республики выражается путем использования французскими СМИ таких метафорических моделей как:

1. **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МЕХАНИЗМ;**
2. **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это ТЕАТР;**
3. **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это БОЛЕЗНЬ;**
4. **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МИР РАСТЕНИЙ.**

Внешняя политика России всегда была в центре внимания французских газет, так как отношения нашей страны с Европой и Америкой дают достаточно оснований для экспрессивности и оценки. Приход к власти В. Путина изменил «политическую ориентацию» России, её роль на международной арене и, как следствие, привёл к смене метафорической парадигмы, сквозь призму которой французский адресат воспринимает взаимоотношения России с соответствующими странами.

В концептуальной картине мира француза существует противопоставление российско-американских и российско-европейских отношений. Об этом свидетельствует само название метафорических моделей: **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ, РОССИЯ И ЗАПАД – это ДУЭТ и РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**, пришедшая на смену модели **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это ВОЙНА**.

Как будет показано ниже, особенно часто источником метафор, способных образно представить российские экономические реалии, оказываются концептуальные сферы-источники «Движение в пространстве», «Война», «Мир растений». Метафорические модели **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ**, **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ВОЙНА** и **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это МИР РАСТЕНИЙ** выделяются широкой представленностью и детальной структурированностью в современных французских газетных текстах.

В процессе когнитивного построения культурной реальности России во французской языковой картине мира адресант использует ресурсы понятийной сферы с противоположным прагматическим потенциалом. Анализ материала показывает, что концептуальная метафора **КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ – это ВОЙНА** принадлежит к продуктивной модели, используемой на страницах французских газет при описаний российской культурной жизни.

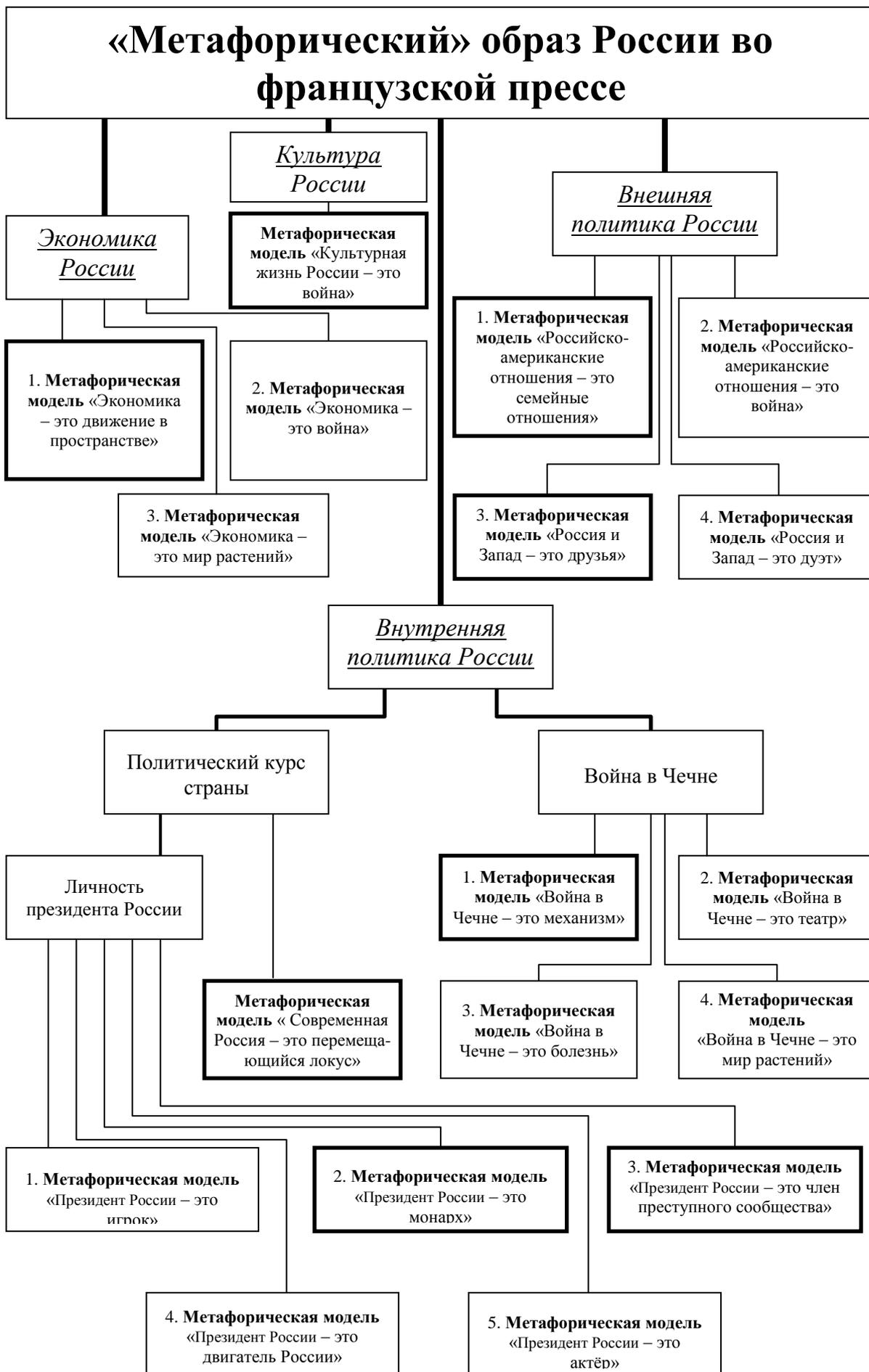

Рис. 4

Как представлено на схеме (рис. 4) «метафорический» образ России, сложившийся в концептуальной картине мира адресата-представителя французской лингвокультуры, достаточно стереотипен. Анализируя актуальные события и факты, французские газеты в большинстве случаев тиражируют уже сложившиеся, устоявшиеся представления о России. Базисная метафора **РОССИЙСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ – это НЕПРЕКРАЩАЮЩАЯСЯ ВОЙНА** (Чудинов, 2001) – основной источник метафорической экспансии при характеристике самых различных сфер российской жизни (политики, экономики, культуры). И всё же отдельные стороны российской действительности (политический курс российского государства, экономический рост страны), концептуально переосмысленные в терминах родства или пространственных терминах, ведут к формированию позитивного образа России в сознании французского реципиента.

§2. Экономика России как сфера-магнит для метафорической экспансии

Для достоверного воспроизведения образа России на своих страницах французская пресса не может не освещать состояние хозяйства страны, поскольку экономика (наряду с политикой, идеологией, правом, культурой, наукой и др.) формирует огромную «сверхсложную» систему, каковой является человеческое общество (Кравченко И. 2001: 52).

От того, как представлена экономика России во французских периодических изданиях, зависит экономическая привлекательность нашей страны. Французские газеты признают, что Россия стабилизировалась при Путине, однако со времён событий 90-х годов, обстоятельств дефолта и девальвации СМИ Франции сформировали стереотип о том, что в российском государстве существует целый комплекс фундаментальных проблем, которые не могут быть решены за несколько лет. Французские публицисты постоянно подчеркивают, что российской экономике потребуются десятилетия для того,

чтобы восстановиться; что рост экономики в России всецело зависит от нефтяной выручки... Ср.:

Il y a ceux qui souscrivent à la comparaison de l'économie russe avec un sandwich soviétique: deux appétissantes tranches de pain dont l'une est le secteur des matières premières et l'autre, les entreprises privées en phase de démarrage; entre les deux se trouve une garniture légèrement gluante de vieilles industries soviétiques en état de décomposition avancée et dont l'absorption pourrait sérieusement nuire à votre santé financière (M., 02.12.03). *Есть также те, кто считает справедливым сравнение российской экономики с советским сэндвичем: между двумя аппетитными кусками хлеба, одним из которых являются отрасли, производящие сырьё, вторым – начинающие развиваться частные предприятия, находится вязковатая смесь слегка подпорченной советской промышленности, потребление которой может серьёзно повредить вашему финансовому здоровью.*

Набор метафорических моделей, используемых в газетных текстах, в равной степени отражает ожидания и опасения французской прессы. В дискурсе масс-медиа Франции типичными при характеристике российской экономической действительности оказались следующие метафорические модели: **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ**, **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ВОЙНА** и **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это МИР РАСТЕНИЙ**. Метафоры, входящие в данные модели, обладают различным прагматическим потенциалом, характеризуются разнонаправленными концептуальными векторами и отличаются частотой использования во французских газетных текстах (рис. 5).

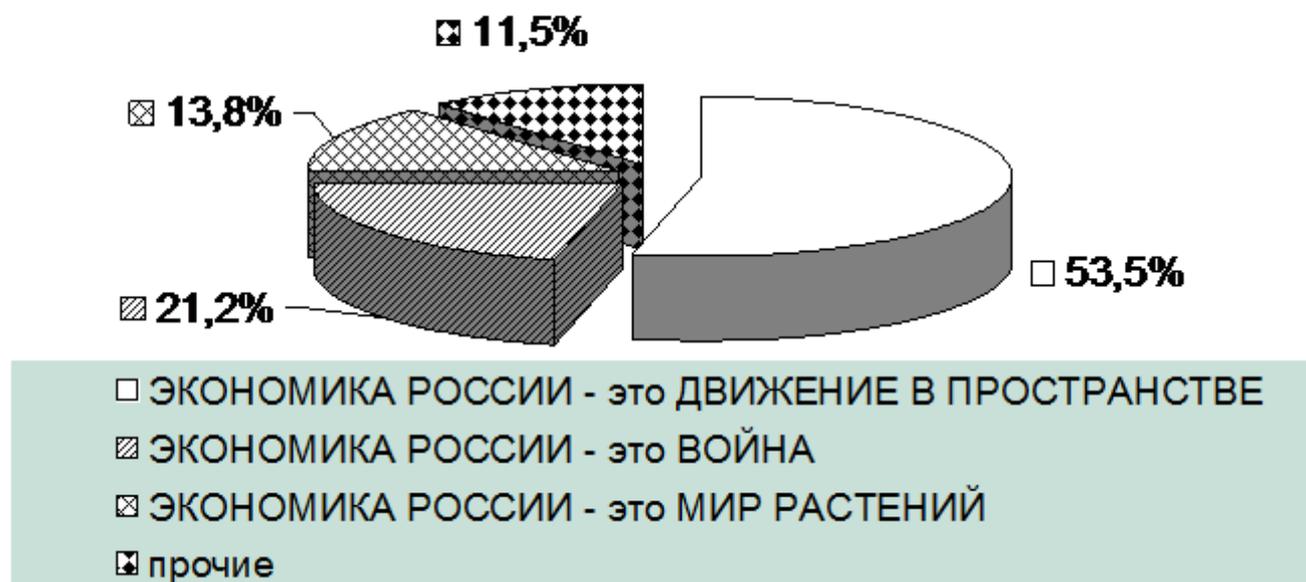

Рис.5.

Анализ метафорических моделей, использующихся в российской прессе для характеристики отечественной экономики (Е. В. Колотнина, А. П. Чудинов), позволяет выявить метафорические модели доминантные для современного российского дискурса масс-медиа: **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ**, **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ВОЙНА**, **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ – это ЖИВОТНЫЙ МИР** (Колотнина, 2001).

Использование российскими СМИ антропоморфной метафоры (с исходными понятийными сферами «Анатомия», «Физиология», «Болезнь») объясняется специалистами способностью человека моделировать экономическую реальность по своему подобию, метафорически представляя сложные экономические понятия как простые реалии (Чудинов 2003а: 77). Ср.:

*...дележ **тела** неполученного кредита... (Э., 16.04.96); Ведь осенью мы были на грани **паралича** всей платежной системы страны. (Э., 19.04.99); Серия соглашений о реструктуризации 1996 – 97 годов позволила отодвинуть **«горб»** возрастающих платежей по советским долгам. (Э., 05.06.99).*

Эксплуатируемые российскими СМИ милитарная и зооморфная метафоры отличаются сильным агрессивным прагматическим потенциалом (большим по сравнению с эмотивной окраской аналогичных метафорических словоупотреблений в прессе других стран (Колотнина 2001: 135)) и способны

актуализировать дополнительные смыслы, связанные с экономической борьбой, конфронтационными действиями компаний или государства в сфере экономики. Ср.:

*«Если бы я был на его месте, то не стал бы **«расстреливать»** покупку, ведь «Коммерсантъ» сейчас находится на взлете. На **стрельбах** могут происходить как попадания, так и промахи. Например, ... стопроцентное попадание во все сегменты рынка... (Э., 16.08.99); Личное состояние Марка Рича оценивают в несколько миллионов долларов. Его называют **стервятником** и утверждают, что он оказывается в любом месте, где пахнет прибылью (Э., 05.03.01).*

Метафорическая модель **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ** не относится к числу доминантных в отечественных периодических изданиях, однако данная система метафор используется российскими СМИ для образного представления изменений, происходящих в отечественной экономике.

*Зарплата **выползает** из тени (АИФ, 12.06.02); **Взлетевшие под облака** цены на нефть позволили российской экономике продемонстрировать весьма пристойные результаты: хороший рост ВВП, масштабное укрепление рубля, повышение зарплат бюджетникам и пенсионерам (НГ, 03.01.04); Почему в России **не идут** реформы (АИФ, 23.06.04).*

Различия в доминантных метафорических моделях, функционирующих в российском и французском дискурсах масс-медиа, объясняются неодинаковым состоянием российской экономики в периоды правления Б. Н. Ельцина и В. В. Путина. Если в конце XX в. «российская экономическая действительность не может восприниматься иначе, как больной организм, периоды кризисов, депрессии, «ошибки» экономистов метафорически представляются как тяжелые недуги, хронические заболевания с тяжелыми осложнениями» (Колотнина 2001: 98), то активное развитие отечественной экономики в начале нового века «вызывает к жизни» систему метафор с иными концептуальными векторами.

Употребляемая во французской прессе для характеристики экономической действительности России фитоморфная метафора лишена ярко выраженной оценочности, встречающаяся эмотивная нагруженность образов определяется

не концептуальной метафорой, а спецификой её развёртывания в конкретном тексте, её контекстологическим окружением. Ср.:

La lutte de la banque centrale de Russie Борьба Центробанка России против *contre les fuites de capitaux porte ses fruits* утечки капиталов приносит свои плоды. (М., 02.07.02).

L'ancien goulag de Sibérie, privatisé, est Бывший сибирский гулаг, попав в частные *devenu fleuron capitaliste de la Russie de* руки, стал капиталистическим *Vladimir Poutine* (М., 30.07.03). украшением (досл. цветком) в России Владимира Путина.

Милитарная метафора используется французскими газетами скорее для характеристики «провалов», нежели «достижений» российской экономики, а также в тех случаях, когда российская власть (политика) вмешивается в экономику. Векторы агрессивности являются неотъемлемой частью концепта «война» (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. А. Каслова, Е. В. Колотнина, А. Б. Ряпосова, А. П. Чудинов и др.), поэтому метафоры войны обладают высоким агрессивным потенциалом и служат для негативной характеристики экономической действительности. Ср.:

La Russie est une poudrière économique Россия – это экономическая и *et politique* (М., 08.04.00). политическая пороховница.

Cette affaire Ioukos est présentée, selon По словам самого президента России, *les termes mêmes du président russe,* дело ЮКОСа представлено как *comme une lutte nécessaire contre le* « неизбежная борьба против *crime économique* » (М., 06.08.03). «экономического преступления».

Во французском дискурсе масс-медиа в образном представлении современного этапа развития российской экономики центральное место занимает метафорическая модель **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ** (182 метафорических словоупотребления). Метафоры, концептуализирующие экономическую реальность России, создают целостную картину отражения в сознании представителей французской лингвокультуры изменений, происходящих в данной области.

Востребованность модели с исходной понятийной сферой «путь/пространство» во французских СМИ объясняется несколькими причинами. Во-первых, исходная семантика и структура сферы-источника метафорической экспансии «удобны» для отображения преобразований в экономике России на данном этапе развития, так как актуализируют в сознании реципиента смыслы «изменение», «динамика», «перемещение».

Во-вторых, метафорическая модель **ЭКОНОМИКА – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ** входит в модель **РАЗВИТИЕ СТРАНЫ – это ПУТЬ** (О. А. Гришина, О. П. Ермакова, А. А. Каслова, Н. А. Санцевич, Т. Б. Соколовская, Ю. Б. Феденева). Последняя модель, в свою очередь, является частью ещё более широкой модели, в рамках которой человеческая жизнь в целом осмысливается как своего рода странствие, путешествие, дорога (эта модель относится к числу характерных для самых разных социумов в составе мировой культуры).

1.Фрейм: «Déplacement dans l'espace» – «Перемещение в пространстве»

В концептуальной картине мира французского адресата экономика России предстаёт материальным объектом, которое занимает определённое положение в пространстве и, следовательно, способно в нём перемещаться. Слоты этого фрейма позволяют выявить типичные метафорические представления французов о способе и среде перемещения объекта.

Слот 1.1. Déplacement sur terre – Перемещение по суше

По мнению французских газет, экономика России рубежа XX-XXI веков находится на верном пути (*bonne voie, chemin juste*), движется в правильном направлении (*bonne direction*). Ср.:

Longtemps fermée au monde extérieur, Долгое время закрытый от внешнего
Nijni-Novgorod donne l'exemple d'une мира Нижний Новгород даёт пример
réforme économique en marche (М., действующей (досл. движущейся)
18.10.99). экономической реформы.

Alors que la reprise de l'économie russe, Несмотря на то, что подъём российской
dépendante des cours du pétrole, s'essouffle, экономики, зависимой от цен на нефть,

du chemin reste à faire (L., 03.07.01). замедлился, *впереди у неё ещё долгий путь.*

Mais comme la voie des réformes, encore très longue, est désormais mieux tracée sous l'égide de Vladimir Poutine, la politique économique russe offre une meilleure visibilité aux investisseurs étrangers potentiels. (M., 05.12.01) Под руководством Владимира Путина *путь реформ,* хоть ещё и долгий, приобретает более четкие очертания. Для потенциальных иностранных инвесторов будущее экономической политики России становится более ясным.

Однако «сухопутное передвижение» экономики подчинено правилам: возможность движения ограничивается определёнными направлениями, маршрутами, предназначенными для этих целей, правилами дорожного движения. Ср.:

La grande réforme fiscale du président russe Vladimir Poutine, priorité de son programme économique, a été mise sur les rails mercredi par les députés (M., 21.07.00). Налоговая реформа, приоритетная в экономической программе президента России Владимира Путина, была одобрена (досл. *поставлена на рельсы*) в среду депутатами.

Feu vert du FMI à un nouveau prêt à Moscou (H., 22.07.00). МВФ дал Москве своё согласие (досл. *зелёный свет*) на новую ссуду.

Selon certaines estimations, 50 milliards de dollars sont actuellement en circulation en Russie (M., 01.01.02). Согласно некоторым оценкам, в настоящее время около 50 млрд долларов *циркулирует* по России.

Метафоры данного слота акцентируют внимание адресата на динамике развития российской экономики, на продолжительности её «путешествия». Используемые метафорические номинации обладают нейтральным или позитивным оценочным потенциалом.

Слот 1.2. Déplacement aquatique – Перемещение по воде

В текстах французских газет для обозначения развития российской экономики широко распространено метафорическое использование морских терминов и лексики, относящейся к сфере путешествий по воде. Субъекты

экономической деятельности России, как и экономика в целом, концептуализируются посредством употребления следующих номинативных единиц: *voguer* (идти (о судне)), *naviguer* (плавать), *faire force de voiles* (идти на всех парусах), *émerger* (всплывать, вынырнуть), *prendre le large* (выйти в открытое море), *louvoyer* (лабирировать). Ср.:

Moscou avait cherché à louvoyer, suscitant de fortes irritations, en parlant d'une réduction de 50 000 barils seulement par jour (М., 06.12.01). Москва попыталась было лабирировать. Своими разговорами об уменьшении экспорта на 50 000 баррель она вызвала сильное раздражение.

Les grands patrons russes qui ont émergé se soucient désormais de rétablir leur image (М., 03.01.03). Появившиеся (досл. выплывшие) в России крупные предприниматели озабочены отныне восстановлением своего имиджа.

Incorrigible Russie! Au moment où ce pays voguait vers la stabilité macroéconomique, financière et politique, recueillant en 2003 - fait sans précédent - un montant inégalé d'investissements, l'arrestation de Mikhaïl Khodorkovski menace de bouleverser la donne (М., 02.12.03). Неисправимая Россия! В тот момент, когда страна плыла к макроэкономической, финансовой и политической стабильности, достигнув (беспрецедентный случай) рекордного объема инвестиций за 2003 год, арест Ходорковского грозит смешать все карты.

Описанные метафорические словоупотребления формируют типовые прагматические смыслы: интенсивность и свобода выбора направления в экономическом развитии России.

2.Фрейм: «Etapas du mouvement» – «Этапы движение»

В религии, в мифологии понятие «дорога» обладает символической природой: дорога соединяет две точки в пространстве, указывая тем самым человеку на точку отсчета и конечную цель (Лосев 1991: 347).

Слот 2.1. Début du mouvement – Начало движение

Средства массовой информации Франции отмечают, что после длительного периода стагнации экономика России начинает развиваться, следовательно, понятийные сферы «экономика» и «движение» оказываются

объединены концептуальными векторами целенаправленности и временной протяженности. Движение как длительный процесс предполагает наличие отправной точки, начала изменения. Ср.:

Après avoir subi un nouveau choc en 1998, la Russie fait du surplace économique (L., 29.02.00). Испытав новый шок в 1998 году, российская экономика стоит на месте.

Après la crise financière d'août 1998, le redémarrage de l'économie demeure l'événement le plus spectaculaire (M., 05.11.01). После финансового кризиса в августе 1998 года подъём (от redémarrer – снова тронуться (об автомобиле)) российской экономики – наиболее значительное событие.

Метафорические наименования, репрезентирующие восстановление, возрождение российской экономики, содержат оценку, являющуюся образным представлением положительного отношения адресанта к начавшимся в России экономическим преобразованиям. И, наоборот, негативно воспринимается всё то, что может помешать этому развитию. Ср.:

Il est très dangereux de freiner le développement de l'industrie pétrolière, un pilier de l'économie nationale russe. (M., 23.11.01) Очень опасно тормозить развитие нефтяной индустрии, опоры российской экономики.

Слот 2.2. But du mouvement – Цель движения

Используемые во французских газетных текстах метафоры акцентируют внимание читателя на начальном этапе развития отечественной экономики, концептуально представленном в терминах понятийной сферы движения. Конечный пункт «путешествия» российской экономики метафорически предстаёт как отдалённое, недостижимое место. Ср.:

La Russie va vers un nouveau paradis fiscal pour les particuliers? (M., 07.01.01). Россия направляется к новому налоговому раю для частных лиц?.

L'ambition proclamée de Vladimir Poutine, «doubler le PIB à l'horizon 2010», se réalisera-t-elle? (M., 17.12.04). Осуществится ли стремление Владимира Путина «удвоить ВВП к (досл. на горизонте) 2010 году».

Возникающие при метафорической номинации метафорические смыслы настраивают читателя на ироническое восприятие достижений и перспектив экономического развития России, в которой к идеалу, к «месту вечного блаженства» ведёт установление единой ставки подоходного налога или увеличение валового внутреннего продукта.

В целом, прагматический потенциал описываемого фрейма подтверждает, что в сознании коммуникантов существует аналогия между экономическим развитием страны и движением, которое имеет свою отправную точку и ведёт к определённой цели. Позитивным зарядом обладают метафоры перемещения, актуализирующие смыслы «начало движения», «движение вперёд». Ироничные оттенки заложены в метафорах с признаками «недостигаемость», «отдалённость».

3.Фрейм: «Vitesse du déplacement» – «Скорость передвижения»

Французская пресса неоднозначно оценивает динамику развития российской экономики. Двусмысленность оценки отражается на метафорическом уровне путём использования метафор с исходной понятийной сферой «скорость движения» с разнонаправленными концептуальными векторами.

Быстрота экономического восстановления и развития страны после финансового кризиса 1998 года в целом получает положительную оценку посредством введения в газетный текст метафор, активизирующих в ментальном пространстве адресата смыслы «высокая скорость», «ускорение движения». Ср.:

Or l'économie russe s'est remise à une vitesse inattendue (L., 27.03.00). *Российская экономика понеслась с неожиданной скоростью.*

En orchestrant la vente des terres en Russie Vladimir Poutine cherche à accélérer ses réformes économiques (M., 22.06.02). *Организовав продажу земель в России, Владимир Путин стремится ускорить ход экономических реформ.*

Le groupe pétrolier britannique BP (British Petroleum) a annoncé, mardi 11 février, le *Во вторник 11 февраля британская нефтяная группа Бритиш Петролеум*

plus gros investissement étranger jamais réalisé en Russie. C'est une percée fondamentale et le signal du regain de confiance des investisseurs étrangers pour les compagnies russes (M., 13.02.03). объявила о крупнейшем иностранном капиталовложении, когда-либо осуществленном в Россию. Это огромный прорыв и признак восстановления доверия иностранных инвесторов к российским компаниям.

Вместе с тем нестабильность экономической ситуации в России, зависимость отечественной экономики от экспорта сырьевых товаров метафорически представляется как снижение, замедление, торможение темпов экономического развития страны. Многочисленные метафоры типа: *freiner* (тормозить), *ralentir* (замедлять, приостанавливать), *tirer* (тащить), *figé* (неподвижный, застывший), *stagner* (застаиваться, стоять на месте), формируют негативные ассоциативные связи в ментальном пространстве реципиента. Ср.:

L'économie russe figée par un froid record (L., 30.01.03). Российская экономика, замороженная рекордным холодом.

Une économie russe tirée par le pétrole (L., 30.01.04). Российская экономика, вытягиваемая нефтью.

RUSSIE - La croissance ralentit, les réformes stagnent (M., 17.12.04). Россия: экономический рост замедлился, реформы стоят на месте.

Таким образом, используемые во французских газетных текстах метафоры скорости «отмечают» положительные изменения, происходящие в отечественном хозяйстве на рубеже XX-XXI веков, метафорические наименования, обозначающие отсутствие или замедленность движения, «обращают внимание» читателя на те экономические составляющие, которые тянут экономику России назад, мешая ей продвигаться вперёд.

4.Фрейм: «Obstacles à l'avancement» – «Препятствия на пути»

Слот 4.1. Obstacles sur terre – Препятствия на суше

Как уже отмечалось выше, «сухопутное путешествие» экономики России обладает большим комфортом и безопасностью по сравнению с её перемещениями по воде в силу лучшего обустройства, освоения наземного

пространства. Однако последнее не исключает наличия препятствий (*obstacles*), барьеров (*barrières*), помех (*freins*) на пути к месту назначения. Ср.:

*Mais les **obstacles** sont nombreux pour attirer les investisseurs. Le premier est d'ordre bureaucratique (M., 05.11.01).* Многочисленные препятствия мешают притоку инвесторов. Первое из них – это бюрократия.

*Le coût de l'extraction en Sibérie, la vétusté des équipements, le manque d'investissements sont de sérieux **freins** à la récente euphorie russe (H., 28.09.02).* Стоимость добычи природных ресурсов в Сибири, изношенность оборудования, отсутствие инвестиций служат серьезной помехой (досл. удила, узда) недавней российской эйфории.

Продвижение российской экономики вперед может быть затруднено встречающимися на дороге пробками (*embouteillages*), поломками (*pannes*), случается и сход с рельсов (*déraillement*). Ср.:

*En Russie les réformes économiques sont en **panne** (M., 15.02.01).* Экономические реформы в России находятся в аварийной ситуации.

*Avec la guerre en Tchétchénie, il est évident que l'économie russe **n'est pas en train de décoller** (H., 04.04.01).* Очевидно, что из-за войны в Чечне российская экономика не в состоянии взлететь.

*En Russie l'intégration économique régionale **fait l'embouteillage** (H., 30.10.04).* Экономическая интеграция России с бывшими республиками Советского Союза стоит на месте (досл. застряла в пробке).

Слот 4.2. Obstacles sur mer – Препятствия на море

Не менее опасной для отечественной экономики может быть и морская стихия. Передвижение по воде таит в себе множество препятствий: волны (*vagues*), рифы (*récifs*), приливы (*afflux*) и отливы (*reflux*). Ср.:

*L'économie russe mise à mal par l'«**afflux des pétrodollars**» (M., 04.09.01).* «Приток нефtedолларов» вредит российской экономике.

*Jusqu'à la crise financière de 1998, la privatisation s'est déroulée en trois phases. Cette première **vague** ne concernait pas* До финансового кризиса 1998 года приватизация проходила в три этапа. Первая волна приватизации не коснулась

d'entreprises stratégiques (M., 18.12.01). стратегически важных предприятий.

Бурное море (*mer houleuse*) и водовороты (*remous*) могут потопить утлое судёнышко российской экономики. Ср.:

L'économie russe est «noyée sous les pétrodollars» (L., 21.11.01). Российская экономика «утонула в нефtedолларах».

L'affaire Ioukos continue de provoquer des remous économique en Russie (M., 04.12.03). Дело ЮКОСа продолжает вызывать экономическое волнение (досл. водоворот) в России.

Формируемые рассматриваемым фреймом типовые прагматические смыслы призваны вызвать у читателей эмоциональное представление о неудачах и трудностях, возникающих на пути развития экономики в России.

5.Фрейм: «Temps pendant le voyage» – «Погодные условия во время путешествия»

Слот 5.1. Temps favorable – Благоприятные погодные условия

Комфорт, скорость передвижений (сухопутных или морских) в большой степени зависят от погоды. В рассматриваемой подгруппе метафорических номинаций экономическому развитию России способствуют благоприятные погодные условия. Ср.:

En Russie, les réformes économiques ont le vent en poupe (M., 28.02.01). В России у экономических реформ – попутный ветер.

Вместе с тем для метафорической характеристики экономического движения во французском дискурсе масс-медиа широко используются номинативные сочетания, подчеркивающие ситуативно-обусловленную кратковременность описываемых положительных изменений. Ср.:

L'embellie des indicateurs macro-économiques russes (H., 30.12.00). Временное улучшение (досл. временное улучшение погоды) показателей макроэкономики России.

L'embellie économique russe est alimentée par les revenus pétroliers (M., 02.12.03). Временное улучшение состояния российской экономики связано с нефтяными доходами.

Слот 5.2. Temps défavorable – Неблагоприятные погодные условия

Неудачи, внезапные изменения в российской экономике ассоциативно связаны в сознании носителей французского языка с бурями (*tempêtes*), облаками (*nuages*), порывистым ветром (*bourrasque*), ливнями (*averses*), туманами (*brouillards*), вихрями (*tourbillons*). Ср.:

La Bourse de Moscou connaissait, lundi 27 octobre, sa plus grande bourrasque depuis la crise financière de 1998, deux jours après l'arrestation en Sibérie de l'oligarque Mikhail Khodorkovski (M., 29.10.03). Известие об аресте в Сибири олигарха Михаила Ходорковского в понедельник 27 октября стало таким потрясением для Московской биржи, какого она не знала со времён финансового кризиса 1998 года.

L'ARRESTATION, samedi 25 octobre, de Mikhail Khodorkovski, l'homme le plus riche de Russie et le patron du pétrolier Ioukos, a déclenché une vraie tempête, en début de semaine, sur la Bourse de Moscou (M., 01.11.03). Арест в субботу 25 октября Михаила Ходорковского, самого богатого человека в России и хозяина нефтяной компании ЮКОС, спровоцировал в начале недели настоящую бурю на Московской бирже.

Высокая зависимость развития отечественной экономики от природной стихии, непредсказуемой и непостоянной, не способствует убеждению представителей французской лингвокультуры в надежности и стабильности российского хозяйства.

Используемая французскими газетами для характеристики экономической ситуации в России метафорическая модель **ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ** показывает, что изменения, отмеченные в отечественной экономике, оцениваются во французском социуме положительно, так как ассоциативно связаны с движением вперёд. Однако переменчивые погодные условия, множество препятствий на пути экономического продвижения России активизируют в сознании французского реципиента негативные оценочные смыслы «трудоёмкость», «замедление движения», «опасность». Таким образом, французские периодические издания метафорически подчеркивают, что на рубеже XX-XXI веков экономика России начинает активно развиваться, но остаётся нестабильной и непредсказуемой.

Проведённый сопоставительный анализ показывает, что доминирующая роль пространственной метафоры при описании динамики экономического развития страны объясняется схожей структурой понятийных сфер «развитие» и «движение/путешествие», объединённых концептуальными векторами временной протяженности, устремлённости к определённой цели, наличием трудностей и препятствий, которые необходимо преодолеть.

§3. Культура России как сфера-магнит для метафорической экспансии

Для французской национальной картины культурной жизни характерен эгоцентризм: во французском сознании национальная культура занимает главенствующее положение едва ли не во всех сферах. Зарубежная культура априорно воспринимается французами как нечто второстепенное по отношению к культуре Франции. Это положение в полной мере относится и к нашей стране. Вместе с тем во Франции достаточно известны произведения классиков русской литературы (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов) и некоторые из современных писателей (В. Астафьев, А. И. Солженицын, Б. Акунин, Т. Толстая). Французы знакомы также с образцами русского театра (Л. Додин, П. Фоменко, О. Ефремов), музыки (М. Глинка, П. И. Чайковский, В. Спиваков, Б. Гребенщиков), живописи (К. С. Малевич, В. Кандинский).

Национальный эгоцентризм французов отчетливо проявляется и при освещении российской культуры во французских СМИ. Как уже было сказано, из всех областей российской жизни культура наименее представлена на страницах французской прессы. Освещая достижения отечественной культуры, французские газеты довольствуются ролью фактографа, бесстрастно фиксирующего события: новинки театральной и кинематографической жизни, литературные годовщины и юбилеи, результаты спортивных соревнований, открытия выставок.

Как следствие, творимая французскими СМИ метафорическая картина культурной жизни России дробна, фрагментарна, мозаична. Отсутствие системности используемых для характеристики метафор и, следовательно, невозможность объединения их в метафорические модели – главное её свойство. Отдельные метафоры, характеризующие российскую культуру в дискурсе масс-медиа Франции, обладают различным эмотивным потенциалом. Ср.:

*"Derrière la vitre" reprend une **recette** qui «За стеклом» повторяет рецепт, fait mouche tout autour du globe (H., который пользуется успехом во всем 15.11.01). мире*

*Vladimir Sorokine fait partie de la nouvelle **vague** d'écrivains russes appréciée de la волне российских писателей, которых jeunesse intellectuelle (M., 15.07.02). ценит интеллектуальная молодежь.*

*Pavel Loungine, **l'oeil** d'une Russie neuve Павел Лунгин – око новой России. (M., 26.04.03).*

*Ma génération a appris le russe, **a baigné** Моё поколение выучило русский язык, dans la culture russe (L., 26.04.04). искупалось в русской культуре.*

Единственная группа метафор, широко распространённая во французских периодических изданиях при характеристике культуры России, обладающая определённой структурой и регулярностью использования в газетных текстах, может быть представлена метафорической моделью **КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ – это ВОЙНА** (к описываемой модели относится 92 метафорических словоупотребления).

Милитарная сфера является продуктивным универсальным источником концептуализации и категоризации любой сферы человеческой деятельности в различных лингвокультурах (М. Джонсон, А. А. Каслова, Е. В. Колотнина, Дж. Лакофф, А. Б. Ряпосова, Н. А. Санцевич, Ю. Б. Феденёва, А. П. Чудинов, J. Cibulkiene), поскольку история человечества богата военными событиями. Накопленный военный опыт «традиционно находит своё отражение и в национальной ментальности» (Чудинов 2001: 104), так как милитарная сфера является хорошо осмысленной и четко структурированной в сознании человека.

Все стороны российской жизни концептуально переосмысляются на страницах французских газет в терминах войны. Ср.:

NTV – fleuron de Media Most, le groupe de НТВ – украшение Медиа Моста, presse d’opposition en guerre avec le оппозиционная компания, воюющая с pouvoir (M., 06.04.01). властью.

*Rien ne doit être fait, parce que l’OPEP est Не нужно ничего делать. ОПЕК un partenaire non fiable, une organisation ненадежный партнер, это организация historiquement vouée à l’échec, et aussi исторически обреченная на неудачу. Да к parce que, dans la **guerre des prix** déclarée тому же, в войне цен, объявленной par l’OPEP, la Russie a une position plus ОПЕК, у России выигрышная позиция. avantageuse (H., 24.11.01)*

*Le dollar est roi en Russie, et tous les Доллар царит в России, и все эксперты experts sont sceptiques quant aux chances de настроены скептически к шансам евро l’euro de **gagner la bataille** contre le billet выиграть битву с зелёной купюрой. vert (L., 01.01.02).*

Милитаризованность сферы политики исследователи объясняют тем, что сущность политики заключается в борьбе за власть (Шейгал 2001: 305). Сутью экономики является борьба за собственность: «рынки ведут ценовые войны, воюют за потребителя и рынки сбыта, тарифные войны ведут государства, воюют между собой экономические сообщества и организации, войны ведут финансовые органы и банки и т. д.» (Колотнина 2001: 104).

Анализ материала показал, что французские газеты используют военную лексику для метафорической характеристики наименее милитаризованной сферы общественной жизни – культуры России.

1.Фрейм: «Guerre» – «Война»

Современная культурная реальность России концептуализируется в сознании носителей французского языка как организованная вооружённая борьба (*guerre, conflit*). Ср.:

*Les artistes russes dans la **guerre des** Российские артисты в войне культур. cultures (M., 22.03.99).*

***Guerre** aux «mal-pensants» dans la Война «инакомыслящим» в русской*

littérature russe? (Н., 23.12.02).

литературе?

Viktor Erofeev: “La Russie est, comme vous le savez, un grand pays, mais cela ne l’a pas empêché de commettre quelques grandes stupidités. L’une des plus notables a été la guerre, tantôt ouverte, tantôt cachée, menée, sous les communistes comme sous les tsars, contre la littérature russe” (М., 14.02.03).

Виктор Ерофеев: «Россия, как Вы знаете, великая страна, но это не мешает ей время от времени совершать великие глупости. Одна из самых выдающихся – война, которая ведётся то в открытую, то из-под тишка и при коммунистах, и при царях против русской литературы».

Зачастую столкновение в одном контексте лексем «культура» и «война» ведёт к концептуальной аномалии, поскольку в сознании реципиента творчество человека, создаваемые им материальные и духовные ценности оказываются ассоциативно связаны с агрессией, борьбой, применением силы.

Ср.:

La guerre accompagne toute l’histoire de la Russie. Elle est liée à sa civilisation, à sa culture et sans doute, plus qu’on ne voudrait le croire, à ses plus beaux chefs-d’oeuvre (Н., 21.04.03).

Войны постоянно сопровождают историю России. Она связана с её цивилизацией, с её культурой и, вероятно, в большей степени, чем в это хотелось бы верить, с её самыми прекрасными шедеврами.

Метафорическое осмысление российской культуры в терминах войны актуализирует отрицательные ассоциативные признаки, связанные с идеей конфликтности, взрывоопасности, угрозы существованию культурного пространства в России. Ср.:

La culture russe est en péril (М., 15.07.02).

Российская культура в опасности.

2.Фрейм: «Opérations de guerre» – «Военные действия»

В соответствии с тематикой исходной понятийной сферы события в различных областях культурной жизни России могут быть представлены как бой (*combat*), битва (*bataille*), поход (*campagne*), борьба (*lutte*), путч (*putsch*). Данные метафорические наименования манифестируют спланированный, организованный, массовый характер проявления враждебности. Ср.:

On mène un combat pour garder la culture russe (Н., 03.10.00). *В России ведётся бой за сохранение культуры.*

Une nouvelle bataille commençait pour ce spécialiste du cinéma soviétique (Nahoum Kleiman) viscéralement attaché au Musée du cinéma (М., 11.12.01). *Для специалиста советского кино (Наума Клеймана), глубоко привязанного к Музею кино, начинается новая битва.*

A Moscou, le grand putsch des artistes (L., 13.06.04). *В Москве артисты устроили путч.*

Энергичность, решительность, агрессивность действий субъектов культурной деятельности эксплицируются через метафорические номинации атаковать (*attaquer*), биться (*se battre*), брать на абордаж (*aborder*), брать штурмом (*prendre d'assaut*), быть в состоянии борьбы (*être aux prises*), раздавить (*écraser*), оборонять (*défendre*). Большинство используемых метафор являются «стёртыми», прочно вошедшими в языковой обиход, однако «необычный» контекст возвращает представленным наименованиям утраченную образность, оживляет ассоциативные признаки борьбы. Ср.:

La France a battu la Russie (2-1), lundi 5 janvier, à Perth (Australie) (М., 07.01.04). *В понедельник 5 января в Перте (Австралия) Франция выиграла (досл. побила) у России (2-1).*

Le cinéma russe aux prises avec la censure politique et économique (М., 06.02.05). *Российское кино борется с политической и экономической цензурой.*

Формируемые метафорами этого фрейма прагматические смыслы, актуализация которых происходит за счет контекстологических средств – агрессивный способ разрешения конфликтных ситуаций.

3.Фрейм: «Participants de la guerre» – «Участники войны»

Данный фрейм представлен антитетичными слотами: «Враги» – «Союзники», «Жертвы», а также включает слот «Воинские подразделения».

Слот 3.1. Ennemis – Враги

Тематика источникового слота «Враги» активно взаимодействует со слотом сферы-мишени «Деятели российской культуры». В результате переноса содержания субъекты культурной деятельности, придерживающиеся иных

взглядов, мировоззрений, позиций, образно номинируются как враги (*ennemis*), противники (*adversaires*), мятежники (*rebelles*). Ср.:

Maïa Plissetskaïa, rebelle du Bolchoï (М., *Майа Плисетская, мятежница* в 12.10.99). *Большом театре.*

Tatjana Zdanoka, la passionaria russophone *Татьяну Зданока, русскоговорящего de Lettonie. Elle est considérée par ses passionaria* *Латвии, противники adversaires comme une ennemie de la cause* *считают врагом латвийского дела, lettone, une traître à la nation* (М., *предателем нации.* 12.06.04).

Слот 3.2. *Alliés* – Союзники

Рассматриваемый слот находится в смысловой оппозиции с предыдущим. В концептуальной картине мира адресата-представителя французской лингвокультуры достижения в различных сферах культуры, выдающиеся деятели культуры, единомышленники оцениваются положительно за счет использования метафорических номинаций с позитивным прагматическим потенциалом: *allié* (союзник), *héros* (герой). Ср.:

Mandelstam, pur héros, une sorte de saint, *Мандельштам, настоящий герой, своего qui tint tête à Staline lui-même* (Н., *рода святой, противостоявший самому* 12.06.00). *Сталину.*

La Lada Niva, véritable héros du socialisme, *Лада Нива, настоящий герой социализма, ce tout-terrain dont la réalisation fut décidée* *вездеход, о создании которого было par le 24e congrès du Parti communiste* *решено на XXIV съезде КП СССР, d'Union soviétique, n'a jamais trahi ses* *никогда не предавал свои идеалы. idéaux* (М., 17.10.03).

Слот 3.3. *Victimes* – Жертвы

Участники культурных «баталий» могут становиться жертвами (*victimes*), заложниками (*otages*), пленниками (*prisonniers*) в случае неудачного исхода «сражения». Ср.:

L'écrivain Vladimir Sorokine victime du *Писатель Владимир Сорокин – жертва retour à l'ordre moral en Russie* (М., *возвращения к моральному порядку в* 15.07.02). *России.*

Метафоры слотов «Враги», «Союзники», «Жертвы» тянут за собой шлейф разнообразных ассоциаций. В культуре России, как и на войне, есть «свои» и «чужие», с которыми необходимо бороться, воевать, что неминуемо влечет за собой человеческие потери.

Слот 3.4. Unités – Военские подразделения

Объединения совместно действующих в сфере российской культуры людей во французских газетах обозначаются как *armée* (армия), *troupe* (войсковая часть), *bataillon* (батальон). В армии имеются и свои стратеги, полководцы (*stratèges*). Ср.:

*Alexandre Popov demeure le **stratège** de la* Александр Попов – стратег
vitesse intelligente (M., 27.07.99) интеллигентного плавания.

*Un **bataillon** de coiffeurs russes a débarqué* Батальон российских парикмахеров
à Paris (M., 24.10.00). высадился в Париже.

Метафорические номинации данной группы создают в сознании реципиента масштабную картину милитаризации культурного пространства России.

4.Фрейм: «Cours de la guerre» – «Ход войны»

Слот 4.1. Début de la guerre – Начало войны

Осмысление культурной реальности России в военных терминах даёт основание для обозначения начала культурных событий, конфликтов, перипетий использовать милитарные метафоры: *déclarer la guerre* (объявлять войну), *déchaîner la guerre* (развязать войну), *la guerre éclate* (война начинается). Ср.:

*La Mosfilm **déclare la guerre** à la* «Мосфильм» объявляет войну
privatisation des grands studios de cinéma приватизации российских киностудий.
russes (M., 09.05.01).

Слот 4.2. Issue de la guerre – Исход войны

В соответствии с семантикой исходной понятийной сферы удачи и достижения субъектов культурной действительности регулярно представлены во французских газетных текстах как победа (*victoire*). К данному слоту

относятся также номинации: *trionpher* (одержать блестящую победу), *gagner la guerre* (выиграть войну), *vaincre* (побеждать), *vainqueur* (победитель).

Образное использование перечисленных лексем, эксплицирующих смыслы «взять верх», «восторжествовать», «добиться успеха над противником», обеспечивает ментальную репрезентацию этих понятий, как правило, в виде положительного образа. Актуализация дополнительных (зачастую уничижительно-иронических) смыслов указанных метафор происходит за счет контекстологических средств. Ср.:

L'auteur du « Barbier de Sibérie » semblait triompher dans les luttes au sein du comité d'Etat à la cinématographie (M., 14.05.99). Автор «Сибирского цирюльника», казалось, одержал блестящую победу в борьбе, раздиравшей Государственный комитет по кинематографии.

Fandorine avait gagné sa place au Panthéon des héros mythiques de la littérature noire (H., 09.10.03). Фандорин завоевал свое место в пантеоне мифологических героев третьесортной литературы.

Победителю достается имущество побеждённого врага. Ср.:

Une restitution liée à la querelle des «trophées». L'authentification du tableau de Brême risque de provoquer une poussée d'adrénaline dans les chancelleries de Bonn et de Moscou (M., 27.12.99). Реституция, связанная с распрями из-за «трофеев». Установление подлинности картины из Бремена может спровоцировать скандал в Министерстве юстиции Москвы и Бонна.

Неудачи на культурном поприще образно номинируются как поражение (*défaite*). Французские журналисты дают возможность своим реципиентам вывести эту имплицитно содержащуюся информацию, обращаясь к когнитивным потенциям метафор *perdre la guerre* (проиграть войну), *mettre en déroute* (обратить в бегство), *vaincu* (побежденный). Ср.:

Le jeune Russe Vladimir Kramnik s'est emparé du titre mondial sans avoir concédé la moindre défaite face à celui qui dominait les échecs depuis 1985. Vaincu, " l'Ogre de Bakou " ne renonce pas (M., 04.10.00). Молодой россиянин Владимир Крамник завладел мировым титулом, не согласившись на поражение перед тем, кто обладает титулом чемпиона мира по шахматам с 1985 г. Побеждённый

«Бакинский Людоед» не отстывает.

La défaite de la science russe. Attirer les talents pour renforcer sa supériorité technologique est une priorité affirmée de l'administration américaine (M., 03.03.04). Поражение российской науки. Привлекать таланты для укрепления своего технологического превосходства известный приоритет администрации США.

Слот 4.3. Conséquences de la guerre – Последствия войны

Любая война влечет за собой человеческие жертвы, потери в материальных и духовных сферах, разруху. Война внутри российской культуры или между культурами на страницах французских газет ведёт к убийствам (*assassinats*), смерти (*mort (f)*), уничтожению (*anéantir*). Ср.:

Culture unique = mort de toute culture (M., 14.10.99). Единственная культура = смерть всякой культуры.

Le dirigeant du Parti communiste de la fédération de Russie (PCFR) appelle à "une croisade sainte contre l'anéantissement de la langue et de la culture russes par la culture du Coca-Cola" (H., 23.03.00). Лидер КПРФ призывает к «крестовому походу против уничтожения русского языка и русской культуры культурой кока-колы».

Данный фрейм обладает ярко выраженным негативным прагматическим потенциалом, так как акцентирует внимание адресата на агрессивном, насильственном способе решения проблем в культурной жизни России.

На основании вышеизложенного материала можно утверждать, что к метафорической модели **КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ – это ВОЙНА** французские журналисты обращаются чаще при образной номинации и характеристике современной российской культурной реальности, формируя и подтверждая уже имеющуюся концептуальную картину мира в сознании реципиента.

Данная модель обладает неоднородным прагматическим потенциалом: в модели выделяются как метафоры, слоты с ярко выраженной положительной эмотивной нагрузкой («Победа», «Союзники»), так и с отрицательной экспрессивностью («Война», «Враги»). Большое количество «стёртых» военных

метафор с почти утраченной образностью, используемых французскими СМИ при описании культурной действительности России, актуализируют внутренние смыслы за счет контекстологических средств.

Использование метафорической модели **КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ – это ВОЙНА** во французском дискурсе масс-медиа объясняется постоянным взаимодействием двух тенденций: с одной стороны, французские газеты, обсуждая российскую культурную действительность, «заимствуют» многие языковые факты из российских СМИ, а те, в свою очередь, отображают на языковом уровне милитаризованность российского общественного сознания. Ср.:

А какие враги у театра? Оказывается, есть, да еще чуть ли не внутренняя «пятая колонна» (АИФ, 10.09.03); Культуру войны сменит культура мира (АИФ, 03.12.03); Преследование людей увлеченных, отдающих свое терпение и любовь, свой досуг и свои средства собиранию старины - а это антиквары, букинисты, многоликая армия коллекционеров-филателистов, бонистов, [...] - есть безобразие и полный беспредел [...] Так как же и почему возникла конфликтная ситуация? (НГ, 14.09.01).

С другой стороны, осмысление французскими периодическими изданиями культуры в базовых терминах войны отражает милитаризованность человеческого сознания вообще, что связано с богатым военным опытом человечества. Ср.:

La guerre culturelle n'aura pas (encore) Культурной войны не будет (пока ещё). lieu (Н., 23.10.99).

Une «Croix-Rouge» culturelle est née à La Haye В Гааге был создан культурный «Красный Крест».

La télé-culture en France, ennemi numéro Телекультура во Франции – враг номер один школы.

Представленные в настоящем параграфе материалы свидетельствуют о том, что современная российская культура по существу мало интересует французов, а события в российской культурной жизни отражаются в современной французской прессе крайне скудно и бессистемно. Французские

газеты, обсуждая российскую культурную действительность, постоянно «заимствуют» многие факты из российских СМИ, одновременно «заимствуются» и языковые (в том числе метафорические) способы представления этих фактов.

Выводы

Рассмотрев закономерности функционирования метафорических моделей в дискурсе масс-медиа Франции при характеристике различных сфер российской жизни, можно сделать следующие выводы:

1. Информация о России регулярно появляется на страницах французских газет, что свидетельствует о востребованности, социальной значимости этой информации для французского общества. Однако в фокусе постоянного внимания французской прессы оказываются далеко не все стороны российской жизни. Абсолютное большинство (88%) статей о России, опубликованных в современных французских изданиях, посвящено перипетиям политической жизни России. Экономика и культура России менее интересуют французский газетный рынок, так как данные темы не дают достаточно оснований для экспрессии.

2. Образ России, являясь для французского адресата непосредственно ненаблюдаемой мыслительной областью, моделируется и структурируется в процессе познания с более простыми и конкретными наблюдениями путём переноса знаний из сферы-источника в сферу-магнит. В результате анализа метафор образа России в дискурсе масс-медиа Франции выявлено, что основными областями заимствования слов и словосочетаний для метафорической номинации субъектов, объектов, явлений и процессов, входящих в понятийное поле «Россия» являются «мир человека», «мир растений и животных» и «мир пространственной ориентации».

3. Выбранные для исследования французские газеты, ориентированные на адресатов с разными интересами и интеллектуальными запросами, прибегают к

сходным средствам образной номинации и характеристики различных сфер российской жизни, конструируя тем самым восприятие России средним человеком данной культуры. Метафорический образ России, создаваемый французскими СМИ, складывается из следующих детально-структурированных метафорических моделей, частота и продуктивность использования которых делает возможным отнесения их к числу доминантных для современного этапа развития языка: **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ, ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА, СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ ЛОКУС, ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МЕХАНИЗМ, РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ, РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ и КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ – это ВОЙНА.**

4. Активизация в дискурсе масс-медиа Франции системы метафор движения для характеристики экономики России объясняется активным развитием данной сферы российской жизни. Изменения, происходящие в отечественном народном хозяйстве, оцениваются в ментальном пространстве французского реципиента положительно, так как ассоциативно связаны с движением вперёд. Однако отдельные фреймы вызывают в сознании читателей негативно окрашенные эмоциональные представления о зависимости российской экономики от непредсказуемой и переменчивой природной стихии, о наличии на пути экономического развития нашей страны множества препятствий, затрудняющих продвижение экономики вперёд.

5. Для оценки российской культурной реальности французские газеты используют разнообразную палитру метафор, разнородность и отсутствие системности которых не позволяет объединить их в метафорические модели. Регулярно встречаются лишь метафорические номинации с иной исходной понятийной сферой «Война». Среди метафорических наименований, составляющих модель **КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РОССИИ – это ВОЙНА**, встречаются как «стёртые» словоупотребления, утратившие образную форму,

но «оживающие» в необычном для них контексте, так и «живые» метафоры, сохранившие образность. Большинство милитарных метафор обладают агрессивным прагматическим потенциалом и служат, в основном, для негативной характеристики российской культурной деятельности.

б. Метафорическая картина экономической и культурной действительности России не активизирует в сознании адресата (представителя французской лингвокультуры) представлений о принадлежности России к кругу «своих», социально, политически и культурно близких народов. Концептуальные метафоры, используемые во французских газетах при описании России, преимущественно апеллируют к представлениям о людях и событиях, которые воспринимаются как «чужие», малоизвестные, слабо связанные с французской цивилизацией.

Глава 3. Метафорическое моделирование российских политических процессов во французских масс-медиа (в сопоставлении с российскими)

Цель данной главы – описание и анализ продуктивных метафорических моделей, используемых в дискурсе масс-медиа Франции для характеристики внутренней и внешней политики России.

Значительное внимание, уделяемое французской прессой освещению политических событий российской жизни, объясняется тем, что, с одной стороны, современные СМИ учитывают запросы общества, а «обществу присуще участие в политике» (Кравченко И. 2001: 112); с другой стороны, они выступают своего рода политическим институтом, так как имплицитно «транслируют власть доминирующей группы» (Гаврилова 2002: 25). Помимо этого скандалы и интриги, происходящие на российской политической арене, дают достаточно оснований для экспрессивности и оценки, являющимися необходимым «конструктивным принципом» газетного языка (Костомаров 1971: 54).

Объектом изучения в данной главе являются выделяемые нами в понятийном поле Россия фреймы «Внешняя политика России» и «Внутренняя политика России». Как было показано в предшествующей главе, при обращении к российской политической проблематике французская пресса в начале XXI века проявляет повышенный интерес к трём ведущим темам внутренней политики: к личности президента России, к политическому курсу нового российского руководства и к войне в Чечне. При обращении к внешней политике России в центре внимания французских СМИ оказываются российско-европейские и российско-американские взаимоотношения. В настоящей главе представлено рассмотрение метафорической репрезентации указанных аспектов политической реальности современной России.

§1. Внутренняя политика России

1.1. Метафорический портрет президента России

Ещё Никколо Макиавелли прибегал к метафоре для создания образа идеального правителя: «Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана» (Макиавелли 1982: 382). Характеризуя эффективного государя, итальянский мыслитель использует зооморфные номинации, эксплицирующие вероломство, коварство, жестокость, хитрость, что обеспечивает ментальную репрезентацию этого понятия в виде однозначно отрицательно образа.

Избегая напрямую оценивать российских политических лидеров, современный французский дискурс масс-медиа активизирует целые системы метафор при характеристике политической элиты России. Приоритет, отдаваемый тому или иному метафорическому образу в «имидже» политического деятеля, ведёт к «коннотативной лакунарности» (Е. И. Шейгал, 2002), формирует определённое отношение коммуникантов к нему.

Военная метафора, доминирующая в образе Сталина, актуализирует в сознании французской языковой личности комплекс сведений, связанный с агрессивностью, опасностью, тревожностью. Образ Горбачева в концептуальной картине мира французского адресата, наоборот, оценивается положительно за счет преобладания метафорических номинаций с иной исходной понятийной сферой «Дружба». Образ Ельцина концептуально представлен театральной метафорой, сквозь призму которой каждый результат деятельности данного человека оценивается как лживый, искусственный, наигранный. Ср.:

L'Occident salue le vainqueur du nazisme. A Zanaд приветствует победителя son apogée, Staline a régné sur un quart de нацизма. В расцвете своего могущества la planète, de Varsovie à Pékin (М., Сталин правил четвертью мира – от

26.02.03). *Варшавы до Пекина.*
Gorbatchev, vénéré à l'étranger mais honni chez lui. (L., 14.11.01). Горбачёв, почитаемый (обожествляемый) за границей и презираемый на родине.
Il (Eltsine) avait alors lancé son pays dans un borbier de guerre et l'avait livré aux mafias. C'est pourquoi aujourd'hui même la pitié face à ce " pauvre " clown me laisse de glace (M., 07.12.02). Ельцин бросил свою страну в трясину войны, отдал её на растерзание мафии. И сегодня при взгляде на этого «бедного» клоуна я остаюсь равнодушным.

Неожиданное появление на мировом политическом небосклоне новой фигуры – президента В. Путина нашло своё вербальное выражение в дискурсе французских СМИ через активизацию новых метафорических моделей с большим прагматическим потенциалом, путём использования отдельных метафор с яркой эмотивной окраской, посредством прямых номинаций, содержащих объективно-логическую информацию, но имплицитно передающих оценку. К числу последних относятся попытки воссоздать физический портрет президента, через который французская газета стремится понять психические качества нового российского лидера: в чем политик силён, а в чем слаб; какой будет его стратегическая линия; кто сможет влиять на данного человека?

При описании внешности В. Путина особое внимание уделяется его возрасту, лицу и росту. Ср.:

Vladimir Poutine, tout en présentant un visage jeune, aura du mal à effacer totalement l'image laissée par la fin de l'ère eltsinienne (M., 01.12.01). В. Путину, несмотря на молодость (досл. молодое лицо), понадобится много сил, чтобы стереть образ, созданный в конце ельцинской эры.

Mais Poutine, en dépit de sa taille, de ses origines modestes, paraissait plus crédible dans ce rôle (L., 01.12.01). Путин, несмотря на свой рост и скромные манеры, вызывает большее доверие в этой роли.

L'homme au visage glacial et inquiétant a appris à sourire (H., 19.05.01). Человек с ледяным и непроницаемым лицом, вызывающим беспокойство,

научился улыбаться.

Слоту «возраст», «рост», «лицо» уделяется большое внимание во всех лингвокультурах, поскольку именно возраст политика часто рассматривается в качестве одного из основных критериев его работоспособности (Таланов, 2000); в стереотипах массового сознания небольшой рост свидетельствует о недюжинной силе характера (Белкина, 2002); глаза как «зеркало души», улыбка располагают человека к себе.

Набор характеристик, использованных при описании внешности президента, создает в сознании адресата положительный образ человека целеустремлённого, волевого, полного сил, однако параллельное упоминание о прошлом президента (работе В. Путина в КГБ) несёт скрытый подтекст. Ср.:

Ancien du KGB, il en avait le style, От КГБ у него (Путина) остались стиль, l'apparence, et s'appuyait sur les "structures внешность и поддержка «силовых de force" pour asseoir son pouvoir. Son структур», с помощью которых он langage souvent brutal et ses accents пришел к власти. Резкость (досл. грубый "grand-russes" rappelaient de mauvais язык) и «великорусские» замашки souvenirs (М., 01.12.01). вызывают в памяти плохие воспоминания.

Прямые номинации «ancien agent du KGB» [бывший агент КГБ], «ex-lieutenant-colonel du KGB» [бывший подполковник КГБ], «ce vétéran du KGB» [ветеран КГБ], «ancien espion» [бывший шпион] ассоциируются в сознании человека хоть немного знакомого с историей России с жестокостью, репрессиями, насилием. Как отмечает О. Е. Белкина, «для француза KGB [...] – это знаковое слово для обозначения самых негативных явлений советской системы, мифологема-кошмар, относящаяся к агональным знакам, создающая образ врага и выполняющая функцию вербальной агрессии» (Белкина 2002: 19).

Более того, метафорическое представление В. Путина во французской прессе не ведёт к формированию однозначно положительного образа президента России в концептуальной картине мира адресата. В рамках каждой новой метафорической номинации «заимствованное» из сферы-донора слово в сочетании с другими лексическими единицами приобретает особое звучание.

Таким образом, в зеркале периодических изданий В. Путин предстаёт как монарх, член преступного сообщества, игрок, актёр, менеджер.

Функционирующие в газетных текстах системы метафор, объединяясь в метафорические модели, отличаются прагматическим потенциалом, продуктивностью и частотой использования метафор (рис. 6).

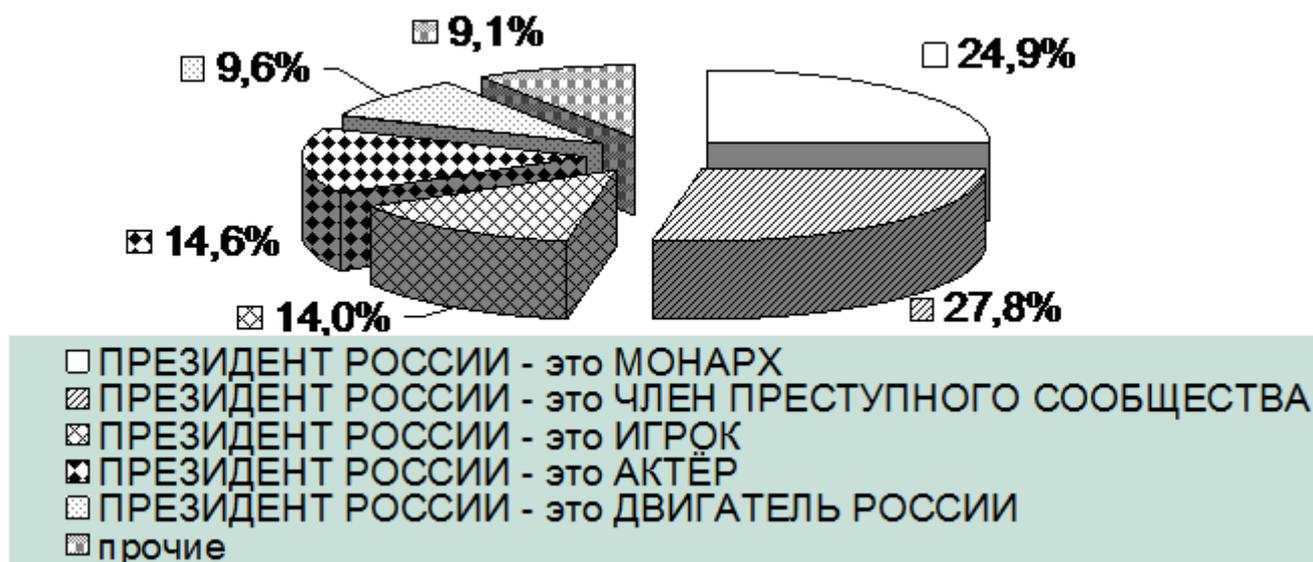

Рис. 6.

При отборе метафорических моделей для анализа учитывались частота, продуктивность, а также целесообразность представления моделей с различными свойствами: разный прагматический потенциал, ярко выраженные разнонаправленные концептуальные векторы, эмотивный характер большинства метафорических выражений. Нами было рассмотрено две метафорические модели наиболее верно отражающие концептуальные представления французов о главе российского государства **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ** и **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА**. Эти модели не охватывают всего реального спектра источников метафорической экспансии, но дают относительно полное представление о восприятии французскими реципиентами личности русского президента.

Метафорическая модель ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ во французском дискурсе масс-медиа

По мнению исследователей, монархическая метафора – явление распространённое в российском политическом дискурсе, так как оно связано с национальными традициями (Каслова, 2003; Санцевич, 2003; Соколовская, 2002; Чудинов, 2003а; Шейгал, 2000). Стоит особо подчеркнуть, что, несмотря на то, что Франция, как и Россия, – страна с многовековой монархической формой правления, в средствах массовой информации метафорическая характеристика главы государства в терминах абсолютной власти используется крайне редко. Из проанализированных нами 182 французских газетных текстов, было найдено два метафорических словоупотребления ближайших эквивалентов самых частотных русских слотов «царь» (*le roi* (король)) и «царствовать» (*régner*). В них президент Франции Ж. Ширак предстаёт монархом, обладающим верховной божественной властью. Ср.:

*Chirac. Au royaume du roi-président, le Ширак. В королевстве короля-
droit divin mâtiné de légitimité républicaine президента навязывается смесь
s'impose donc (Н., 03.04.04). божественного права с
республиканскими законами.*

Проведённое исследование показывает, что единичность подобных метафор, их низкая способность к развёртыванию в газетном тексте не ведёт к образованию связи между понятийными сферами «президентская власть во Франции» и «монархия». В сознании французского народа образ национального политического лидера ассоциативно не связан с монархической системой управления, поскольку ситуация слияния власти и собственности (когда представители элиты являются в своих глазах и в глазах подчинённых одновременно правителями и собственниками государства) не характерна для Франции, где закон проводит четкое разграничение между этими двумя явлениями.

Однако при характеристике российской верховной власти монархическая метафора, используемая во французских газетах, оказывается настолько

продуктивной, что складывается в определённую систему. Несмотря на то, что Россия представляет собой демократическое государство, можно с уверенностью заявить, что во французской прессе сложились определённые стереотипы в представлении передачи власти в России: власть наследуется, глава государства назначается, а не избирается. Президент России номинируется во французских СМИ как правитель, наделённый неограниченной верховной властью. Количество метафорических словоупотреблений, относящихся к рассматриваемой метафорической модели – 319. В рамках модели **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ** выделяются следующие фреймы.

1.Фрейм: «Transmission des pouvoirs» – «Передача власти»

К приходу к власти В. Путина во французском дискурсе масс-медиа уже сложился устойчивый стереотип, в рамках которого президент России концептуально предстаёт полноправным правителем, обладающим неограниченной властью. Ср.:

« JDANOV a été assassiné. » Ce titre des journaux communistes, en janvier 1953, sera la dernière sensation du règne de Staline *«Жданов убит». Такой сенсацией, облетевшей все коммунистические газеты, в январе 1953 г. закончилось царствование Сталина.*

Le tsar laisse un pays défait et amer. Crise, guerre, corruption, Eltsine a affaibli l'autorité de l'Etat *Царь оставляет после себя в стране разруху и опустошение. Кризис, война, коррупция – Ельцин ослабил государственную власть.*

В концептуальной картине мира французского реципиента Россия предстаёт страной с устоявшимися монархическими традициями. Появление на политической арене В. Путина в ментальном пространстве адресата ассоциативно связано (по аналогии со структурой источниковой сферы) с актом передачи власти.

Слот 1.1. Héritier – Наследник

Несмотря на внезапность и непредсказуемость начала президентства Путина, концептуально смена российской власти представлена как

закономерная смена правителя. Используемые метафоры, номинирующие Путина в качестве наследника (*héritier* (наследник), *dauphin* (дофин), *successeur* (преемник)), находящегося у власти царя Б. Ельцина, актуализируют законность, планомерность прихода к власти нового правителя. Ср.:

Tiré des Mémoires de Boris Eltsine, qui confie avoir choisi son dauphin, Vladimir Poutine, à la suite d'une partie de chasse en 1994 où ce dernier tua d'un coup de feu un sanglier retord (Н., 08.04.00). В своих «Мемуарах» Б. Ельцин рассказал о том, что своего наследника (дофина), Владимира Путина, он выбрал ещё в 1994 на охоте, когда тот подстрелил кабана.

Tatiana Diatchenko parla dans la Komsomolskaïa Pravda de la «difficile année passée de son papa », rappelant que « lui seul » avait pris la décision de faire de Vladimir Poutine son héritier politique (М., 05.02.01) Т. Дьяченко рассказала «Комсомольской правде», что «у её отца был тяжёлый год», напомнив, как он «в одиночку» принял решение сделать В. Путина своим политическим наследником.

Благожелательное отношение, расположение царя к наследнику подчеркиваются метафорическим употреблением лексем «*favori*» (фаворит), «*protégé*» (протееже). Ср.:

Le résultat de l'élection conforte tous les espoirs du protégé de Boris Eltsine. Vladimir Poutine l'emporte avec 52,52 % des suffrages (М., 28.03.00). Результаты выборов оправдали все ожидания протееже Бориса Ельцина. В. Путин победил, набрав 52,52 % голосов.

De retour de Saint-Petersbourg, le premier ministre britannique Tony Blair a fait l'éloge du président par intérim de la Fédération de Russie, Vladimir Poutine, favori de l'élection présidentielle russe (М., 28.03.00). Вернувшись из Санкт-Петербурга, премьер-министр Великобритании Тони Блэр одобрительно отозвался об и. о. президента РФ Владимире Путине, фаворите президентской гонки.

Слот 1.2. «Transmission du pouvoir» – Акт передачи власти

Согласно Конституции Российская Федерация – демократическое государство с выборным принципом передачи власти. Власть выбирается на время. Прошло время - власть меняется, но опять через выборы. Монархическая

метафора нарушает эту категориальную сетку, возникающая новая – коренным образом меняет восприятие французским реципиентом данного фрагмента действительности. Метафорическое представление России монархией стало причиной переосмысления принципа передачи власти, поскольку для монархии характерен наследственный порядок замещения верховной власти.

Приходу к власти нового «царя» Владимира Путина предшествовало «отречение от престола» (*abdiquer, abdication*) Б. Ельцина, передавшего своему преемнику символ царской власти на Руси – шапку Мономаха (*la toge de Vladimir Monomaque*). Ср.:

Poutine propulsé à la tête du pays à la faveur du conflit tchétchène et de l'abdication d'un tsar finissant (М., 11.02.00). Путин, выдвинутый во главу страны, благодаря чеченскому конфликту и отречению уходящего царя.

Le «tsar» vieillissant et malade a abdiqué en faveur de son dauphin. Dans l'histoire millénaire de la Russie, c'est la première fois (М., 02.01.00). Стареющий и больной «царь» отрёкся от престола в пользу своего наследника. В тысячелетней истории России такое впервые.

Voici Vladimir Poutine, quatorze mois après avoir reçu des mains de son prédécesseur Boris Eltsine «la toge de Vladimir Monomaque» (grand prince de la Russie du XIIIe siècle) (М., 18.01.01). Прошло чуть больше года с того момента, как В. Путин получил из рук своего предшественника Бориса Ельцина «шапку Владимира Мономаха» (великий Русский князь XIII в.).

Сроки правления монарха не ограничены никакими временными рамками, права его наследственны и делятся пожизненно, поэтому любые выборы при монархической форме правления лишены смысла, ибо их результат известен заранее. Ср.:

À la veille de l'élection présidentielle de Russie, à l'issue de laquelle Vladimir Poutine devrait se succéder à lui-même... (Н., 12.04.04). Накануне президентских выборов в России, в результате которых Владимир Путин должен будет наследовать сам себе....

Типовое прагматическое наполнение данного слота – недемократическая форма правления России, отсутствие права выборности власти.

Слот 1.3. Intronisation – Восшествие на престол

В терминах монархической метафоры инаугурация В. Путина представлена как восшествие на трон (*intronisation*), коронация (*couronnement*). Ср.:

Il a au même moment intronisé son premier ministre, Vladimir Poutine, comme son propre successeur (Н., 16.11.99). В то же время Ельцин возвёл на трон своего преемника, премьер-министра Владимира Путина.

Вступление в должность В. Путина во французской прессе метафорически представлено в религиозных терминах. Как отмечает А. П. Чудинов, создаваемый образ святого усиливает эмоциональный эффект, «направленный на создание образа «безупречности» и «всемогущества», объекта преклонения, вызывающего священный трепет» (Чудинов 2003а: 215). Подобно Иисусу Христу, который вознёсся в небо через 40 дней после своего воскресения, новый российский лидер «возносится» на престол. Ср.:

Russie. L'irrésistible ascension de Poutine? (Н., 21.12.99). Россия: неотвратимое восхождение Путина?

L'insécurité en Russie est beaucoup plus grande aujourd'hui qu'au moment où Vladimir Poutine commence son ascension vers le Kremlin (L., 13.09.04). Обстановка в России стала ещё более напряженной с момента прихода Путина к власти (досл. начало восхождения Путина в Кремль).

С одной стороны, метафорическое употребление лексемы *ascension* актуализирует положительные оценочные концепты, которые, как правило, связаны с понятием верха (Lakoff, Johnson, 1980). С другой стороны, необычное контекстуальное окружение данного слова (речь идёт о начале президентства Путина) служит выражению иронически-отрицательной оценки.

2.Фрейм: «Représentant de l'autorité suprême» – «Носитель верховной власти»

Французские газеты тиражируют метафорическое представление президента В. Путина монархом, царём, полноправным хозяином своей страны.

По частотности употребление метафорических терминов конкурирует с прямыми номинациями, отражающими истинное место Путина в структуре российской государственной власти. Монархическое восприятие главы российского государства формирует в сознании французского социума представление о политически неограниченной власти российского президента.

Слот 2.1. Tsar – Царь

Типовым для рассматриваемого слота является концепт tsar (царь), титул, ассоциирующийся для француза с императорской властью в России. Отсутствие на страницах французских газет иных метафорических номинаций при обозначении первого лица Российской Федерации (souverain (суверен), sa majesté (его величество), roi (король), empereur (император)) объясняется тем, что историзм «царь всея Руси» сформировал стереотип в сознании среднестатистического француза, а периодические издания эксплуатируют и закрепляют распространённые в обществе стереотипы. Ср.:

Plus que jamais la principale préoccupation Сейчас больше, чем когда-либо царь *du tsar Poutine paraît être de consolider son* Путин занят укреплением своей власти. *pouvoir* (М., 12.04.01)

Le président Vladimir Poutine était reçu Президент Владимир Путин был принят *comme un tsar par la reine d'Angleterre* (М., как царь королевой Великобритании. 28.07.03).

Для достижения большего коммуникативного успеха, для усиления экспрессивности и оценки во французской прессе используется неологизм «super-tsar» (суперцарь), являющийся своего рода плеоназмом, так как префикс super- («префикс интенсивности», образующий имена существительные со значением проявления повышенного или высшего качества) дублирует значение исходной леммы (поскольку царь – это уже глава, вершина государства). Ср.:

Routine super-tsar ? (Н., 13.12.03). *Путин – суперцарь (сверхцарь)?*.

В результате представления В. Путина в качестве всевластного монарха в концептуальной картине мира адресата (в данном случае – читателя газеты

«Монд») образ президента России наделяется определённым прагматическим смыслом. Глава президентской республики характеризуется несвойственными для него полномочиями: бесконтрольным полновластием, вседозволенностью, категоричностью в принятии решений, что не способствует формированию его положительного образа.

Слот 2.2. Maître – Хозяин

Во французском дискурсе масс-медиа оказалось востребованным концептуальное представление президента Путина как рачительного и энергичного хозяина, получившего в управление сначала свою «резиденцию» – Кремль (*maître du Kremlin, hôte du Kremlin*), а затем и всю страну. Ср.:

En cédant à cette dernière exigence du nouveau maître du Kremlin, MM. Goussinski et Kisselev avaient cru le satisfaire (M., 16.04.01) Гусинский и Киселёв решили уступить и выполнить это последнее требование нового хозяина Кремля.

Le nouveau maître du Kremlin, qui, sitôt élu en mars 2000, s'engagea à instaurer la "dictature de la loi" (M., 01.12.01) Избранный в марте 2000 года, новый хозяин Кремля сразу же дал обязательство установить «диктатуру закона».

La question tchétochène a servi de principal atout électoral à l'actuel hôte du Kremlin (H., 25.10.02). Нынешнему хозяину Кремля чеченский вопрос послужил главным козырем на выборах.

Quel est le pouvoir réel de M. Poutine? L'ancien agent du KGB devenu président est-il le maître en son Kremlin? (M., 28.07.03) Какова реальная власть г-на Путина? Бывший агент КГБ, ставший президентом, хозяин ли он своей страны? (досл. в своём Кремле).

Maître Poutine. Plus encore qu'un réformateur à tendances dictatoriales, Vladimir Poutine, véritable grand vainqueur des élections législatives russes du dimanche 7 décembre, est un flatteur (M., 09.12.03). Хозяин Путин. Реформатор с диктаторскими замашками, победитель на законодательных выборах, прошедших в воскресенье 7 декабря, ещё и великий льстец.

Во многих контекстах при развертывании данного слота используется образ Штольца из романа И. А. Гончарова «Обломов». В пользу президента России свидетельствует то, что В. Путин ассоциируется в сознании французского общества с холодным, прагматичным, но предприимчивым Штольцем, а не с мягким, незащищенным, бездеятельным Обломовым. Ср.:

Vladimir Poutine, tout en présentant un V. Путину, несмотря на молодость, visage jeune, en affichant un goût prononcé приверженность к "порядку", pour l'"ordre", actif comme un "Stolz" et en штольцовскую активность и хорошие bons termes avec l'Ouest, aura du mal à отношения с Западом, понадобится effacer totalement l'image laissée par la fin много сил, чтобы стереть образ России, de l'ère eltsinienne (M., 01.12.01) созданный в конце ельцинской эры.

La Russie a la chance, depuis que Vladimir После того, как Путин встал на сторону Poutine s'est rangé du côté des Etats-Unis, США, можно сказать России повезло, d'être dirigée par un "Stolz". (M., 01.12.01) что ею управляет такой "Штольц".

Стоит отметить неоднозначный прагматический потенциал данного фрейма. С одной стороны, в современном обществе распространён стереотип, в рамках которого монарх воспринимается как всевластный, деспотичный, пользующийся безнаказанностью и не подчиняющийся никаким законам человек. Вспомним лозунг западноевропейских королей Средневековья, гласящий: «Делать все безнаказанно — вот что значит быть королем».

С другой стороны, получаемые адресатом сведения о личности российского президента апеллируют и к положительным для французской культуры знаниям. Быть хозяином своей страны, быть самодержцем – значит, заботиться о подданных, обеспечивать общественное процветание.

3.Фрейм: «Gouvernement du tsar» – «Правление царя»

Слот 3.1. Règne – Царствование

Монарх обладает всей полнотой власти в государстве и осуществляет её по единоличному усмотрению. Он принимает решающее участие в законодательстве, управлении и правосудии. Как нами было отмечено, концептуальная картина мира отражает не научный взгляд на мир, а обыденные, «наивные» (Ю. Д. Апресян) представления человека о мире.

Следовательно, во французской ментальности основная деятельность царя Путина заключается в «царствовании» (régner, règne). Ср.:

C'est lui, c'est notre ami Poutine, il nous sort Вот он, наш друг, он выводит нас из *d'un long cauchemar, il nous rassure, il* долгого кошмара, он успокаивает нас, он ***règne d'une main de fer sur le plus grand*** правит железной рукой самой большой *païs du monde* (М., 08.01.03). *страной в мире.*

Французские СМИ подчеркивают стремление Путина укрепить свою самодержавную власть. Типовые для данного слота концепты (consolider son pouvoir (укрепить свою власть), asseoir son pouvoir (установить свою власть), mettre au pas (подчинить себе), mettre genou (преклонить колени)) в метафорическом значении характеризуют деятельность президента как жесткую, безнаказанную, бескомпромиссную. Ср.:

Par exemple, il a fallu, pour asseoir le Понадобилось, к примеру, чтобы ***pouvoir de Vladimir Poutine, mener "une*** установить власть (досл. усадить *sorte de guerre civile froide" en 1999 et* власть) Путина, вести своего рода *2000* (М., 01.12.01). *“гражданскую холодную войну” в 1999 и 2000 годах.*

En affrontant les oligarques, M. Poutine veut Выступая против олигархов, г-н Путин ***consolider son pouvoir*** (М., 06.07.03). *намерен укрепить свою власть.*

Poutine assoit son pouvoir sur un champ de Путин насаждает свою власть среди *ruines social, mais aussi politique et* социальной, политической, *idéologique, à la faveur d'un scrutin boudé* идеологической разрухи, прикрываясь *par un électeur sur deux* (Н., 13.12.03). *выборами, которые игнорирует каждый второй избиратель.*

Poutine s'attachait à restaurer l'autorité de Путин пытается восстановить *l'Etat (c'est-à-dire la sienne) dans les* (реставрировать) власть государства *régions, faisait mettre genou à terre aux* (т. е. свою) в регионах, а олигархов, *oligarques qui pillaient la Russie, ou plutôt à* грабивших Россию, или скорее тех из них, *ceux d'entre eux qui avaient cru pouvoir le* кто посмел бросить ему вызов, *défier* (М., 01.12.01) поставить на колени.

Слот 3.2. **Activité du maître – Деятельность хозяина**

Широко за пределами России известен стереотип о бездеятельности, апатичности, фатализме русского народа: «русский народ тяготеет к натуральному развитию медленным шагом времени, что органично для русского медведя... или даже для мамонта» (Гачев 1998: 220). На фоне всеобщей инертности действия президента концептуально представляются как хлопоты активного и деятельного хозяина. Таким образом, в газетных статьях разворачивается иной ряд метафор с позитивным прагматическим потенциалом.

Используемые средства метафорической характеристики создают в ментальном пространстве французского реципиента вызывающий симпатию и одобрение образ рачительного хозяина, наводящего порядок в доставшемся ему неблагополучном хозяйстве. Ср.:

Vladimir Poutine aura du mal à effacer В. Путину понадобится много сил, чтобы *totalemment l'image d'une Russie où l'Etat* стереть образ российского государства, *serait capturé, instrumentalisé par des* которое приручили и которым *groupes opaques. (L., 01.12.01)* управляют подпольные группировки.

Vladimir Poutine se veut le modernisateur Владимир Путин видит себя *d'un pays meurtri par quinze années de* реформатором (досл. модернизатором) *réformes chaotiques après des décennies de* страны, искалеченной пятнадцатью *soviétisme (M., 30.05.03).* годами хаотических реформ после десятилетий советской власти.

Что характерно, французская пресса акцентирует внимание на таких чертах нового хозяина, как активность, энергичность, решительность, заботливость посредством метафорического использования слов, обозначающих повседневную деятельность человека (oeuvrer (работать, создавать), peaufiner (отделывать, вылизывать), ressortir des cartons (достать из коробок), prendre des mesures énergiques (предпринимать энергичные меры), construire (строить), démanteler (разбирать), marcher sous la houlette (плясать под дудку)). Ср.:

Le chef de l'État, fidèle à son image de Новый глава государства, верный своему

travailleur acharné, s'est immédiatement attelé à la constitution d'un nouveau cabinet de ministres (Н., 08.05.00).

имиджу «трудогаи», ревностно взялся (досл. впрягся) за создание нового кабинета министров.

Depuis son arrivée au Kremlin, en décembre 1999, Vladimir Poutine a ressorti des cartons une bonne partie de la symbolique soviétique (М., 20.02.02).

С момента прихода к власти в декабре 1999 В. Путин снова ввёл в обиход (досл. достал из коробок) многое из советской символики.

Maintenant, il est vrai qu'il appartient au président Vladimir Poutine de prendre des mesures énergiques de nature à améliorer significativement une situation dont les autorités actuelles sont bien sûr en partie responsables (Н., 15.11.02).

Теперь стоит признать, что президент Владимир Путин предпринимает решительные меры, чтобы значительно улучшить сложившуюся ситуацию, ответственность за которую отчасти несёт и нынешняя власть.

L'Occident doit toutefois ouvrir les yeux et reconnaître que la Russie que construit Poutine ne sera pas un bon voisin (М., 14.11.03)

Запад должен открыть глаза и признать, что Россия, которую создаёт (досл. строит) Путин, будет не таким уж хорошим соседом.

Не получают во французских газетных текстах развития метафоры с негативным прагматическим потенциалом, цель которых – выявить беспринципность, неопытность, непрофессионализм, иными словами те качества хозяина, которые традиционно используются в политическом дискурсе для характеристики молодого политика (Шейгал 2000: 13).

4.Фрейм: «Entourage du tsar» – «Окружение царя»

Косвенную оценку глава российского государства получает через характеристику своего окружения. Политическая элита России метафорически номинируется как *cour* (двор), *boyards* (бояре), *barons* (бароны), *féodaux* (феодалы), *sujets* (подданные), *moujiks* (мужики), *liges* (холопы). Ср.:

Endiguer la résistance de "barons régionaux", tout en s'appuyant sur une "bureaucratie fédérale composée avant tout du FSB et des structures de forces" (М.,

01.12.01). *прежде всего из ФСБ и силовых структур*".

La classe politique russe voyait en Vladimir Poutine l'homme lige du tsar Boris (Н., 01.01.00). *Российский политический класс увидел во Владимире Путине верного холопа (досл. ленник) царя Бориса.*

Как и у любого владыки у царя Путина есть свои любимчики (protégés) и свои фавориты (favoris). Ср.:

Le parti Russie unie, adoubé par Vladimir Poutine, est donné favori pour les élections législatives qui se dérouleront le 7 décembre en Russie (М., 04.12.03). *«Единая Россия», благословлённая (досл. посвященная в рыцари) Путиным, предстаёт фаворитом на законодательных выборах, которые состоятся в России 7 декабря.*

Comment vont se partager les formidables recettes du pétrole et du gaz russes entre favoris de Vladimir Poutine? (L., 11.10.04). *Как поделят между собой огромные доходы от нефтяной и газовой промышленности фавориты Владимира Путина?.*

Pièce maîtresse de la politique de «tchéthénisation» engagée par Poutine, son protégé, le président prorusse Akhmad Kadyrov (L., 23.06.04). *Главное действующее лицо выбранной Путиным политики «чеченизации», его протеже, президент Ахмад Кадыров, сторонник российской политики.*

Требования правителя к своему личному окружению интерпретируются в рамках данной метафорической сетки. Ср.:

A cinq jours de l'élection présidentielle du 14 mars, le chef du Kremlin a nommé un nouveau gouvernement constitué de fidèles (М., 11.03.04). *За пять дней до президентских выборов 14 марта глава государства назначил новое правительство, состоящее из преданных ему людей.*

Подданным при таком государе остаётся лишь молча и беспрекословно подчиняться. Ср.:

La Russie reste un pays dur aux faibles et doux aux puissants, à condition qu'ils courbent l'échine devant un pouvoir central en pleine renaissance (М., 01.12.01). *Россия остается страной суровой для слабых и мягкой для сильных мира сего при условии, что они прогнутся перед зарождающейся центральной властью.*

Данный фрейм акцентирует внимание французского адресата на сконцентрированности власти в руках одного человека, на политической несамостоятельности правящего класса России, на отсутствии демократических прав и свобод не только у российского населения, но и у политических деятелей.

В средствах массовой информации Франции при характеристике действующего президента Российской Федерации монархическая система правления оказалась одним из самых продуктивных источников метафорической экспансии.

Способность метафорической модели **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ** к детальному развёртыванию свидетельствует о её востребованности французским адресантом, который осознанно или злонамеренно благоприятствует укоренению сложившихся во французском обществе стереотипов, образно представляющих гаранта конституции России в терминах абсолютного, всевластного монарха, что не ведёт к формированию позитивного образа российского президента в концептуальной картине мира адресата-представителя французской лингвокультуры.

Вместе с тем, отдельные фреймы отражают концептуальное представление французами монарха как заботливого и рачительного хозяина, деятельность которого противопоставляется бездействию предыдущих российских лидеров.

Метафорическая модель ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА во французском дискурсе масс-медиа

Ряд исследователей приходит к выводу, что в российском политическом дискурсе концепт «организованная преступность» содержит в себе представление о двух вполне автономных мирах. Первый, где живут читатель и исследователь, — нормальный и вполне благополучный мир “порядочных людей”, защищенных законом или стремящихся получить от него защиту. Второй — мир преступников, “неправильный мир неправильных людей”.

Иными словами, один мир наделяется неким социальным смыслом, а другой выступает его негативным коррелятом, девиацией (Л. Е. Бляхер, В. Волков, А. Б. Ряпосова, А. П. Чудинов).

В историческом развитии нашей страны бандиты — продукт постсоветской эпохи, когда слабое государство допускает присутствие на своем поле нового силового агента. Они лучше, чем государство, справляются с его функциями по регулированию экономики.

Встраиваясь в экономические структуры, бандиты начинают выполнять в них политическую функцию, начинают «править», организуют экономическое и силовое пространство, соорганизуются между собой, структурируя подвластное им общество. К концу 1990-х годов российские бандиты “эволюционируют” в сторону легальности. Именно они составляют сейчас экономическую элиту, самый значимый и динамичный компонент бизнес-слоя. И именно они сегодня последовательнее всего придерживаются “государственной” идеологии.

Значимость, популярность, доступность данного концепта российскому менталитету ведёт, таким образом, к тому, что в сознании россиян эта понятийная область легко структурируется и служит источником метафорической экспансии.

В современном французском дискурсе масс-медиа наряду с метафорической моделью **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ** фигурирует иная, обладающая широкими возможностями в развёртывании и высокой употребительностью метафорическая модель **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА** (357 метафорических словоупотреблений), в рамках которой первое лицо государства российского подвергается концептуальному осмыслению на основе концепта «преступность», что уже само по себе способно вызвать определённый оценочный эффект, так как замена прямых наименований экспрессивными придаёт им иной колорит и способна подчеркнуть наиболее значимые черты метафоризируемых понятий (Вендина, 1999; Ивина, 2003; Солганик, 1980).

Криминальная метафора очень широко представлена во французских газетах, что позволяет выделить следующие фреймы.

1. Фрейм: «*Identité du criminel*» – «Личность преступника»

Номинация президента РФ в криминальных терминах ведёт к своеобразной концептуальной аномалии, так как в сознании французского реципиента в противоречие между собой вступают две концептуальные сферы: «президент», имеющий ментальную репрезентацию в виде однозначно положительного образа (гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина), и «преступник», концепт, наделённый ярко отрицательным прагматическим смыслом, - человек, представляющий общественную опасность, совершивший преступление, нарушивший закон.

Слот 1.1. *Métamorphose* – Изменение

Широко за пределами России известен стереотип о коррумпированности, мафиозности, клановости, семейственности российской власти. Появление В. Путина на политической арене французская пресса связывает с принадлежностью нового российского президента одному из кланов, банд (*clan*, *bande*, *mafia russe*, *équipe* (команда), *famille* (семья)). Французские СМИ, не сомневаясь, определяют «родословную» нового политического лидера. Ср.:

Bien qu'il ait été mis sur orbite par la Хотя Путин и был поставлен у руля
bandocratie *Eltsine-Berezovski*, *Poutine* власти бандократией Ельцин-
pourra difficilement conserver tel quel le Березовский, ему вряд ли удастся
régime eltsinien, trop discrédité (Н., *сохранить неизменным слишком уж*
17.05.00) *дискредитировавший себя ельцинский*
режим.

Le président Poutine, lui, reste silencieux, Президент Путин хранит молчание,
apparemment prisonnier de deux clans - *le* очевидно став пленником сразу двух
monde des affaires d'une part, les services кланов: деловых кругов, с одной стороны,
de sécurité d'autre part (М., 28.07.03). *и службы госбезопасности, с другой.*

Vladimir Poutine cerné par les mafias (М., Мафия «обложила» Путина.
28.11.02).

Использование понятия «семья» в политическом контексте привело к тому, что этот термин расширил свою семантику: помимо родового и кланового значений у него появилось криминальное (семья в значении «мафиозная группировка»). Если власть концептуально представляется как семья, где все члены кровно связаны между собой, то её представитель, дабы быть допущенным к власти, должен быть «своим», то есть членом этой семьи. Соответственно, «отношения в семье регулируются не столько законами, сколько традиционными представлениями о том, как должны поступать родственники в тех или иных ситуациях» (Чудинов 2001: 78). Ср.:

La «Famille» peut compter sur les talents «Семья» может рассчитывать на d'ancien espion de V. Poutine (M., 10.08.99) таланты бывшего шпиона Путина.

Elu dès le premier tour, M. Poutine se Отделится ли Путин, избранный détachera-t-il de cette «Famille» qui l'a президентом в первом туре, от той choisi en août? (M., 28.03.00) «семьи», которая выбрала его в августе?.

V. Poutine: espion professionnel et B. Путин: профессиональный шпион и canonnier de la «Famille» (L., 19.08.01) артиллерист «семьи».

Французский адресант, используя в газетном тексте метафоры данного слота, активизирует в сознании адресата стереотип с негативными оценочными суждениями: российская власть находится под контролем мафии, следовательно, к власти может прийти лишь «выходец» мафиозной группировки.

Слот 1.2. Place dans l'hierarchie de la structure criminelle – Место в иерархии преступного сообщества

Данный слот представляет главу государства не главой преступной группировки, мафиозной семьи, а её рядовым членом, что, скорее всего, связано с недолгим пребыванием В. Путина на посту президента России, с его «политической» молодостью. Те трудности, с которыми столкнулся президент, свидетельствуют об отсутствии «авторитета» у нового политического лидера России. Ср.:

L'ancien chef des services secrets, premier Бывший глава ФСБ, премьер-министр,

ministre avant d'arriver au Kremlin, se heurte au clan Eltsine, aux barons régionaux et aux oligarques qui tiennent l'économie (M., 11.09.00).

став президентом РФ, столкнулся с кланом Ельцина, с региональными баронами, с олигархами, в руках которых находится экономика страны.

Pour comprendre ce qui se passe aujourd'hui, il faut savoir que le système de capitalisme semi-criminel mis en place sous Eltsine n'a fait que se renforcer ces quatre dernières années sous Poutine (H., 07.11.03).

Чтобы понять, что происходит сегодня, надо знать, что система полукриминального капитализма, созданная при Ельцине, за последние четыре года правления Путина лишь окрепла.

Exilé à Londres depuis octobre 2001, l'homme d'affaires Boris Berezovski part une nouvelle fois à l'assaut du Kremlin. L'ancienne figure emblématique de la "Famille" compte jouer un rôle décisif dans la constitution d'une opposition à Vladimir Poutine avant les élections législatives de décembre et la présidentielle de mars 2004 (M., 29.04.03).

С октября 2001 находясь в изгнании в Лондоне, бизнесмен Борис Березовский вновь штурмует Кремль. Бывший знаковый представитель «семьи» рассчитывает сыграть решающую роль в создании оппозиции Владимиру Путину до начала законодательных выборов в декабре и президентской кампании в марте 2004 г..

Схема, ассоциативно связывающая две понятийные сферы «глава российского государства» и «преступность», настолько укрепилась в сознании представителей французской лингвокультуры, что любое новое лицо, возникшее на российском политическом горизонте, автоматически попадает в эту схему.

2.Фрейм: «Genre du criminel» – «Вид преступника»

Слот 2.1. Criminel (sans concrétisation) – Преступник (без конкретизации)

В рассматриваемой подгруппе лексема *преступник* при номинации Путина используется в самом общем значении «человек, совершивший преступление». Ср.:

Tout ça ne serait que pour assurer l'élection И всё это, чтобы обеспечить победу на

d'un criminel dont on croit qu'il pourrait выборах преступнику, на которого все
sortir son pays du chaos économique? (Н., возлагают надежды, что он сможет
01.03.00). вывести страну из экономического
хаоса?.

При всей снисходительности французов к небольшим правонарушениям метафорическая номинация президента России преступником актуализирует в общественном сознании негативное оценочное суждение.

Слот 2.2. Spécialisation du criminel – Специализация преступника

Деятельность российского политического лидера (непрекращающаяся война в Чечне, «противозаконные» методы решения экономических, социальных проблем) стимулирует метафорическую номинацию В. Путина в терминах преступного мира: tueur (убийца), meurtrier (убийца), bourreau (палач), voleur (вор), criminel de guerre (военный преступник), terroriste (террорист). Данные лексемы в своём прямом значении обозначают особо опасных преступников, профессионально занимающихся своей деятельностью. Концептуально эти номинации ассоциируются с крайней степенью общественной опасности, с ярко выраженной криминогенностью. Ср.:

V. Poutine, un homme discret au В. Путин, сдержанный человек с
tempérament de «tueur» (М., 10.08.99) темпераментом «убийцы».

Tous, depuis le démocrate Iavlinsky jusqu'au Все они, от демократа Явлинского до
président en exercice, Vladimir Poutine исполняющего обязанности президента
appliquent la vieille tactique du voleur de Путина применяют старую хитрость
rue qui crie " attrapez-le " pour détourner уличного воришки, который кричит:
l'attention (Н., 22.03.00). «Ловите его,» - чтобы отвлечь внимание.

V. Poutine, meurtrier qui tache les mains de В. Путин, убийца, чьи руки обгазены
sang (М., 18.04.00) кровью.

Poutine est-il un criminel de guerre? (Л., Является ли Путин военным
18.09.04). преступником?.

3.Фрейм: «Activité professionnelle du criminel» – «Профессиональная деятельность преступника»

Профессиональная деятельность убийцы реализуется через такие концепты, как уничтожить (*détruire, éliminer*), ликвидировать (*liquider*), убить (*tuer*), терроризировать (*terroriser*). Следовательно, действия президента России подчиняются логике развёртывания и концептуально переосмысливаются в рамках исходной понятийной сферы. Ср.:

C'est un jour noir, V. Poutine tue la meilleure des chaînes de télévision (М., *лучший телеканал.*

14.04.01).

Le président russe, Vladimir Poutine, a annoncé, lundi 24 décembre, la «liquidation» de la Commission des grâces (М., *«ликвидации» комиссии по помилованиям.*

26.12.01).

Peut-être une autre issue est encore possible, sauf à agir comme Poutine en préférant le carnage à la négociation aussi compliquée et difficile soit-elle (Н., *переговорам, какими бы сложными они*

31.10.02).

La situation criminelle en Russie est difficile et compliquée. Le pouvoir élimine tout organe d'information pouvant lui nuire (М., *уничтожает все средства информации,*

05.12.03).

M. Poutine menace de remettre en cause les privatisations là où les lois « ont été enfreintes » (М., 25.12.03).

В используемых концептах заключено хорошо прагматически усвоенное человеком и прочно закреплённое в когнитивных структурах его мозга представление об опасности, которую представляют для него криминальные слои общества, используемые ими методы и инструменты. Однако «преступления» Путина остаются безнаказанными благодаря имеющемуся «алиби». Ср.:

Le Terek Grozny, l'alibi tchéchène de Футбольный клуб «Терек» Грозный –

Routine (L., 28.09.04).

чеченское алиби Путина.

4.Фрейм: «Structure criminelle» – «Преступное сообщество»

По окружению главы государства можно судить о его политических взглядах, человеческих симпатиях, наконец, о нём самом. Лексика, заимствованная из сферы «мир криминала», номинирует правительство РФ, представляющее политическое окружение Путина, послушным орудием в руках президента, исполняющим его указания, даже если для этого требуется преступить закон. Ср.:

M. Kassianov a arraché un accord avec le Club de Londres (M., 28.03.00). *М. Касьянов вырвал договор с Лондонским клубом.*

Ce bandit grand partisan de la guerre qui a revêtu une peau d'agneau (M., 08.04.00). *Этот бандит (о Д. Rogozine), сторонник войны, прикидывается невинной овечкой.*

Le capitalisme russe a un parfum de Far West. Avec ses bandits, ses « shérifs » du KGB et ses barons de l'industrie et de la finance (M., 02.12.03). *Со всеми своими бандитами, кэзэбэшными «шеридами», промышленными и финансовыми баронами российский капитализм попахивает Диким Западом.*

L'équipe de l'inconnu Mikhaïl Fradkov est composée de libéraux et d'anciens espions, apparemment tous aux ordres de Vladimir *Команда неизвестного Михаила Фрадкова состоит из либералов и бывших разведчиков (досл. шпионова), готовых на всё по первому слову (досл. приказу) Владимира Путина.*
Routine (H., 13.04.04).

В целом политическая верхушка России метафорически определена как шайка, сброд бандитов (ramassis de criminels). Методы их действий соответствуют их названию и определяются как «hooliganisme». Ср.:

Le débat au sommet de l'Etat russe a tourné à la foire d'empoigne (M., 19.02.01). *В российской Думе дебаты обернулись потасовкой.*

Le Kremlin a «lâché» M. Borodine (M., 09.04.01). *Кремль «кинул» г-на Бородин.*

Использование вышеперечисленных «слов-кандидатов» (Л. В. Ивина) метафорической экспансии свидетельствует о существовании в концептуальной

картине мира представителя французской лингвокультуры представления о преступной структуре политической системы страны, о масштабных политических злоупотреблениях служебным положением в противозаконных целях, что формирует негативное отношение французского адресата к политическим деятелям России.

5.Фрейм: «Victimes de crime» – «Жертвы преступления»

Если государство во главе с президентом в концептуальной картине мира представителя французской лингвокультуры переосмысливается как преступная организация, функционирующая по своим законам и правилам, то *жертвами* (victimes), *заложниками* (otages) преступников становятся как отдельные граждане, так и целые организации России. Ср.:

Journaux et télévision du pays qui ont Газеты и телевидение страны, у encore le courage d'un travail indépendant которых еще хватает смелости sont victimes d'une campagne оставаться независимыми, становятся d'intimidation: tabassages des reporters par жертвами массового запугивания: des policiers déguisés en louibards; избивение репортёров переодетыми pressions économiques; poursuites полицейскими, экономическое давление, judiciaires... (М., 26.01.01). судебное преследование.

Pour Evgueni Kisselev, directeur général de Евгений Киселев, ген. директор ТВб, не la chaîne, il ne fait pas de doute que l'équipe сомневается, что команда канала стала de TV-6 a été "victime d'une commande «жертвой политического заказа». politique" (М., 11.01.02)

Cette décision montre que Khodorkovski est Это решение доказывает, что un otage et un prisonnier politique (М., Ходорковский – политический заложник 11.11.03). и пленник.

Анализ метафорической модели **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА** показывает, что типовое прагматическое наполнение этой модели интернационально (основная часть рассматриваемых метафор несёт ярко выраженную отрицательную оценку), так как со словом «scriminel» (преступник) у человека независимо от национальной принадлежности всегда ассоциируется представление о чем-то опасном,

противозаконном, антиобщественном. Применительно к президенту РФ В. Путину эти негативно оцениваемые качества приобретают ещё большую отрицательную коннотативную нагруженность, поскольку Франция – государство близкое России по политическому устройству, и в когнитивных структурах представителя французской лингвокультуры закрепилось представление о президенте как о защитнике прав и свобод граждан своей страны теми методами, которые прописаны в конституции.

Средства массовой информации Франции, активно используя на своих страницах монархическую и криминальную метафоры, стереотипизируют образ главы российского государства, редуцируя его качества до когнитивно значимого минимума (полновластный правитель своей страны, безжалостный бандит). Уточним, что образ В. Путина является «чужим» для французской культуры. Следовательно, ассоциативно-коннотативная зона данного политического антропонима в «чужой» культуре беднее и заимствуется из «своей» культуры, поскольку «уровень фоновых знаний «своих» носителей языка намного выше, чем у представителей чужой культуры» (Шейгал 2002: 237).

О «заимствованном» характере монархической и криминальной метафоры, используемой в дискурсе масс-медиа Франции для характеристики главы российского государства, свидетельствует и сопоставительный анализ представленных метафорических моделей в русском и французском языках (на основании описания криминальной, монархической метафоры в российском политическом дискурсе в работах А. А. Касловой, А. Б. Ряпосовой, Ю. Б. Феденёвой, А. П. Чудинова), выявляющий сходство фреймово-слотовой структуры моделей в обоих языках. Однако результаты сопоставления показывают, что проанализированные метафорические модели не являются универсальным средством концептуального представления главы государства для носителей французской лингвокультуры: обращение к монархической и криминальной источниковым сферам носит системный характер при описании президента России и единично при характеристике президента Франции.

Частота и продуктивность использования данных метафор «навязывает» французскому адресату концептуальное видение президента РФ как самодержца, выходца из мафиозной группировки, убийцу. Положительный образ государя-хозяина лишь начинает формироваться (путём использования ранее не употреблявшихся метафор, системность которых позволяет объединить их в отдельные фреймы).

Отметим еще раз, нами были проанализированы доминантные метафорические модели. За рамками исследования остались отдельные метафоры, фиксирующие позитивно окрашенный образ В. Путина (*champion* (чемпион), *modernisateur* (модернизатор), *manager* (менеджер), *serviteur* (служитель)), но не обладающие системностью. На данном временном отрезке они не могут быть структурированы в метафорические модели. Ср.:

*Vladimir Poutine est présenté en **champion*** В. Путин выглядит чемпионом в *de la conciliation partout dans le monde* урегулировании военных конфликтов в *(M., 12.02.03).* мире.

Il y a eu un mieux économique sous ce При этом президенте, воспринимаемом *président perçu plus comme un «**manager**»* скорее в качестве менеджера, чем *que comme un monarque* (M., 30.05.03). монарха, в стране наметилось экономическое улучшение.

Таким образом, появление новых метафор с концептуальным вектором благополучия, надёжности, развития позволяет надеяться на то, что процесс переоценки образа президента России во французской прессе начался, и со временем за рубежом сформируется позитивный образ страны, в которой гарант конституции будет характеризоваться как заботливый отец, страж порядка и защитник отечества.

1.2. Метафорическое представление политического курса России

Как уже было показано выше, во французской национальной картине мира зарубежные страны воспринимаются как некие локусы, находящиеся на

том или ином отдалении от центра мира, каковым является Париж. Как справедливо отмечает В. Красных, в человеческом сознании параллельно с осознанием категорий «свой – чужой» происходит членение «окультуренного» человеком пространства на «свой» мир и мир «чужой» (Красных 2002: 236). В представлении французов Россия не входит во «внутреннее» пространство Европы. Являясь фрагментом внешнего по отношению к ней мира, наша страна воспринимается и осознаётся европейцами как «чужое», «чуждое» им пространство. Язык предметного пространства расширяет сферу значений и становится пригодным для представления непредметной сущности. Ср.:

L'Ouest, échaudé, ne sait plus trop qu'en penser. Eblouies jadis par Gorbatchev, bluffées ensuite par Eltsine, les occidentales ont accueilli avec méfiance Vladimir Poutine. (M., 01.12.01) *Ошеломлённый Запад не знает, что и думать. Ослеплённое некогда Горбачевым, обманутое Ельциным, западное общественное мнение с недоверием приняло Владимира Путина.*

Les Russes arrivent, les Russes sont partout : à Berlin, où ils constituent le centre de l'exposition « Moscou-Berlin » ; à Francfort, où une galerie présente les meilleurs exemples de la peinture stalinienne ; à Francfort encore, à la Foire du livre, où la Russie est le «pays invité», avec 150 auteurs et 200 éditeurs (M., 10.10.03). *Русские идут, они повсюду: в Берлине, где ведётся строительство выставочного комплекса «Москва – Берлин», во Франкфурте, где представлены лучшие образцы живописи эпохи Сталина, снова во Франкфурте на книжной ярмарке, где Россия является «приглашенной страной» со 150 авторами и 200 издателями.*

В дискурсе масс-медиа Франции Россия постоянно метафорически предстаёт как предмет, изменяющий своё положение в пространстве. В сознании французов наша страна имеет свои пространственные характеристики, что связано, в частности, с тем, что предмет и место – «эти два вида объективной реальности даны человеку в ощущениях, и на них строится всё здание концептуальной картины мира» (Кравченко 2004: 34). В соответствии с общей закономерностью в системе языка предметное пространство концептуально отражается в виде некоторого обобщенного

зрительного образа, точкой отсчета в котором является человек (Гуссерль, 1994). Метафоры данной подгруппы входят в число базовых ориентационных метафор (по терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона) и структурируются в метафорическую модель **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ ЛОКУС** (модель включает 312 метафорических словоупотреблений). Отметим, что активизация метафор данной группы в периодических изданиях Франции связана, в первую очередь, со сменой политической верхушки России, с приходом к власти В. Путина.

Базовые пространственные понятия, в рамках которых происходят изменения, – осевые горизонтальные измерения «вперед – назад», «вправо – влево» и осевое вертикальное измерение «вверх – вниз». Концептуализация и языковая категоризация именно этих, а не других, теоретически возможных, координатных осей обусловлены самими условиями осознанного бытия человека.

«Благодаря особенностям анатомического строения, восприятие и концептуализация холистической предметной сущности «человеческое тело» направлено по оси «верх – низ», поэтому человеческому телу «вертикальность» присуща как изначальное свойство, составляющее когнитивную сторону предметной сущности» (Кравченко 2004: 37). Более высокая значимость горизонтальной оси «вперед – назад» по сравнению с «вправо – влево» также объясняется особенностями восприятия мира и взаимодействием с ним человека: «в канонических условиях движение человека в пространстве осуществляется по оси, совпадающей с осью направления взгляда, поскольку возможность и безопасность передвижения в пространстве находятся в прямой зависимости от объёма поступающей визуальной информации» (Кравченко 2004: 37-38).

Таким образом, с точки зрения языка между координатными осями пространства существует следующая иерархия: 1) вертикаль, 2) горизонталь по оси «вперед – назад», или фронтальная горизонталь, 3) горизонталь по оси «вправо – влево», или латеральная горизонталь (Кравченко 2004: 37).

1.Фрейм: «Point de départ» – «Точка отсчета»

Средства массовой информации Франции единодушны в своём мнении, что в развитии России наступил решительный перелом. Смена власти в стране получает положительную оценку в языковой картине мира француза, поскольку появление у руля государства нового кормчего (по Платону), результативность и целенаправленность действий которого концептуально подчеркиваются метафорой движения, повлекло за собой изменение политического курса России, активное развитие во всех сферах российской жизни. Ср.:

*Aujourd'hui, la Russie est dans **une autre phase** (M., 01.12.01).* Сегодня Россия на новом этапе своего развития.

*La Russie a-t-elle pris un virage? - La phase **de transition** est terminée (M., 18.12.01).* Россия совершила поворот? – Переходный этап закончился.

*Grâce à Poutine, la Russie est en **bonne voie** (M., 20.12.01).* Благодаря Путину Россия на правильном пути.

Сравните толкование некоторых единиц в словаре Le Nouveau Petit Robert (2003):

Phase – Chacun des états successifs d'une chose **en évolution**;

Virage – Mouvement d'un véhicule qui tourne, **change de direction**.

Концептуальной точкой отсчета, началом движения, противопоставляемым бездействию, инерции в развитии России периода правления Б. Ельцина, является вступление Владимира Путина в должность президента. Ср.:

*La Russie sort chaque jour **un peu plus de l'anarchie** où elle avait sombré sous Boris Eltsine (M., 08.02.01)* День за днём Россия все больше и больше выходит из той анархии, в которую она погружалась при Борисе Ельцине.

*Pendant dix ans elle (la Russie) a **oscillé** entre le révisionnisme et l'intégration.* В течение 10 лет Россия колебалась между ревизионизмом и интеграцией.

*Vladimir Poutine semble avoir saisi l'"effet d'aubaine" produit par les attentats du 11 septembre pour se **ranger** résolument du côté de l'intégration. (M., 14.11.01)* Кажется, Владимиру Путину повезло с «удачной находкой» - терактами 11 сентября, чтобы окончательно решиться (досл. стать в ряд) в пользу

интеграции.

Depuis un an et demi, date de son élection au poste de président, Vladimir Poutine a résolument oeuvré contre l'inertie des années Eltsine (M., 20.12.01) Все полтора года с момента вступления на пост президента В. Путин решительно действовал против инерции ельцинской эпохи.

Où va la Russie de Poutine? (M., 09.09.04). Куда идёт Россия Путина?.

Метафорическое использование лексики из сферы «абстрактное движение» для обозначения изменения местоположения предмета в пространстве обладает четко выраженными прагматическими позициями. Это достигается благодаря тому, что концептуально любое поступательное движение вперёд ассоциируется с развитием, прогрессом, определённой последовательностью процессов, приводящих к конкретной цели.

2. Фрейм: «**Changement vertical**» – «**Вертикальное изменение**»

Усиление, централизация государственной власти в России концептуально воспринимаются французским адресатом как изменение в вертикальном положении. Ср.:

En Russie, M. Poutine installe son «pouvoir vertical» avec les militaires et les services de sécurité (M., 20.05.00). В России г-н Путин создаёт «вертикаль власти» (досл. вертикальную власть) с помощью военных и органов госбезопасности.

Vision noire ? La Russie, comme demi-démocratie, comme dictature molle? La mise en place de la "verticale du pouvoir" se poursuit (M., 01.12.01). Пессимистический взгляд? Россия как полу-демократия, как мягкая диктатура? Установление «вертикали власти» продолжается.

Poutine peut faire ce qu'il veut avec cette Douma. Il n'y a plus de centres de pouvoir indépendants, il n'y a qu'une pyramide du pouvoir, avec un tsar ou un président au sommet (H., 09.12.03). С такой Думой Путин может делать всё, что хочет. Большие не осталось независимых центров власти, существует пирамида власти с царём или президентом на вершине.

En septembre, le chef de l'Etat russe avait déjà annoncé plusieurs mesures destinées à В сентябре глава российского государства уже заявлял о

renforcer la «verticale du pouvoir» (L., многочисленных мерах по усилению 27.09.04). «вертикали власти».

Актуализируемые рассматриваемым фреймом типовые прагматические смыслы призваны сформировать у французского читателя зрительное восприятие происходящих в России перемен. В результате обобщения зрительного образа языковая картина мира французского реципиента фиксирует изменение вертикального положения российского государства по отношению к народу по направлению «верх». Нарушение равновесия между двумя составляющими – государством и гражданским обществом – в сознании европейца связано с потерей прав и свобод последнего, иными словами с установлением деспотии (Поздняков 1994: 27). Следовательно, данные метафоры в дискурсе масс-медиа Франции имеют негативный прагматический потенциал и акцентируют утрату гражданских свобод, политической оппозиции в России, стремление власти действовать вопреки интересам населения.

Конечная цель этого движения, по мнению французской прессы, превращение России в «полицейское» государство: *un Etat policier, un Etat fort, un Etat «guébiste»*. Ср.:

Vladimir Poutine est en train d'édifier un « Etat policier » en Russie (M., 01.03.01). «полицейское государство».

В составе фрейма выделяются метафоры, несущие оценочную оппозицию номинациям с негативным прагматическим потенциалом. Метафорические выражения, связанные с понятием верха, обладают нейтральной или позитивной окраской, если в них находят отражение социальные и экономические изменения в российской жизни. Ср.:

Le redressement de la fragile économie russe passe par le respect des réformes annoncées. (M., 18.12.01) Восстановление (досл. выпрямление) неустойчивой российской экономики происходит путём признания объявленных реформ.

Emergence d'une "classe moyenne" en Russie (M., 21.02.02). Появление (досл. выплывание) среднего класса в России.

3.Фрейм: «Changement horizontal» – «Горизонтальное изменение»

Слот 3.1. Déplacement dans l'axe «avant - arrière» – Перемещение по оси «вперед - назад»

Россия периода пребывания на посту президента В. Путина в дискурсе масс-медиа Франции характеризуется при помощи метафор, связанных с движением вперёд. Ср.:

*Un nouveau **glissement** vers l'autoritarisme* Новое скольжение к авторитарности.
(M., 08.02.01)

C'est un signe supplémentaire de cette Это ещё одно доказательство той
atmosphère qui progressivement s'installe обстановки, которая создаётся в России,
*en Russie **dans le sillage** du président V.* плывущей в фарватере президента
Routine (M., 14.03.01) *Путина.*

*Quand M. Poutine **a progressé**, il l'a fait en* Когда Путин продвигался вперёд, он
crabe (M., 14.04.01). *делал это боком (досл. по-крабьи).*

*M. Poutine semble prêt à **aller loin** pour* В. Путин, кажется, готов зайти ещё
prouver qu'il y est disposé (M., 14.11.01) дальше, чтобы продемонстрировать
 своё расположение к реформам.

Après la crise financière de 1998, la Russie После финансового кризиса 1998 года
*a effectué un **rebond** spectaculaire* (M., *Россия сделала огромный шаг вперёд*
02.07.02). *(досл. прыжок).*

Все используемые глаголы (или производные от них), имеют значение поступательного движения вперёд. Сравните толкование некоторых единиц в словаре Le Nouveau Petit Robert (2003):

Glisser – **Passer** doucement, **graduellement**, insensiblement;

Rebondir – **Prendre** un nouveau **développement** après un arrêt, une pause;

Sillage – Partie d'une fluide que laisse derrière lui un corps **en mouvement**; perturbations qui s'y produisent;

Sortir – **Aller** hors de ..., en parlant d'objets **en mouvement**, de fluides, d'ondes.

Непрерывность, целенаправленность, уверенность развития России при правлении Путина подчеркивается путём противопоставления с периодом застоя в развитии государства при Б. Ельцине. Лексемы «stagnation» (стагнация), reculer (отступать) вербализуют концепты «отсутствие движения»,

«назад». Иными словами, эти метафорические выражения несут информацию о худшем варианте развития событий, зрительно ассоциирующегося с торможением того воображаемого движения, которое в концептуальной картине мира адресата совершает страна в своём развитии. Ср.:

On a parfois comparé la Russie eltsinienne à la République de Weimar, deux régimes issus d'une défaite, à l'économie chancelante et l'inflation galopante; deux pays amputés à la recherche d'une nouvelle place dans le monde (M., 14.11.01). Порой Россию Ельцина сравнивают с Веймарской республикой. В основе обоих режимов лежат неудачи, слабая экономика, резкая инфляция. Обе изуродованные страны ищут свое место в мире.

В дискурсе масс-медиа Франции движение России Путина вперёд обладает такой характеристикой, как прямолинейность, которая в отличие от других видов движения (по окружности, по кривой) подчеркивает необратимость, линейность, прогрессивность движения. Ср.:

La ligne "pro-occidentale" russe suscite les réticences de l'armée (M., 23.11.01). Прозападная политическая линия России вызывает недовольство армии.

C'est la menace qui pèse sur Poutine, un soulèvement de l'appareil contre le président et sa nouvelle ligne politique, une révolte orchestrée par des cercles haut placés dans la hiérarchie, qui acceptent mal le tournant (M., 01.12.01). Угроза нависла над Путиным – аппарат может подняться против президента и его новой политической линии, высокопоставленные лица, не приняв этого поворота, могут организовать бунт.

Aujourd'hui, l'alignement radical du Kremlin sur la campagne militaire dirigée par les Etats-Unis n'est pas du goût de tous (L., 13.04.02). Сегодня радикальное равнение Кремля на военную кампанию США по вкусу далеко не всем.

Таким образом, благодаря сенсомоторному опыту, лежащему в основе метафор движения, в концептуальной картине мира адресата создается образ В. Путина – гаранта движения, ведущего Россию вперёд.

Слот 3.2. Déplacement dans l'axe «à droite – à gauche» – Перемещение по оси «вправо - влево»

Французские средства массовой информации активно обсуждают сближение России и Европы (США). Анализ метафорических словоупотреблений позволяет сделать вывод о том, что это движение осуществляется не хаотично. В результате тщательного (хотя чаще всего и неосознанного) отбора французским адресантом ориентационных метафор в концептуальной картине мира адресата «вырисовывается» определённая траектория сближения: активной стороной выступает Россия. Сделав поворот (*tournant, virage*), она приближается (*rapprochement* (сближение), *glisser* (скользить), *avancement* (движение вперёд), *se modeler* (ориентироваться), *se ranger* (принимать сторону)) к Европе (США), которые остаются пассивными, статичными в данной ситуации. Ср.:

Le tournant occidental de Vladimir Poutine Прозападный поворот Владимира (М., 14.11.01). *Путина.*

La Russie s'est rangée aux côtés des Etats-Unis pour participer à la lutte contre le "terrorisme". L'Ouest échaudé ne sait plus trop qu'en penser. Amorcé depuis longtemps, le virage a été pris, ostensiblement, le 11 septembre. (Н., 01.12.02) *Россия приняла сторону США в борьбе против «терроризма». Ошеломлённый Запад не знает, что и подумать. Намечавшийся уже давно поворот (досл. вираж) произошел 11 сентября.*

Vladimir Poutine échappera-t-il au sort d'un Gorbatchev, autre artisan d'un rapprochement radical avec l'Ouest, qui écrivait, dans l'un de ses livres de mémoires, qu'en Russie "il n'y a pas de réformateurs heureux"? (М., 25.09.03) *Избежит ли Путин участи Горбачева, также сподвижника радикального сближения с Западом, который писал в своих мемуарах, что в России «не бывает удачливых реформаторов».*

Для усиления визуального образа французские газеты используют в качестве сферы-источника метафорической экспансии слова и словосочетания из области мореплавания. Европа, занимая центральное место в ментальном пространстве француза (европейца), являет собой непоколебимый никакими ветрами корабль, за которым тащится (*être à la remorque*), цепляется (*accrocher, arrimer*), возле корого бросает якорь (*marquer son ancrage*) Россия. Данные

метафорические наименования создают уничижительную коннотацию иронии путём сопоставления противоположных друг другу понятий. Россия с богатыми природными и интеллектуальными ресурсами, до недавнего времени обладавшая статусом супердержавы, в ментальном пространстве французского реципиента не имеет своего пути, более того, своего места в мире. Ср.:

M. Poutine s'attache-t-il à effacer l'impression donnée d'un pays à la remorque des Occidentaux, d'une Russie placée en position de quémandeur, alors qu'elle aurait déjà beaucoup consenti (М., 23.11.01). *Сможет ли Путин стереть образ России, которая тащится в хвосте Европы, образ России-попрошайки, несмотря на те уступки, которые она уже сделала.*

La Russie cherche à se positionner dans le "grand jeu" autour de l'Afghanistan (М., 28.11.01). *Россия пытается занять своё место в «большой игре» вокруг Афганистана.*

Il n'est pas sûr que l'Allemagne dispose des moyens requis pour mener cette stratégie d'arrimage de la Russie à l'Europe (М., 05.12.01). *Неясно, обладает ли Германия средствами, необходимыми для ведения стратегии интеграции (досл. укладка и крепление грузов) России в Европу.*

Vladimir Poutine entend marquer son ancrage dans une Europe unie et pacifiée» (Н., 22.03.02) *В. Путин намеревается бросить якорь в единой мирной Европе.*

Слот 3.3. Vitesse du déplacement – Скорость перемещения

Всеми французскими газетами единогласно отмечаются незначительные изменения, произошедшие во всех областях российской жизни за время пребывания у власти В. Путина. Используемые в дискурсе масс-медиа Франции метафорические выражения заимствуются из различных исходных понятийных сфер, общим компонентом которых является передаваемая ими сема «медленности». Ср.:

Le climat a imperceptiblement changé. Par petites touches se redessinent les contours du personnage officiellement le plus puissant de Russie, V. Poutine» (М., 30.12.00). *Климат в стране незаметно сменился. Потихоньку проступают очертания официально самой могущественной фигуры России - Владимира Путина.*

Des experts critiquent l'immobilisme des Эксперты критикуют отсутствие у *autorités russe en matière de réformes» (L.,* российской власти реформаторского *15.02.01).* духа (досл. безынициативность, неподвижность власти).

La Russie reste empêtrée dans l'impasse Россия увязла в чеченском тупике. *tchéchéne (H., 11.02.03).*

Толковый словарь французского языка Le Nouveau Petit Robert (2003) даёт такое определение выделенных слов:

Immobilisme – Disposition à se satisfaire de l'état présent des choses, à **refuser le mouvement ou le progrès;**

Imperceptiblement (de imperceptible) – Qu'il est **impossible de percevoir** par les seuls organes des sens;

Empêtré (de empêtrer) – Entraver, engager (généralt les pieds, les jambes) dans des liens, dans qqch. qui **retient** ou **embarrasse**.

Метафорическая модель **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ ЛОКУС** отражает глубинную способность человеческого мозга, опираясь на физический опыт, организовывать одно абстрактное понятие (Россия в данном случае) по образцу иного, конкретного понятия. Соответствующие данной модели метафоры репрезентируют изменения в различных областях российской жизни, используя полярные по эмотивной нагруженности смыслы.

Центром метафорической модели (основываясь на её «полевой организации» (Чудинов, 2001, 2003а)) являются метафорические словоупотребления, связанные с переосмыслением изменения положения России в пространстве. Ориентационные метафоры, эксплуатируемые французскими газетами, обращаются к прочно закреплённым в когнитивных структурах мозга человека представлениям о том, что движение вверх и вперёд сопряжено с достижением, прогрессом, развитием и, следовательно, оценивается положительно.

Метафорическое переосмысление вертикального измерения России, конечной цели и скорости движения нашей страны обладает отрицательными коннотациями, связанными с представлениями об усилении государственной власти в ущерб «человеческому фактору», с представлениями о слабой скорости изменений в российской жизни и с отсутствием у России своей «национальной» позиции.

Разнородность прагматических смыслов, формируемых этой метафорической моделью, отражает двойственное отношение французов к политическому курсу В. Путина. Один из основоположников политологии удачно использовал пространственную метафору при характеристике взаимоотношений политического лидера и возглавляемого им государства: «Подобно тому, как кормчий постоянно блюдет пользу судна и моряков, подчиняясь не писаным установлениям, но искусству, которое для него закон, и так сохраняет жизнь товарищам по плаванию, точно таким же образом заботами умелых правителей соблюдается правильный государственный строй, потому что сила искусства ставится выше законов» (Платон 1998: 345). Однако у французских журналистов, как и у Платона, остаются сомнения по поводу благородства кормчего. В конце концов, кормчие, случается, делают то, что неприемлемо для политического деятеля. Потерпев крушение в море, они выбрасывают людей за борт и строят другие козни.

1.3. Метафоризация войны в Чечне

Исследователи доказали, что, пытаясь разобраться в межнациональных конфликтах, обычный человек обращается в первую очередь к средствам массовой информации, посредством которых профессиональные политики или журналисты представляют картину событий (Гаврилова, 2002; Гришаева, 2002; Чудинов, 2003). Зачастую простые люди выступают «пассивными» реципиентами, так как не имеют знаний или убеждений, чтобы оспаривать информацию, которую им предоставляют «доминирующие группы» (Гаврилова

2002: 13). Однако, освещая какой-либо конфликт, даже «независимые» СМИ дают слово только одному участнику и фактически играют на его стороне, создавая одностороннюю перспективу. В частности, этот прием используется при освещении военных действий (Энциклопедия методов пропаганды // <http://psyfactor.org/propaganda.htm>).

Об изменении отношения французских СМИ к России можно судить при сопоставлении двух войн: войны в Чечне и войны в Ираке. По вопросу войны в Ираке французы считают Россию своей союзницей, включая её в свою коалицию (следовательно, в «своё» пространство). Ср.:

Surtout, Paris et Berlin ont reçu le soutien de la Russie, que les Etats-Unis espéraient neutraliser par des promesses sur la préservation de ses intérêts pétroliers en Irak (Н., 11.02.03). *Франции и Германии удалось заручиться поддержкой России, которую США надеялись нейтрализовать, пообещав ей нефтяные интересы в Ираке.*

La France, l'Allemagne et la Russie étaient hostiles à cette guerre en Iraq (М., 23.05.03). *Франция, Германия и Россия выступали против этой войны в Ираке.*

При оценке места и роли России в чеченском конфликте тональность французских газет кардинально меняется. Чтобы достичь определённого воздействия на адресата, французская пресса использует всевозможные средства (как вербальные, так и невербальные) для пристрастного освещения событий в Чечне: зверства российских войск (убийства, пытки, насилие, грабежи, мародёрства, массовые бойни), нарушения прав человека, нарушение норм международного гуманитарного права. Действия России в Чечне однозначно оцениваются как репрессии, бесчинства, резня. Ср.:

Cette terre de mort et de misère qu'est devenue la malheureuse petite République de Caucase (Н., 26.01.01). *Несчастливая маленькая кавказская республика стала землёй смерти и нищеты.*

En Tchétchénie une action de nettoyage ethnique est en cours, et personne n'y trouve à redire. (Н., 28.11.01) *В Чечне проводится этническая чистка, и нет никого, кто бы сказал об этом вслух.*

La guerre menée en Tchétchénie était toujours aussi nauséabonde, ignoble souvent - et cette guerre continue (M., 01.12.01). *Война в Чечне, тошнотворная и отвратительная, продолжается и сегодня.*

Ce qui se produit en Tchétchénie est une tentative de réduire un peuple à néant. (L., 01.12.03). *То что происходит в Чечне – это попытка свергнуть в небытие целый народ.*

Война России против сепаратистской Чечни оценивается французскими СМИ как жестокая (*cruelle, barbare, sauvage*), безжалостная (*impitoyable, inhumaine*), захватническая (*coloniale*), кровопролитная (*sanguinaire*), виртуальная (*virtuelle*). Значительна по объёму группа оценок, связанных с понятиями «чистая/грязная», «открытая/закрытая» война. Ср.:

A partir de l'exemple tchétchène, une analyse des guerres contemporaines. Le Tchétchénie. «Чистка» грязью. «nettoyage» par la souillure (L., 16.03.00).

Le gouvernement russe poursuit une guerre cruelle et sans règles dont pâtit la population civile (M., 22.01.01). *Российское правительство ведёт жестокую войну без правил, от которой страдает, в первую очередь, гражданское население.*

Guerre virtuelle, invisible pour le Russe moyen. (H., 01.12.02) *Это виртуальная война, невидимая для среднего россиянина.*

Moscou n'était pas mécontent, en écartant les humanitaires de Tchétchénie, les témoins de la sale guerre disparaissaient (L., 16.06.04). *Москва была довольна, не пуская гуманитарную помощь в Чечню, – свидетели грязной войны исчезали.*

На страницах современных французских газет для оценки боевых действий России в Чечне журналистами используются как прямые номинации, так и метафорическая аргументация. Концептуальная метафора даёт дополнительную информацию по сравнению с прямым наименованием, поскольку содержит дополнительные имплицитные значения, которые можно определить как «смысловые компоненты высказывания, не получившие в данном

высказывании специального формального выражения, но присутствующие в его смысловой структуре» (Змеёва 1988: 13).

Тематика рассматриваемых газетных текстов (локальный вооружённый конфликт в Чечне) обусловила своеобразие состава метафорических словосочетаний: в них полностью отсутствуют наиболее характерные и частотные в современной газете метафорические парафразы с опорными словами, принадлежащими военной лексике: армия, сражение, убитые, солдаты... Эта лексика составляет основу военных публикаций в своих номинативных значениях, поэтому, естественно, не употребляется в метафорических контекстах. Выделяются свои, особые тематические ряды лексики, вовлекаемой в круг метафорического употребления.

Непонимание, недоверие, осуждение вмешательства России во внутренние дела Чеченской республики выражается путем использования французскими СМИ **МЕТАФОРЫ МЕХАНИЗМА, МОРБИАЛЬНОЙ, ТЕАТРАЛЬНОЙ и ФИТОМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ**. Являясь наиболее продуктивными и распространёнными в дискурсе масс-медиа Франции при характеристике действий России в ходе чеченской операции, они категоризируют действительность, объединяясь в модели **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МЕХАНИЗМ; ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это ТЕАТР; ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это БОЛЕЗНЬ; ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МИР РАСТЕНИЙ**. Соотношение метафорических моделей отражает следующая диаграмма (рис. 7).

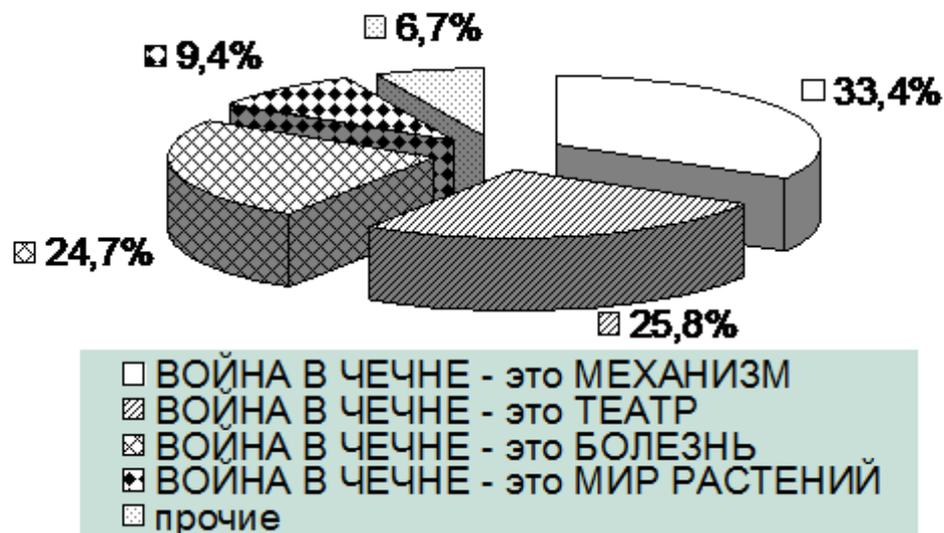

Рис. 7

Морбиальная, театральная и фитоморфная метафора, используемые в современных французских газетных текстах для осмысления войны в Чечне, носят универсальный, интернациональный характер. Многочисленные исследования подтверждают совпадение прагматического потенциала денотативной области сферы-источника метафорической экспансии, общность категоризации сферы искусства, театра, болезни, природы в различных языковых картинах мира (Т. С. Вершинина, О. П. Ермакова, А. А. Каслова, Е. В. Колотнина, Н. А. Кузьмина, А. Б. Ряпосова, Н. А. Санцевич, Ю. Б. Феденёва, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелёва и др.).

Метафорическая модель, актуализирующая смыслы, связанные со сферой-источником «театр», акцентирует внимание французского адресата на внешней моделируемости происходящих событий в Чечне, где по заранее написанному сценарию разыгрывается трагедия, за которой мировое сообщество вынуждено наблюдать, довольствуясь ролью зрителя. Ср.:

*Les exactions ce sont des **spectacles** qui ne Penreccии в Чечне – это спектакли, sont offerts ni aux télévisions étrangères ni которые не показывают ни по aux délégués d’organisations internationales телевидению за рубежом, ни admis en Tchétchénie sous escorte militaire международным организациям, russe (M., 03.02.01). допускаемым в Чечню под военной*

охраной.

Fin du premier acte de la tragédie Tchétchène (Н., 28.10.02). *Конец первого акта чеченской трагедии.*

Tchéchénie : le colonel Boudanov condamné à la prison. La farce terminée (М., 27.07.03). *Чечня: полковник Буданов приговорён к заключению. Фарс завершился.*

Современное представление «общество – живой организм», «страна – живой организм» (Ю. Д. Апресян, О. П. Ермакова, Т. Г. Скребцова, Е. А. Урысон, А. П. Чудинов) обуславливает существование в наивной картине мира метафоры болезни, денотативная область функционирования которой охватывает все стороны жизнедеятельности общества.

В соответствии с семантикой сферы-источника метафорической экспансии война в Чечне осмысливается во французской периодической печати как болезнь, от которой страдает как весь организм в целом (Россия), так и её части (Чечня). Ср.:

Une guerre coloniale qui gangrène la Russie et nourrit ses éléments les plus rétrogrades» (М., 23.03.01). *Колониальная война, которая поражает гангреной Россию и питает её самые отсталые элементы.*

Rafles, tortures, disparitions: la petite république du Caucase continue de souffrir (М., 01.12.01). *Облавы, пытки, похищения: маленькая кавказская республика продолжает страдать.*

Россия, по мнению французских СМИ, не в состоянии излечиться сама и нуждается в помощи со стороны. Роль доктора готово на себя взять мировое сообщество. Ср.:

En Tchétchénie l'ONU doit jouer le rôle de thérapeute, qui soigne la maladie et non son symptôme qui continue à progresser (М., 06.04.01). *В Чечне ООН должна играть роль терапевта, который лечит саму болезнь, а не её всё увеличивающиеся симптомы.*

В рамках метафорической модели **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МИР РАСТЕНИЙ**, несмотря на отсутствие в ней «изначальных векторов тревожности и агрессивности» (Чудинов 2001: 147), в дискурсе масс-медиа

Франции востребованными оказались прежде всего метафоры, характеризующие военные действия России в Чечне как природное бедствие. Коннотативную нагрузку фитиморфные метафоры получают за счет контекстологического окружения. Ср.:

Un climat d'impunité a été créé en Tchétchénie В Чечне царит климат беззакония.
Tchétchénie (М., 05.02.01).

Vladimir Poutine dans le bourbier Владимир Путин в чеченской трясине.
tchétchène (Н., 26.10.02).

Les Russes sont semeurs de mort et de terreur en Tchétchénie» Русские сеют смерть и ужас в Чечне.
terreur en Tchétchénie» (М., 03.02.02).

Указанные метафорические модели обладают агрессивным прагматическим потенциалом и объединяются единым концептуальным вектором, выражающим неискренность, искусственность, безысходность, отклонение от естественного порядка вещей. Анализ этих моделей позволяет сделать вывод об укреплении в сознании адресата-читателя устойчивого комплекса сведений об агрессивности России, что приводит к формированию в восприятии французского социума негативного имиджа нашей страны, образа врага, образа чужого.

В рамках данной работы мы ограничимся рассмотрением наиболее типичной для французской прессы метафорической модели **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МЕХАНИЗМ** (Гак, Григорьев 1997: 163). Представленная модель насчитывает 265 метафорических словоупотреблений во французских газетных текстах.

Использование метафор с исходной семантической сферой «механизм» для категоризации внеязыковой действительности связано, во-первых, с растущей «пронизанностью» всех сфер жизни современного общества информационными системами и технологиями, с выстраиванием «технологической цивилизации» (Barber 1998-99: 573). Во-вторых, метафора механизма помогает описывать структурированность отношений между ясно очерченными частями целого, имеющими определённый порядок.

1.Фрейм: «Création du mécanisme» – «Создание механизма»

Французские газеты способствуют созданию в ментальном пространстве читателя-адресата образа российского государства как огромного механизма, состоящего из более мелких механизмов (сельского хозяйства, армии, народа). По мере необходимости все эти механизмы приводятся в движение, активируются главой государства В. Путиным. Ср.:

Russie: le rouleau compresseur du pouvoir Россия: каток власти.
(Н., 01.02.00).

Le communiste Guennadi Ziouganov ne passe pas la barre des 30 % et le « libéral » Grigori Iavlinski est laminé (М., 28.03.00). Коммунист Геннадий Зюганов не набрал и 30% голосов, а либерал Григорий Явлинский полностью раздавлен (досл. прокатывать, вальцевать, плющить).

Comment fonctionne la Russie? (М., 02.12.03). Как функционирует Россия?.

Russie : Poutine verrouille l'élection présidentielle (М., 03.01.04). Путин держит под контролем (досл. запирать, держать под замком) президентские выборы.

Прагматизм привлечения технических терминов для описания общественно-политической жизни России заключается в том, что концептуально они ассоциируются с пассивным, неодушевлённым, а значит, подчинённым, подконтрольным началом, так как механизм, устройство не может самостоятельно действовать, решение принимает управляющий им оператор. Использование подобных метафорических номинаций свидетельствует о полном овеществлении области метафорического притяжения.

Все французские СМИ сходятся в оценке, что авторитет и рейтинг Путина взлетели в России из-за войны в Чечне. Французский адресант отбирает среди множества возможных и существенных признаков именно те, которые, минимизируя объём описательных средств, способны обеспечить максимально четкое и точное в прагматическом отношении представление о явлении. Механистическая метафора, таким образом, подчеркивает искусственный,

надуманный характер войны, продолжаемой для того, чтобы поддерживать высокий уровень популярности президента. Ср.:

Le déclenchement de cette guerre a permis Развязывание (досл. пуск в ход, à un inconnu de devenir président de la приведение в действие) этой войны Russie (Н., 25.10.02). *позволило неизвестному стать президентом России.*

Vladimir Poutine n'a pas dit un mot, По поводу войны в Чечне, развязанной publiquement, à Paris, sur la guerre en (досл. спущенную с цепи) три с половиной Tchétchénie, déchaînée depuis trois ans et года назад, Путин не сказал ни слова. demi (М., 12.02.03).

Проектирование и создание механизмов нуждается в инструментах: одним из таких инструментов в руках властимущих служит чеченская кампания. Ср.:

*La guerre en Tchétchénie, menée tambour Путин приложил немало усилий для battant par Poutine - qui en use comme de продолжения войны в Чечне, которой он son unique **instrument** pour affirmer son пользуется как единственным autorité (Н., 01.02.00).* *инструментом для утверждения своей власти.*

*Le Terek Grozny est l'un des rares Футбольный клуб «Терек» Грозный – **instruments** de propagande utilisés par один из немногих инструментов Vladimir Poutine dans sa stratégie de пропаганды, используемой Путиным с reconquête de la Tchétchénie (L., 28.09.04). целью завоевать Чечню.*

В газетных текстах встречается метафорическое наименование *instrumentalisé*, представляющее собой неологизм, образованный от существительного *instrument* (инструмент, орудие, прибор, аппарат). Контекстологические средства позволяют актуализировать следующие внутренние смыслы данной метафоры «подстроенный, устроенный, организованный» Ср.:

*La guerre en Tchétchénie, **instrumentalisée** Война в Чечне, спланированная властью par le pouvoir à Moscou, a complètement Москвы, полностью нарушила все faussé les règles démocratiques» (М., демократические правила.*

28.03.00).

Tchéchénie: Un conflit " instrumentalisé " Чечня: конфликт, подстроенный
par Poutine (Н., 25.10.02). *Путиным.*

Данный фрейм характеризуется негативным прагматическим потенциалом, поскольку в сознании человека создание какого-либо устройства (инструмента) связано, в первую очередь, с его утилитарностью, полезностью. «Сфабрикованная» война в Чечне такими качествами не обладает.

2.Фрейм: «Espèces de mécanismes» – «Виды механизмов»

Слот 2.1. Mécanisme (sans concrétisation) – Механизм (без конкретизации)

Во французских периодических изданиях война в Чечне метафорически предстаёт как огромное устройство, механизм, запущенный в действие российской властью. Ср.:

Tchéchénie: la machine infernale s'emballe Чечня: адская машина понеслась.
(Н., 07.10.99).

Les chefs d'Etat et de gouvernement réunis На саммите, проходящем в четверг и
jeudi et vendredi à Istanbul veulent пятницу в Стамбуле, главы государств и
convaincre Boris Eltsine de stopper правительств попытаются убедить
l'escalade militaire en Tchétchénie (М., Бориса Ельцина остановить военное
19.11.99). *обострение в Чечне.*

Depuis la fin de la guerre de 1994-1996, les После окончания войны 1994-1996 гг.
infrastructures en Tchétchénie n'ont presque инфраструктура Чечни практически не
pas été réparées (Н., 03.01.00). *была отлажена (досл.
отремонтирована).*

Типичные прагматические смыслы метафор данной группы – невозможность остановить либо исправить что-то в заработавшем механизме.

Слот 2.2. Partie du mécanisme – Часть механизма

В соответствии с данным вариантом модели война в Чечне образно представляется французскими журналистами как часть отдельного механизма, отлаженной государственной машины. Ср.:

La guerre a été lancée pour permettre au Война была начата, чтобы принести

candidat du président sortant Boris Eltsine огромную популярность кандидату *d'obtenir une forte cote de popularité. La* уходящего президента Бориса Ельцина. *guerre de Tchétchénie a fait partie* du Война в Чечне constitue une partie *dispositif* de la campagne électorale (H., избирательной машины. 25.10.02).

Ряд концептуальных метафор внедряет в сознание французского народа мысль о незначительности чеченского конфликта для российских политиков. Внимание адресата акцентируется на легкости, бездушности, с которой российские политики манипулируют ситуацией в Чечне, при помощи метафор, обозначающих в соответствии с тематикой источниковой сферы, такие технические термины как *колесо (rouage)*, *деталь (détail)*, *закрутить гайку (serrer une vis)*, *рычаг (levier)*, *пружина (ressort)* и создающих в концептуальной картине мира реципиента метафорическое представление о войне в Чечне как о винтике в государственной машине. Ср.:

Une guerre oubliée, un huis clos lointain... Забытая война, скрытая за семью *La Tchétchénie passe pour un détail...* Une печатями... Проблемы Чечни кажутся *cruauté de l'histoire?* (M., 08.02.03). *такими незначительными (досл. деталь).*

Что это - жестокая ошибка истории?

Tchétchénie: les rouages bien huilés de la Чечня: *отлаженный (досл. смазанный)* *machine Poutine* (L., 15.03.04). механизм *избирательной машины* *Путин набирает обороты.*

Метафорическое использование лексем, заимствованных из сферы «запчасти механизма» обеспечивает ментальную репрезентацию области-мишени в виде однозначно отрицательного образа. Война в урегулировании чеченского конфликта метафорически переосмысливается как функционально необходимая, так как без этой запчасти государственный аппарат перестаёт работать.

3.Фрейм: «Mise en place du mécanisme» – «Управление механизмом»

Процесс вербализации новых концептуальных метафор осуществляется на базе предварительного обнаружения (реального или кажущегося) сходства между механистическим восприятием войны и уже имеющейся в памяти

реципиента типовой структурой исходной понятийной сферы. Война в Чечне, метафорически представленная во французских газетах как механизм, в соответствии со структурой сферы-источника подлежит управлению, введению в эксплуатацию. Ср.:

Le président Poutine va devoir " réorienter toute sa stratégie " vis-à-vis du Caucase, selon Nezavissimaïa Gazeta, qui regrette que la Tchétchénie " ait été activement exploitée pour régler les problèmes du pouvoir " (Н., 26.10.02). Президент Путин должен «изменить свою стратегию» по отношению к Кавказу. «Независимая газета» с сожалением отмечает, что Чечня «активно **используется** для урегулирования проблем власти».

Les autorités moscovites ont enclenché de nouvelles opérations contre les camps de réfugiés tchétchènes en Ingouchie, resserrent encore l'étau qui broie Groznyï et affichent l'intention de mettre au pas la presse qui s'inquiète de l'enlissement dans le Caucase (Н., 28.10.02). Московские власти развязали (досл. пустили в ход, включили) новую операцию против лагерей чеченских беженцев в Ингушетии, сжимают Грозный в разрушительных тисках, намереваются обуздать прессу, выражающую беспокойство о затягивании конфликта на Кавказе.

В концептуальной картине мира французского адресата активным началом, агентом действия выступает Россия, вносящая определённые изменения в объект (предмет) действия, каковым является Чечня. Ср.:

Pressions russes sur les réfugiés tchétchènes (L., 06.06.02). Россия оказывает давление на чеченских беженцев.

Tchétchénie: contact avec le Kremlin (L., 28.09.01). Чечня: связь (досл. контакт) с Кремлём.

La guerre en Tchétchénie hante chaque jour la société russe; elle véhicule désormais ses fantômes, ses saints et ses héros (М., 06.09.04). Ежедневно чеченская война преследует российское общество; отныне она транспортирует своих призраков, святых, героев.

Данный фрейм, как и метафорическая модель в целом, подчеркивает функциональный, искусственный, спланированный «сверху», «бездушный» характер войны в Чечне. Другие характеристики при этом оказываются

не востребуемыми. Вне поля зрения остаются такие потенциальные фреймы, как «Поломка механизма», «Ремонт». При описании анализируемой сферы-источника метафорической экспансии они не имеют актуальности, акцентируя внимание тем самым, что хорошо отлаженный механизм войны работает без сбоев.

Вместе с тем, механистическая трактовка войны в Чечне снимает вопрос о законности, справедливости этой войны, так как денотативная сфера понятия «механизм» распространяется на неодушевленные предметы, к которым неприменимы понятия морали и этики. Тем самым средства массовой информации формируют во французском социуме мысль об отсутствии над российским государством какого-либо морального авторитета, который говорил бы, как вести себя на международной арене, не доводя дело до межнациональных конфликтов.

В целом, метафоры **МЕХАНИЗМА**, эксплуатируемые французскими СМИ, укрепляют в сознании франкоговорящего реципиента стереотип об агрессивности России, варварскими методами добивающейся своих целей. Таким образом, отбор языковых средств, осуществляемый адресантом, предопределяя концептуализацию внеязыковой действительности у адресата-читателя, формирует во французском (и шире в европейском) социуме настороженное отношение к нашей стране.

Анализ наиболее продуктивных и распространенных во французском дискурсе масс-медиа метафорических моделей, денотативная сфера которых охватывает разнообразные стороны внутренней политики России, позволяет обнаружить востребованность отдельных областей-источников метафорической экспансии. Во французских газетах при характеристике внутренней политики России целостное, детально-структурированное образование представляют собой следующие метафорические модели:

1. **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ;**
2. **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА;**
3. **СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ ЛОКУС;**

4. **ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МЕХАНИЗМ.**

Большинство концептуальных метафор, входящих в проанализированные модели, являются коннотативно нагруженными и актуализируют негативные ассоциативные смыслы. Положительный прагматический потенциал содержится лишь в отдельных фреймах или слотах вышеуказанных моделей, имеет скорее ситуативный характер и не оказывает существенного влияния на в целом отрицательное восприятие внутривнутриполитических событий в нашей стране.

§2. Внешняя политика России: смена метафорической парадигмы

Неотъемлемую часть образа России на страницах французских СМИ составляет внешнеполитическая позиция нашей страны. Зачастую зарубежные журналисты рассматривают происходящие внутривнутриполитические события как обстоятельства, формирующие внешнюю политику нашего государства. Однако акцентируют внимание французские газеты прежде всего на месте России в системе международных отношений, на тех российских геополитических приоритетах, которые представляют интерес, в первую очередь, для Европы: развитие отношений, с одной стороны, между Россией и США, с другой стороны, между Россией и Европой.

Т. Г. Скребцова, изучая метафоры современного российского внешнеполитического дискурса, отводит ведущую роль метафоре «Государство-как-человек» (2002). Использование во французском дискурсе масс-медиа концептуальных метафор, восходящих к единой метафорической модели **РОССИЯ – это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ**, вносит свои коррективы в оценку внешнеполитической стратегии нашей страны.

Присущее человеку антропоморфное виденье мира объясняет факт концептуального представления о государстве как о живом существе, обладающем свойствами и характеристиками, чувствами и мышлением человека. Как писал в свое время О. Шпенглер, каждое государство «проходит

через все возрастные стадии отдельного человека. Каждое имеет своё детство, свою юность, свою зрелость и свою старость» (Шпенглер 2000: 144). Рассматриваемые в данном исследовании метафоры представляют нашу страну как вполне взрослого, уверенного в себе человека, у которого, однако, есть множество проблем. Ср.:

La Russie a un pied en Europe, un pied en Amérique et enjambe l'Asie (H., 16.08.99). *Россия стоит одной ногой в Европе, другой в Америке и перешагивает через Азию.*

Une Russie est déjà au bord de la tombe (M., 08.04.00). *Россия уже на краю могилы.*

Le retour de la Russie dans le club des grands exportateurs d'armes dans le monde (M., 05.02.01). *Возращение России в клуб мировых экспортёров оружия.*

La Russie s'enorgueillissait d'une stabilité politique sans précédent (M., 28.07.03). *Россия гордится невиданной политической стабильностью.*

La Russie, trop longtemps humiliée depuis la fin de l'URSS, s'est enfin bien défendue sur la scène internationale (M., 09.12.03). *Униженная с момента развала СССР, Россия сумела, наконец, защитить себя на международной арене.*

La Russie tenaillée par des problèmes» (L., 09.02.04). *Россия, терзаемая проблемами.*

Рассматривая отношения между странами сквозь призму данной метафорической модели, французские СМИ, тем самым, невольно задают общую установку «повествования» о позиции России на международной арене. Персонификация России обуславливает особую категоризацию данного фрагмента действительности. Носителями французского языка отношения между странами воспринимаются как отношения между людьми. У России оказываются свои друзья и враги, с которыми она мирится, ссорится, кокетничает, торгуется, ведёт свою игру. Ср.:

L'OPEP a décidé qu'elle ne pouvait pas accepter cette nouvelle érosion et "la Russie a été désignée comme le principal coupable" (L., 09.02.04). *ОПЕК решил, что не сможет перенести нового падения цен. Среди стран не членов картеля «Россия была названа*

parmi les pays non membres. Le cartel n'a en effet pas pardonné à la Russie d'avoir promis d'abaisser sa production, avant en fait de l'augmenter (M., 16.11.01).

главной виновницей». Картель так и не простил России, что она увеличила производство нефти, пообещав до этого его уменьшить.

Et les analystes expliquent que la Russie a davantage intérêt à jouer le volume des ventes, plutôt que le contrôle des prix (L., 23.11.02).

Аналитики объясняют, что России интереснее сыграть на объёме продаж, чем контролировать цены на нефть.

При метафорическом переосмыслении лексика, обозначающая физиологию человека, характеризует особенности взаимодействия государств: к деятельности общественных образований, как и к деятельности человека, оказываются применимы такие нравственные ценности, как мораль, совесть, этика. Таким образом, в сознании французского адресата-читателя нравственная оценка становится регулятором и ориентиром в действиях государств.

К взаимоотношениям России и Америки, России и Европы французские средства массовой информации постоянно применяют концептуальную метафору внутрисемейных, дружественных отношений, что, по мнению А. П. Чудинова, низводит общепризнанные в цивилизованном мире принципы, законы межгосударственных отношений (невмешательство во внутренние дела, выполнение решений международных организаций, уважение прав человека и др.) до традиционных представлений о том, как должны поступать родственники (друзья) в тех или иных ситуациях (Чудинов 2003а: 209).

Метафорические модели **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ** (данная модель включает 269 метафорических наименований) и **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** (модель насчитывает 220 метафорических словоупотреблений) восходят к единой объединяющей их модели **ГОСУДАРСТВО (СТРАНА) – это ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ**. Однако детальная структурированность и продуктивность этих моделей в дискурсе масс-медиа Франции позволяет

рассматривать их в качестве самостоятельных образований, обладающих собственной фреймовой структурой.

2.1. Метафорическая интерпретация политических взаимоотношений России и США

Взаимоотношения России и Америки всегда были в центре внимания французской прессы, поскольку напряжённость ситуации между двумя странами даёт достаточно оснований для экспрессивности и оценки. Приход к власти В. Путина изменил «политическую ориентацию» России, её роль на международной арене и, как следствие, привёл к смене метафорической парадигмы. Доминирующая последние десятилетия категориальная сетка, в рамках которой отношения США и России метафорически переосмысливались в терминах войны, начинает разрушаться. Милитарная метафора (au stade actuel de la guerre froide [на данном этапе холодной войны], un retour à la guerre froide [возвращение к холодной войне], les militaires russes, vaincus de la guerre froide [российские военные, побеждённые в холодной войне]), анализируемая в рамках метафорической модели **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это ВОЙНА**, используется на страницах французских газет скорее для характеристики прошлого, нежели настоящего в отношениях России и Америки. Ср.:

Pour l'administration américaine, tourner la page de la guerre froide signifie aussi que le temps de la relation particulière entre les "deux grands", fondée sur leur capacité militaire, est révolu. (M., 14.11.01) Для американской администрации перевернуть страницу холодной войны означает, что прошли времена, когда отношения между двумя державами строились на их военном потенциале.

Ce traité liquidera l'héritage de la guerre froide (M., 14.05.02) Этот договор покончит с наследием холодной войны.

La «guerre froide» américano-soviétique est oubliée (L., 15.01.04). Американо-советская «холодная война» забыта.

Les Etats-Unis avaient réussi à se doter После окончания холодной войны США

d'une nouvelle stratégie après la fin de la guerre froide (L., 30.10.04) удалось разработать новую стратегию.

Более того, в современных французских газетных текстах военная метафора, употребляясь в контексте с игровой метафорой, теряет собственно милитарное значение, эксплицирующее сему «враждебности и агрессии», усиливающее конформационные смыслы. Ср.:

La Russie rejoue la guerre froide (Н., Россия вновь играет в холодную войну. 02.12.00).

Washington et Moscou rejouent à la guerre froide (L., 17.03.01). Вашингтон и Москва решили вновь поиграть в холодную войну.

Разрушив старую категориальную сетку, концептуальная метафора создаёт новую, коренным образом меняющую стандартное представление о сдержанности, напряженности и враждебности в отношениях между двумя странами. Таким образом, милитарная метафора уступает место метафоре супружеских отношений. Перестав бороться друг с другом, Россия и США стали активно налаживать «семейные» отношения. Во французском дискурсе масс-медиа метафорическая модель **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** обладает следующей фреймово-слотовой структурой.

1.Фрейм: «Période prénuptiale» – «Предсвадебный период»

Вступлению в брак и началу совместной жизни, как этапу в отношениях между мужчиной и женщиной, порождающему их права и обязанности друг к другу, как правило, предшествует период знакомства, ухаживания, налаживания отношений. Однако в концептуальной картине мира, создаваемой французскими периодическими изданиями, в отношениях между Россией и США отсутствует первоначальный этап знакомства, что, на наш взгляд, связано с тем фактом, что контакты между двумя странами в той или иной форме существуют уже длительное время, поэтому нет необходимости представлять их друг другу.

Слот 1.1. Rôles sociaux – Социальные роли

Активным началом, «женихом» выступает Америка (Буш), дающая щедрые посулы, соблазняющая и заманивающая «невесту» Россию (Путина). Данный слот активизирует в сознании адресата представления о сильном, подчиняющем мужском начале (Америка) и слабом женском (Россия). Ср.:

Le point de départ semble être que la Russie, affaiblie, ne doit pas être traitée vraiment d'égal à égal, comme l'était l'URSS, et qu'il n'est donc pas question de lui demander son assentiment pour des décisions qui sont dans l'intérêt supérieur de l'Amérique, et seront prises en tout état de cause (H., 17.07.02). За точку отчета берется тот факт, что с ослабленной Россией, в отличие от СССР, обращаются как с неравной, Америка не будет спрашивать у нее согласия для принятия тех или иных решений, они будут приняты в любом случае.

Les messages de sympathie à Vladimir Poutine de Colin Powell (M., 30.12.02). Проявление доброжелательного отношения (досл. симпатии) к Владимиру Путину со стороны госсекретаря США Колина Пауэла.

Courtisé par Paris et Washington, Vladimir Poutine se réserve le choix ultime de son camp (M., 25.02.03) Обольщённый Францией и США, В. Путин оставляет за собой право выбирать месторасположение лагеря.

Помимо невербальных способов выражения доминирующего положения США (в тексте статей лексемы «Америка» «США» при прямом наименовании почти всегда предшествует лексеме «Россия») пресса использует и вербальные средства (например, лексема «courtiser» (ухаживать) используется лишь в отношении к женщине), создавая в концептуальной картине мира адресата образ слабой, управляемой, легко соблазняемой России-жены, образ, идущий вразрез с традиционным представлением мудрой России-матери (А. А. Вальков, Г. Гачев, Ф. Ницше).

Слот 1.2. Relations pré-nuptiales – Отношения до брака

Свойство слов и словосочетаний, заимствованных из разных семантических сфер, придавать сочетанию с другими лексическими единицами в рамках каждой новой метафорической номинации специфичный смысл, было нами выявлено при анализе данного слота. Входящая в него лексика, по сфере-

источнику характеризующая межличностные отношения, вводится в метафорический контекст международных связей России и Америки.

Главы государств представляют свои страны на международной арене. Следовательно, отношения между лидерами держав проецируются на взаимоотношения между государствами. Французские газеты пристально наблюдают за выстраиванием отношений между Путиным и Бушем и отмечают нюансы развития «романа» России и Америки. Трения в российско-американских отношениях уступают место доброжелательным, доверительным, дружественным отношениям. Ср.:

*La diplomatie américaine a **changé de ton*** Американская дипломатия сменила тон.
(L., 14.03.01).

*M. Bush et M. Poutine montrent leur **volonté d'établir une relation de*** Буш и Путин изъявляют своё желание установить «доверительные»
"confiance" (M., 14.11.01). отношения.

*Par une étrange évolution des choses, M. Bush dépend maintenant sur ce dossier de son **"ami"** Vladimir Poutine* (M., 06.06.02). По странному стечению обстоятельств в этом вопросе г-н Буш зависит в настоящее время от своего «друга» Владимира Путина.

*L'Amérique place la Russie, avec l'Union européenne, au premier rang de ses **"amis"**. Et pare son président de toutes les vertus* (H., 01.12.02). Америка причисляет Россию вместе с Европейским Сообществом к своим друзьям и наделяет президента России всеми добродетелями.

"Bons amis", les présidents américain et russe tentent de tourner la page irakienne (M., 03.06.03). Путин и Буш, «хорошие друзья», пытаются восстановить добрые отношения после Ирака (досл. перевернуть иракскую страницу).

*Vladimir Poutine n'a pas caché sa **sympathie** pour George Bush, confirmant ainsi une vieille règle de la politique internationale: les Russes s'entendent généralement mieux avec les présidents* Владимир Путин не скрывает своей симпатии к Джорджу Бушу, подтверждая тем самым правило международной политики: русские находят общий язык скорее с

républicains qu'avec les démocrates (М., президентами-республиканцами, чем с демократами.
08.09.04).

Сомнения в искренности такой дружбы французские газеты выражают путём использования нейтральной лексики с кавычками (relation de “confiance” («доверительные» отношения), “ami” («друг»), “bons amis” («хорошие друзья»)). Рассмотренные примеры показывают, что использование кавычек создаёт иронический эффект, так как семантика выделяемого кавычками слова (словосочетания) расходится с его прагматикой. Передаваемая иронией оценка является, как правило, отрицательной, поскольку «ирония предполагает критически-насмешливое отношение к описываемому явлению» (Ипполитова 1988: 28). Таким образом, основное направление используемых в данных контекстах кавычек – отрицательно-оценочное: они выделяют элементы чужого и чуждого в газетном тексте.

Со временем, как отмечают французские СМИ, отношения становятся фамильярными, что находит отражение в языке: своего рода знаком неформальности, неофициальности становится использование разговорных синтаксических конструкций (нехарактерное для французского языка сочетание наречия с существительным), разговорной лексики (type, genre de sorain (парень)), неологизмов (прилагательное «routinien» (путинский)). Ср.:

*Pour Bush, «Poutine est un **type bien**» (L., Для Буша «Путин – парень хоть куда».*
26.02.04).

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что на страницах французских газет субъектом действия в большинстве случаев выступают США, Россия же оказывается объектом их действий. Ср.:

*Les **Etats-Unis** tentent d'accentuer la **США** пытаются усилить давление на **pression sur Moscou** (М., 14.03.01). **Москву.***

*De la part de l'administration américaine, **Со** стороны американской **cet adoubement de la **Russie de Poutine** est-** администрации посвящение России **il fondé sur un acte de foi, ou sur un calcul** Путина в рыцари – акт доверия или **d'intérêts?** (М., 01.12.01). **корыстный расчет?***

*Mais M. Bush ajouta ensuite que les **Etats-Unis** comptaient désormais "travailler" avec la **Russie** "pour faire cesser les combats et parvenir à un règlement politique en Tchétchénie"* (M., 25.05.02). *Затем г-н Буш добавил, что США рассчитывают «работать» с Россией, «чтобы прекратить боевые действия в Чечне и урегулировать конфликт политическими средствами».*

Анализ составляющих рассматриваемого слота показывает, что на страницах периодических изданий Франции Америка воплощает сильное, деятельное, маскулинное начало, тогда как Россия, как правило, является пассивным исполнителем. При метафорической характеристике США французская пресса обращает внимание читателя на такие типично отрицательные качества мужчины, как грубость, авторитаризм, излишний рационализм; при характеристике России – на слабость и зависимость, традиционно приписываемые женщине (Котлова, Рябова, 2002).

Слот 1.3. Galanterie – Ухаживание

Составляющие данный слот метафоры активно функционируют в дискурсе масс-медиа Франции и обладают высоким эмотивным потенциалом. Действия лидеров государств представлены понятиями, относящимися к любовной источниковой сфере.

Ухаживание как часть подготовки к браку позволяет будущим супругам ближе познакомиться друг с другом, проверить свои отношения, жизненные ценности (Розин 1999: 138).

Российско-американские отношения, репрезентированные во французских газетных текстах посредством концептуальной метафоры, лишены романтизма, чистоты, духовной близости. Метафорические словоупотребления представляют развитие отношений как интригу (*intrigue*), соблазн (*séduction*), флирт (*flirt*), соращение (*débauche*), неверность (*infidélité*), иными словами через те лексемы, которые в данных метафорических контекстах «эксплуатируют» смыслы, являющиеся интенсификаторами негативных эмотивных признаков. Ср.:

*Or la **rivalité** russo-américaine s'aiguise* *Обостряется российско-американское*

autour des richesses pétro-gazières de cette région désormais " d'intérêt stratégique pour les Etats-Unis " (Н., 17.05.00).

соперничество вокруг нефте-газовых ресурсов прикаспийского региона, являющегося отныне «предметом стратегического интереса для США».

En même temps, pour faire passer la pilule, ou si l'on préfère pour masquer la perte par la Russie de son statut de réelle superpuissance, l'Amérique lui prodigue les marques extérieures de la plus haute considération (М., 01.12.01)

В тоже время, чтобы заставить проглотить пилюлю или, если угодно, чтобы прикрыть потерю Россией статуса сверхдержавы, Америка расточает ей знаки своего высочайшего внимания.

Употребление метафорических наименований *séduire* (соблазнять), *flirter* (флиртовать) при характеристике действий России на международной арене вызывает негативную реакцию французского реципиента, так как в соответствии с семантикой исходной понятийной сферы указанных лексических единиц поведение России образно интерпретируется как призыв к сексуальной связи вне брака. Сравните толкование данных лексем в словаре Le Nouveau Petit Robert (2003):

Flirt – Relation amoureuse **plus ou moins** chaste, généralement **dénuée de sentiments profonds**;

Séduire – Amener à des rapports sexuels **hors mariage**.

Легкомысленные поступки России, искушающей своих партнёров для осуществления своих интересов, не могут не получить отрицательную оценку в концептуальной картине мира адресата-читателя, поскольку нарушают определённые моральные нормы. Ср.:

Et cela fait belle lurette - près de quinze ans - que les Russes s'emploient à séduire les Américains. Bien avant Poutine, il y eut Gorbatchev, qui se tailla, à Washington et à New York, de véritables triomphes, des raz-de-marée de "gorbymania". Et Boris Eltsine, tombant la veste, plaisantant lourdement et

Уже довольно давно, около 15 лет, Россия пытается соблазнить Америку. До Путина Горбачев добился успеха, настоящего шквала, «горбомании» в Вашингтоне и в Нью-Йорке. Б. Ельцин, скинув пиджак, отпуская грубые шутки и выделявая танцевальные па, добился

esquissant des pas de danse, avait fait также определённого результата. presque aussi bien (M., 01.12.01).

*L'autre face est marquée par les tentatives С другой стороны, Россия пытается russes de jouer un rôle en **flirtant** avec les вести свою игру, флиртуя с "Etats voyous", en vendant des armes aux «бандитствующими» странами, adversaires des Etats-Unis (M., 14.11.02). продавая оружие врагам США.*

Как и в предыдущих слотах, прагматические смыслы рассматриваемых метафор акцентируют утрату духовности, нечистоплотность, аморальность, корысть, превалирующие в отношениях России и Америки.

2.Фрейм: «Mariage» – «Вступление в брак»

В соответствии с внутренней структурированностью понятийной сферы «Развитие любовных отношений», отраженной в сознании представителей французской лингвокультуры, новой ступенью в отношениях России и США становится заключение брака, представленное в газетных текстах различными языковыми эквивалентами: *mariage*, *alliance*, *pose*. Семантика этих слов содержит общие компоненты: легитимность и обоюдное согласие (Le Nouveau Petit Robert, 2003). Ср.:

*La nouvelle **alliance** entre Moscou et Новый альянс Москвы и Вашингтона, Washington, précipitée par les événements ускоренный событиями 11 сентября, du 11 septembre, suscite toutefois beaucoup вызывает однако намного меньше moins de commentaires dans la presse russe комментариев со стороны российской que "Za stiklom" - littéralement "Derrière la прессы, чем передача «За стеклом», vitre"-, le "Loft Story" russe, apparu le 27 российское «Loft Story», вышедшая в эфир octobre sur la chaîne de télévision TV6 (L., 27 октября на канале ТВ6. 15.11.01).*

*Le "**mariage**" russo-américain ne se porte Российско-американский «брак» не так donc pas si mal. Il y a bien, comme l'a dit M. уж и плох. Конечно, как отмечает M. Kassianov, "des facteurs négatifs", mais cela Касьянов, «есть и негативные n'empêche pas les deux pays "de **développer** факторы», но это не мешает обоим le cadre **d'une nouvelle relation**" (M., странам «развивать новые отношения». 15.03.02).*

*Les Etats-Unis et la Russie scellent une CША и Россия скрепляют новый союз. nouvelle **alliance** (M., 25.05.02).*

3.Фрейм: «Vie familiale» – «Семейная жизнь»

Слот 3.1. Relations conjugales – Отношения в браке

Рассматриваемый материал показывает, что в современном дискурсе масс-медиа Франции при оценке российско-американских отношений востребованными оказались не все слоты анализируемой метафорической модели. Отсутствие романтики, любви, согласия в отношениях между Россией и Америкой подчеркивается отсутствием метафор с положительным прагматическим потенциалом, отражающих начало совместной жизни молодоженов: свадебное путешествие, медовый месяц.

Счастливый брак основан на любви и на вере, так как «не может быть истинных, подлинных взаимных отношений, если нет между мужем и женой, между невестой и женихом взаимной веры, то есть, с одной стороны, настоящего *доверия*, с другой стороны, *верности*» (Сурожский, 1986).

Однако «семейная жизнь» двух стран не основан на взаимном доверии, уважении, искренности, душевной привязанности. «Брак» России и Америки лишь кажется прочным и равноправным. Отсутствие у «новобрачных» взаимопонимания, любви или хотя бы общих интересов приводит к непониманию и размолвкам. Ср.:

Première rencontre Bush-Poutine: derrière Первая встреча Буша и Путина: улыбки les sourires, les désaccords (M., 19.06.01). скрывают разногласия.

*Etats-Unis - Russie: les **alés d'un couple** Россия – США: превратности семейной (M., 16.03.02). жизни.*

*Les **relations** entre les Etats-Unis et la Отношения CША и России переживают Russie traversent une **période un peu период нестабильности. Разочарование? trouble. Désenchantement? Consolidation? Сближение? Прошло время, когда в июне***

Le temps a passé depuis la surprenante « прошлого года в Москве Дж. Буш сделал déclaration » de confiance, sinon d'amour, В. Путину удивительное «признание» в faite en juin dernier à Moscou par George доверии, если не в любви.

W. Bush à Vladimir Poutine (M., 21.07.02).

Dans un vaudeville à l'ancienne, le premier (V. Poutine) jouerait l'épouse intéressée, le second (G. Bush) le mari très macho (H., 27.09.03). В этом водевиле как и прежде Путин будет играть меркантильную жену, а Буш – деспотичного мужа.

На страницах французских газет Америка чувствует себя обманутой (*frustrée*), разочарованной (*décue, dépitée*) Россией. Непонимание между супругами перерастает в ссоры и распри. Семейные российско-американские конфликты остаются неразрешёнными, поскольку стороны отказываются идти на взаимные уступки и компромиссы. Ср.:

La déception de l'administration Bush. La mise en liquidation de TV6 a été critiquée, vendredi 11 janvier, par les Etats-Unis. (M., 13.01.02). Разочарование администрации Буша. В пятницу 11 января США выразили своё критическое отношение к вопросу о ликвидации ТВ6.

Armes: les Etats-Unis blâment la Russie (L., 17.09.03). К вопросу о вооружении: Америка выражает своё недовольство (досл. бранит) позицией России.

Un sommet Bush-Poutine, le premier depuis la brouille irakienne (L., 30.05.03). Первая после иракской ссоры встреча на высшем уровне Путина и Буша.

Le secrétaire d'Etat américain, en visite à Moscou, tance son « ami » russe (M., 28.01.04). Госсекретарь США, прибыв с визитом в Москву, отчитал своего российского «друга».

Un haut responsable américain à Moscou a détaillé la «frustration» grandissante de Washington (M., 17.04.04). Представитель американского посольства в Москве подробно охарактеризовал растущую фрустрацию Вашингтона.

Репрезентация российско-американских отношений, основанная на системном переносе оценочных коннотаций и смысловой нагрузки из источниковой сферы «размолвка супругов», формирует у читателя французских СМИ представление о том, что союз двух стран основан скорее на расчете, чем на любви.

Слот 3.2. Divorce – Развод

При помощи функционирующих в газетных текстах метафор в концептуальной картине мира адресата-читателя создаётся образ США, великодушно прощающих России её «проступки» до тех пор, пока это в интересах американского государства. Ср.:

La Russie est pardonnée. Voilà le message Россия прощена. *Tel que le résultat de qui s'est dégagé du sommet informel entre* воскресенье 1 июня в Санкт-Петербурге *George Bush et Vladimir Poutine, dimanche* завершился неофициальный саммит Дж. Буша и В. Путина. *A l'occasion* Буша и В. Путина. *de leur première rencontre depuis les* первой с начала разногласий России и *désaccords portant sur la guerre en Irak -* США по поводу войны в Ираке, названной *qualifiée par M. Poutine de « grave erreur* Путиным «большой политической *politique » - les deux dirigeants ont multiplié* ошибкой», главы государств *les signes de réchauffement (M., 03.06.03).* многократно продемонстрировали потепление отношений.

Однако французские газеты пессимистичны в прогнозировании совместного будущего двух стран. По мнению французского адресанта, разрыв России и Америки неизбежен. В рамках исследуемой метафорической модели с исходной понятийной сферой «Семья» разлад в российско-американских отношениях в дискурсе масс-медиа Франции представлен посредством метафорических номинаций *divorce* (развод), *rupture* (прерывание отношений). Ср.:

Etats-Unis – Russie, les dangers d'un Опасности российско-американского *divorce (L., 12.09.02).* развода.

Ce n'est pas l'affaire irakienne qui vaut un Причиной для развода служит вовсе не *divorce, mais le comportement de l'époux* иракское дело, а поведение американского *américain, qui ne supporte pas une opinion* супруга, не допускающего существования *différente de la sienne (L., 06.03.03).* мнения, отличного от своего.

Таким образом, способность метафоры изменять воспринимаемую нами реальность приводит к тому, что в концептуальной картине мира у адресата-представителя французской лингвокультуры формируется новый стереотип российско-американских отношений. Россия, проиграв холодную войну,

потеряв статус сверхдержавы, перестаёт интересоваться США как противник. Нет места в отношениях между двумя странами и для равноправного партнёрского сотрудничества. Новый союз России и Америки метафорически переосмысливается как брак по расчету, а не по любви, поэтому в политическом дискурсе востребованными оказались прежде всего фреймы, выражающие конфликтность и интриги обеих сторон.

При сопоставительном анализе метафорической модели **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** во французском языке и материалов других исследователей на русском (Гришина, 2004; Савельева, 2000) следует обратить внимание на то, в российском дискурсе масс-медиа представленная модель менее продуктивна и используется реже, чем метафора дружбы, партнёрства, сотрудничества (Гришина 2004: 134-136). Ср.:

Россия заинтересована в том, чтобы ... иметь в тылу в качестве своеобразного якоря максимально дружественные - можно даже сказать, "семейные" - отношения с США (РЖ, 17.06.02); У нас с США брак по расчету (КП, №43, 2002); А общество задаётся вопросом: не было ли заигрывание с США и Европой стратегической ошибкой? (АИФ, 22.12.04).

Эксплуатируя метафору «брака по расчету» при характеристике российско-американских отношений, российские газеты, в отличие от французских, реже используют метафоры с ярко выраженной негативной коннотацией, подчеркивающие зависимость нашей страны от США и легкомысленное поведение России, использующей свои женские чары для соблазнения партнёра ради собственных интересов. Показательно, что в отечественной прессе российско-американские разногласия трактуются в терминах спора, войны, а не семейных перебранок или развода (Гришина 2004: 136).

2.2. Метафорическая интерпретация политических взаимоотношений России и Запада

За последние несколько лет преобладающие в периодических изданиях Франции антисоветизм и настороженное отношение к перспективам взаимодействия России и Европы, сформированные за годы «холодной войны», уступают место более дружественному настрою. Французские газеты всё реже прибегают к военной источниковой сфере для метафорической репрезентации взаимоотношений России и Запада. Ср.:

Les Occidentaux et la Russie s'affrontent au coeur de l'Europe. La crise ukrainienne a ravivé la tension entre Moscou, d'une part, et l'Alliance atlantique et l'UE, de l'autre, plus de dix ans après la fin de la guerre froide (M., 07.12.04). *Европейцы и Россия сошлись лицом к лицу в центре Европы. Десять лет спустя после окончания холодной войны украинский кризис воскресил напряжение между Москвой, с одной стороны, и Атлантическим союзом и ЕС, с другой.*

В оценке отношений России с европейскими государствами (с Европой в целом) французские периодические издания используют иную систему метафорических номинаций, при обобщении которых обнаруживается модель **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ**. Указанная модель, в отличие от метафоры семейных отношений, доминирующей при описании развития взаимоотношений России и Америки и акцентирующей внимание французского реципиента на конфликтах, интригах, раздорах между сторонами, концептуально ассоциируется с порядочностью, честностью, открытостью. Положительным прагматическим потенциалом наполнена метафорическая модель **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДУЭТ**, подчеркивающая единство России и европейских государств, которые «спелись» перед лицом общей опасности. Ср.:

Le tango Paris-Moscou (H., 20.04.99). *Танго Париж-Москва.*
Moscou dans le concert européen (M., 16.05.99). *Москва в европейском хоре.*

Le trio Paris-Berlin-Moscou «reste vigilant» (M., 23.05.03). *Трио Париж-Берлин-Москва «не теряет бдительность».*

Les nuages, qui ont assombri samedi le ciel *Облака, которые в субботу затянули*

de Saint-Petersbourg, en dépit de la mobilisation des avions antipluie, ont été la seule fausse note dans la chorégraphie festive et politique mise au point par Vladimir Poutine (M., 03.06.03).

небо над Санкт-Петербургом, несмотря на мобилизацию специальных самолётов для разгона облаков, были единственной фальшивой нотой в организованной Владимиром Путиным политической и праздничной постановке.

Преодолев политическую конфронтацию, на рубеже XX-XXI веков Россия и Европа выстраивают новые отношения, основанные на сотрудничестве и доверии. Концепт «дружба» является актуализированной сферой для осмысления данного этапа развития российско-европейских отношений, поскольку манифестирует общность интересов, взаимную, обусловленную социальными связями и личным выбором приязнь сторон, свободных от сексуальных или родственных связей.

1.Фрейм: «Rôles sociaux» – «Социальные роли»

К данному фрейму относится метафорика, исходная понятийная сфера которой содержит общие компоненты значения «предрасположенность», «взаимная симпатия», «связь»: *allié (союзник, сторонник), ami (друг)*. Иными словами, смысловое содержание фрейма основывается на образном представлении отношений Запада и России как доброжелательных, дружеских.
Ср.:

Comme Boris est un ami de la famille occidentale, personne ne pipe mot (H., 09.10.99).

Поскольку Борис – друг западной семьи, никто и слова не скажет.

Lors de son discours à Berlin Sergueï Ivanov a affirmé que la Russie, un pays européen ami, était prête à offrir "son espace aérien pour les vols d'avions transportant de l'aide humanitaire dans la région où l'opération antiterroriste aura lieu" (H., 27.09.01).

Во время своего выступления в Берлине Сергей Иванов подтвердил, что Россия, дружественное европейское государство, готова предоставить «своё воздушное пространство для пролёта самолётов с гуманитарными грузами в район проведения антитеррористической операции».

*La Russie, **alliée** traditionnelle de l'Europe* Россия, традиционная союзница Европы.
(M., 25.03.04).

Отдельную многочисленную группу представляют метафорические номинации, в рамках которых осмысление взаимодействия России и Европы ассоциативно связано с *партнёрством* (*partenaire, partenariat*), *сотрудничеством* (*coopération*). Ср.:

*La Russie, un **partenaire** incontournable* Россия – неизбежный партнёр для ЕС.
pour l'Union (L., 25.02.02).

*La **coopération énergétique** avec Moscou* Европейские эксперты подчеркивают,
présente ainsi un double intérêt, soulignent что энергетическое сотрудничество с
des analystes européens (M., 25.05.02). Москвой представляет двойной интерес.

*L'Europe, **partenaire** difficile de la Russie* Европа – трудный партнёр России.
(M., 31.05.03).

La Russie et l'Union européenne Создадут ли Россия и ЕС почву для
construiront-elles un partenariat durable et плодотворного и длительного
productif, ou leurs relations seront-elles сотрудничества или отношения между
fondées uniquement sur le profit à court ними будут основаны на
terme? La seule réponse sensée à cette кратковременной выгоде? Единственный
interrogation est que nous bâtirons un разумный ответ на этот вопрос – мы
***partenariat** capable de surmonter les* строим союз (досл. партнёрство),
tempêtes du XXIe siècle (M., 19.10.04). который вынесет все невзгоды XXI века.

Показательно, что французские СМИ выделяют среди европейских держав группу «близких друзей» России, к которой относятся Великобритания, Франция, Германия и Италия. Ср.:

*La Grande-Bretagne **veut** transformer* Великобритания намерена довести
l'embellie qui règne entre la Russie et временное улучшение отношений,
l'Occident depuis le 11 septembre en un которое царит между Россией и
***partenariat** durable en matière de sécurité.* Западом после 11 сентября, до
(M., 17.11.01). длительного сотрудничества в сфере

безопасности.

Mais l'idée d'une telle recomposition des Отношения между Европой и Америкой

relations euro-américaines, par la grâce изменились. Этот факт заслуживает *d'une Allemagne servant de marchepied à* внимания, учитывая и то, что Германия *l'accrochage de la Russie à l'Europe, mérite* помогает (досл. служит трамплином) *en tout cas d'être déjà étudiée* (М., интеграции (досл. сцеплению, *05.12.01).* прицеплению) России в Европу.

Chirac trop «poutinien» pour l'Europe (L., Слишком «путинский» для Европы *26.02.04).* Ширак.

Коннотативно нагруженные метафоры представленного фрейма эксплицируют смыслы «единство», «поддержка», «общность интересов» и, следовательно, несут позитивный оценочный характер.

2.Фрейм: «Relations entre amis» – «Взаимоотношения друзей»

Слоты этого фрейма позволяют выявить типичные метафорические представления о деятельности государств, связанных узами дружбы. Мнения «стран-друзей» по различным вопросам могут как совпадать, так и расходиться, что находит отражение в соответствующих словосочетаниях, создающих развёрнутый метафорический контекст.

Слот 2.1. Liens de l'amitié – Дружеские связи

Россия и Европа метафорически представляются едиными по духу. Их дружба основана на общности интересов, потребности друг в друге. Метафоры описываемого слота эксплицируют российско-европейскую «заинтересованность» в длительных добрососедских отношениях. Ср.:

Que l'intérêt de l'Europe soit d'avoir pour Очевидно, что Европа заинтересована в *voisin une Russie démocratique, c'est une* том, чтобы иметь своим соседом *évidence* (М., 26.02.04). демократическую Россию.

Russie, Union européenne: chacune a Россия и Евросоюз необходимы друг *besoin de l'autre. Nous sommes liés par la* другу. Мы связаны не только *géographie et par un patrimoine culturel* территориально, но и культурно: *commun, dont l'écrivain Alexandre* писатель Александр Пушкин, композитор *Pouchkine, le compositeur Dimitri* Дмитрий Шостакович, художник *Chostakovitch et le peintre Kazimir* Казимир Малевич *Malevitch forment une partie inaliénable. Ce* неотъемлемую часть *Malevitch forment une partie inaliénable. Ce* общего

qui nous unit, encore, c'est l'absence d'une autre solution crédible (M., 19.10.04). культурного наследия. Более того, нас объединяет отсутствие какого-либо другого возможного решения.

Amitiés franco-russes (L., 15.08.03). Россия и Франция демонстрируют взаимное дружеское расположение.

Слот 2.2. Compréhension mutuelle – Взаимопонимание

При характеристике отношений России с западной цивилизацией чаще всего метафорически используются слова, обозначающие свободное, открытое общение, обмен мнениями, обоюдное согласие в принятии решений: *contact* (общение), *dialogue* (диалог), *accord* (соглашение), *convergence* (совпадение (взглядов, идей)), *tête-à-tête* (разговор с глазу на глаз). Ср.:

L'Union européenne et la Fédération de Russie se sont engagées lors du Sommet de Paris en octobre 2000 dans un dialogue énergétique qui devrait mener à terme à un partenariat énergétique (M., 03.01.03). На саммите в октябре 2000 года Евросоюз и Российская Федерация начали энергетический диалог, который со временем должен будет перейти в энергетическое сотрудничество.

Paris et Moscou affichent leurs convergences « jusqu'au moindre détail » (M., 10.07.03). Позиции Парижа и Москвы совпадают «до мельчайших деталей».

Accord UE-Russie sur les «ex-frères» (L., 28.04.04). Договорённость России и ЕС о бывших российских «братьях».

В соответствии с представлениями об исходной понятийной сфере крепость российско-европейской дружбы испытывается несчастьями и невзгодами. Как говорится в пословице, «au besoin, on connaît l'ami» (друзья познаются в беде). Как истинные друзья Россия и Европа спешат друг другу на помощь (*aide, soutien, appui*). Ср.:

L'Europe veut réorienter son aide à la Russie (M., 20.02.99). Европа намерена перенаправить свою помощь России.

Vladimir Poutine a affiché dimanche son soutien à la France et à l'Allemagne (H., 11.02.03). В воскресенье Владимир Путин продемонстрировал свою поддержку Франции и Германии.

«По-дружески» Запад прощает России её «промахи». Ср.:

*L'Europe **absout** la Russie (M., 19.07.99).* Европа прощает России её грехи.
*L'Occident a pour l'essentiel **tiré un voile pudique** sur le déchaînement de violences frappant les civils en Tchétchénie (M., 15.01.02).* Запад смотрит сквозь пальцы (досл. стыдливо опустил вуаль) на разгул насилия и жестокости, от которого страдает гражданское население Чечни.

Однако в ряде случаев Европа показывает своё превосходство, обращаясь с Россией снисходительно и покровительственно. Об этом свидетельствует, в частности, метафорическое употребление лексемы *ménager* (беречь, жалеть, щадить, церемониться) в значении «traiter avec modération, avec indulgence, sans accabler de sa supériorité» (Le Nouveau Petit Robert, 2003). Ср.:

*La "nouvelle relation" exige de la Russie qu'elle se **modèle** sur l'Occident, et M. Poutine semble prêt à aller loin pour prouver qu'il y est disposé. (M., 14.11.01)* “Новые отношения” требуют, чтобы Россия ориентировалась (досл. брала пример) на Запад. В связи с этим В. Путин, кажется, готов пойти ещё дальше, чтобы продемонстрировать своё расположение к реформам.

*Les Européens **ménagent** Moscou, qui a su redevenir une grande puissance diplomatique internationale et redeviendra vraisemblablement une puissance économique (M., 30.12.02).* Европейцы церемонятся с Россией, которая сумела вновь стать державой с огромным международным дипломатическим влиянием и, вероятно, большим экономическим потенциалом.

*L'Europe **ménage** la Russie malgré une coopération en panne (M., 07.11.03).* Европа бережет Россию, несмотря на препятствия в развитии сотрудничества.

Слот 2.3. Divergences – Разногласия

Друзья зачастую имеют различное мнение по тому или иному вопросу, они спорят, дискутируют, обсуждая всевозможные проблемы. Разногласия могут приводить и к ссорам.

В соответствии со структурой исходной понятийной сферы отношения России и Евросоюза концептуально переосмысляются как *разногласия*

(*désaccord, différend, discorde, dissentiment*), споры (*débat, dispute, contentieux*), напряжение (*tension*). Ср.:

Poutine boude la France. Il n'a pas oublié les critiques sur la guerre en Tchétchénie Путин дуется на Францию: критика войны в Чечне не забыта. (L., 07.06.00).

Moscou et l'Europe expriment leur désaccord sur Kaliningrad Москва и Европа выражают своё несогласие по проблеме Калининграда. (M., 31.05.02).

Moscou, sujet de discorde européen Москва – источник раздора в Европе. (L., 22.05.04).

L'arrivée des nouveaux membres accroît les contentieux avec Moscou. L'approche de l'élargissement de l'Union européenne, le 1er mai, provoque une tension croissante dans les relations avec la Russie Расширение Евросоюза вызывает новые споры между странами ЕС и Россией. Приближение даты официального расширения (1 мая) ведёт к возрастанию напряжения в отношениях с Россией. (M., 22.02.04).

Однако стороны предпочитают не доводить дело до конфликтов, находя решение (будь то компромисс или сделка), устраивающее всех участников. Ср.: *Accord UE-Russie sur les «ex-frères». L'UE a réglé hier son principal contentieux avec la Russie, mais il aura fallu d'intenses tractations pour que Moscou accepte d'étendre aux dix nouveaux Etats membres son partenariat...* Договорённость России и ЕС о бывших советских «братьях». Вчера ЕС решил свой основной спор с Россией. Однако Европе пришлось приложить огромные усилия (досл. сделку), чтобы Москва согласилась распространить своё сотрудничество на десять новых членов Евросоюза. (L., 28.04.04).

3.Фрейм: «Loisir» – «Досуг»

Для закрепления в концептуальной картине мира адресата-читателя образа друзей французские газеты используют при характеристике взаимоотношений России и Европы метафоры, репрезентирующие связь государств во «внерабочее время». Составляющие данный фрейм метафоры несут

информацию о «совместном досуге» стран. В своё свободное время Россия и Евросоюз ходят друг к другу в гости или просто гуляют. Ср.:

L'Europe en visite chez Poutine (L., *Европа в гостях у Путина*. 30.05.00).

Chirac et Poutine main dans la main (H., *Ширак и Путин, взявшись за руки*. 22.07.02).

Lors d'une rencontre avec Vladimir Poutine Во время одной из встреч с Владимиром Путиным на черноморском побережье французский президент выступил в поддержку российской позиции: Россия и Union européenne «doivent marcher main dans la main» (M., Евросоюз «должны действовать сообща» (досл. идти рука об руку). 24.07.02).

Метафорическое использование концепта «совместные развлечения» актуализирует положительные ассоциативные признаки, связанные с идеей общности интересов России и Запада, сфера которых охватывает не только деловые отношения, но и личные.

Метафоры, составляющие метафорическую модель **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ**, оказались удобным средством номинации и характеристики новых отношений, выстраивающихся между Россией и Европой на рубеже XX-XXI вв. Проанализированные метафоры, по сфере-источнику характеризующие межличностные отношения, актуализируют в сознании французского адресата-читателя положительные ассоциации, связанные с концептом «друг» – человек, на которого можно положиться, который проявляет соучастие, заботу, всегда придёт на помощь. Восприятие взаимоотношений между российским и западными государствами как дружбы эксплицирует элемент взаимопонимания, духовного родства, комфорта, терпимости и взаимного уважения, лежащих в основе российско-европейского сотрудничества.

В современных российских СМИ метафора дружбы при характеристике российско-европейских связей также является востребованной, что связано, в первую очередь, с укрепившимся в сознании носителя языка стереотипе о

«дружбе народов» и отражает традиционные стереотипы, связанные с отношениями России и Франции. Ср.:

Россия и Франция договорились дружить (НГ, 22.07.02); Запад – друг или враг? (АИФ, 22.12.04).

При сопоставительном анализе представленной метафорической модели в русском и французском языках следует обратить внимание на сходство фреймово-слотовой структуры, на ее частотность и продуктивность в обоих языках. Все это говорит о том, что дружба как сфера-источник метафорической экспансии является универсальным средством для концептуализации отношений России и Европы в российских и французских периодических изданиях.

В целом, анализ внешнеполитических связей России с «хозяевами мира сего» (*maîtres du monde* (Н., 25.10.02)), представленных во французском дискурсе масс-медиа в рамках метафорических моделей **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ** и **РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ** позволяет сделать вывод о том, что в сознании представителя французской лингвокультуры при категоризации окружающей действительности Россия в настоящее время перестала быть «чужой» и вошла в число «своих». Показателем новых отношений становится метафорическое представление межгосударственных отношений как кровного (в случае с США) или духовного (в случае с Западной Европой) родства, прешедшего на смену традиционным милитарным метафорам. Однако развёртывание метафорических моделей во французских газетных текстах показывает, что, по представлению французских СМИ, в отношениях России с американской «семьёй» и с европейскими «друзьями» отсутствует равенство и равноправие.

Если сфера дружбы, основанная на взаимной приязни сторон, объединённых общими интересами, представляет собой в большинстве случаев позитивно окрашенный источник метафорического словоупотребления, то метафорическая модель с исходной понятийной сферой «семья» при характеристике российско-американских взаимоотношений приобретает во

французских СМИ отрицательную оценку. Франция ревниво относится к новым отношениям, выстраиваемым между российским государством и США, поэтому востребованными в газетных текстах оказались наименования, создающие уничижительную коннотацию иронии при метафоризации «семейной» жизни России и Америки и их совместного будущего.

Выводы

На основе анализа рассмотренных материалов можно сделать следующие выводы о функционировании метафорических моделей, репрезентирующих политические процессы России в дискурсе масс-медиа Франции:

1. Французские периодические издания пристально следят за политическими событиями, происходящими в России. Тем не менее, на страницы газет попадает лишь та информация, которая даёт основание для экспрессивности и оценки. Наиболее часто французские газеты освещают следующие яркие события внутренней и внешней политики России рубежа XX-XXI веков: личность и политические приоритеты нового лидера РФ, политический курс страны при новом президенте, войну в Чечне; отношения России с Европой и США. Таким образом, оценка политической реальности России во французских СМИ начинается с выбора тем.

2. Французские газеты, претендуя на независимость и объективность, избегают напрямую выражать оценку представленной в дискурсе масс-медиа Франции российской политике. Однако вариативность языкового представления российской политической действительности во французской прессе достигается за счет использования различных когнитивных метафор. Обладая определённой системностью, данные метафоры объединяются в метафорические модели:

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ;

ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА;

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ ЛОКУС;

ВОЙНА В ЧЕЧНЕ – это МЕХАНИЗМ;

РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ;

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Эти модели активно функционируют в дискурсе масс-медиа Франции и проявляют высокий потенциал к развёртыванию при характеристике крупнейших политических событий в жизни России.

3. Указанные метафорические модели, относясь к числу доминантных (содержат наибольшее количество метафор) при концептуализации российской политической действительности, ведут к стереотипизации образа нашей страны, редуцируя её характеристики до когнитивно значимого уровня. Отражаясь в метафорическом зеркале французских СМИ, Россия предстаёт то монархией, во главе которой находится полновластный правитель и бандит, то несущимся в пространстве объектом, то сложным механизмом, то неверной и корыстной женой, то заботливым и преданным другом.

4. Метафоры с исходными понятийными сферами «монархия», «преступность», «механизм», «семья», «дружба» репрезентируют политические процессы и деятелей России, используя полярные по эмотивной нагруженности смыслы. Большинство метафорических моделей обладают отрицательным прагматическим потенциалом, который предопределяет концептуализацию внеязыковой действительности у адресата-читателя и формирует во французском социуме отрицательное, настороженное отношение к России. Положительные ассоциативные смыслы содержатся лишь в отдельных фреймах или слотах вышеуказанных метафорических моделей. Своеобразным исключением является модель **РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ**, актуализирующая в сознании французского адресата-читателя положительные ассоциации, связанные с концептом «дружба».

5. Сопоставительный анализ представленных метафорических моделей в русском и французском языках свидетельствует о «заимствованном» характере моделей с ярко выраженным отрицательным прагматическим

наполнением **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это МОНАРХ** и **ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ – это ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА**, используемых в дискурсе масс-медиа Франции исключительно для концептуального представления главы российского государства.

6. Распространённые в дискурсе масс-медиа Франции концептуальные метафоры, с одной стороны, тиражируют уже сложившиеся, устоявшиеся представления о России (страна с недемократичной формой правления, криминальность правящей элиты), с другой стороны, способствуют формированию новых стереотипов (слабость внешнеполитических позиций России).

Заключение

Настоящее исследование метафорического образа России во французской языковой картине мира основано на методологии таких научных направлений, как теория метафорического моделирования, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, сопоставительная и контрастивная лингвистика.

Концептуальная метафора, будучи ментальной операцией, универсальным средством подачи информации путём переноса знаний из знакомой, конкретной области в абстрактную, неизвестную, способна концептуализировать и категоризировать действительность, создавая языковую картину мира и, как следствие, позволяет проникнуть и понять иное национальное самосознание, поскольку языковая картина мира обладает национальной специфичностью.

Современные средства массовой информации служат отображением социальной среды, сферой производства социальной информации. Дискурс масс-медиа как одна из доминант национальной сущности, являясь в настоящее время основным каналом осуществления политической коммуникации, обладает способностью воздействовать на восприятие адресатом (как отдельным индивидом, так и нацией в целом) той или иной реальности.

Используемые в дискурсе масс-медиа системы метафор, с одной стороны, закрепляют и тиражируют национальные стереотипы, с другой стороны, способствуют стереотипизации нового знания. Таким образом, метафоры, эксплуатируемые французскими СМИ, редуцируют характеристики России до когнитивно значимого уровня: Россия – это страна недемократических традиций, во главе которой находится монарх-преступник, культурную жизнь которой сотрясают вооруженные столкновения, экономика которой находится на пути, полном препятствий и опасностей. Однако при этом Россия не теряет своей «внешнеполитической привлекательности».

Проведенное исследование показывает, что в процессе познания сложный непосредственно ненаблюдаемый объект, каковым для французского реципиента является Россия, соотносится через метафору с более простыми или

конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (движением, войной, механизмом, человеческим организмом и т. д.). В подобных метафорических представлениях происходит перенос свойств и эмотивных характеристик области-источника на сферу-мишень (российскую действительность), которая в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему французской языковой общности.

Представленные в настоящем исследовании материалы свидетельствуют о том, что фигурирующие на страницах французских газет средства прямой и образной номинации и характеристики России апеллируют в большинстве случаев к отрицательным для французов эмоциям и укрепляют в сознании адресата устойчивый комплекс представлений о «чуждости» России для французского мира.

Показательно, что во французских публикациях, посвященных нашей стране, наиболее продуктивным и универсальным источником концептуализации и категоризации всех сторон российской жизни (политики, экономики, культуры) оказывается милитарная метафора, в результате чего общая картина российской действительности предстаёт как тревожная, конфликтная и взрывоопасная.

Анализ активно функционирующих в дискурсе масс-медиа Франции метафорических моделей, наиболее последовательно используемых при характеристике российской реальности, показал, что их преобладающая часть (пять из восьми) обладает агрессивным прагматическим потенциалом, способна актуализировать дополнительные смыслы, связанные с борьбой, конфронтацией, интригами, преступлениями, столь характерными (по мнению многих французских журналистов) для современной российской жизни. Лишь три метафорических модели (**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – это ПЕРЕМЕЩАЮЩИЙСЯ ЛОКУС, РОССИЯ И ЗАПАД – это ДРУЗЬЯ, ЭКОНОМИКА РОССИИ – это ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ**) ведут к формированию позитивного образа нашей страны в сознании французского

реципиента, так как обладают нейтральным или позитивным прагматическим потенциалом.

В полученной метафорической концептуальной картине российской действительности условно можно выделить три типа метафор:

- метафоры типичные для французского культурного пространства (метафора механизма, «семейная» метафора);
- базовые, общечеловеческие, универсальные метафоры (пространственная, милитарная метафора);
- заимствованные метафоры (криминальная, монархическая метафора).

Выделение национально-специфических для французов метафор основано на сопоставительном анализе, показывающем, что рассмотренные метафоры не являются универсальным средством концептуального представления российской действительности в отечественных СМИ. Более того, ряд метафорических номинаций не имеет однословного перевода на русский язык.

Пространственные и милитарные метафоры, проанализированные в данной диссертации, отражают базовые представления французов и русских об окружающей действительности, и тесно связаны с особенностями культурных ценностей, общих для двух стран. Об универсальном для русской и французской культур характере использования этих метафор при представлении событий, происходящих в России на рубеже XX-XXI вв., свидетельствует однотипность фреймово-слотовой структуры выделяемых метафорических моделей.

Основанием для выделения заимствованных метафор служит сопоставление структуры метафорических моделей, функционирующих во французском и российском дискурсе масс-медиа. Сопоставительное исследование показывает, что фреймово-слотовая структура моделей, их частотность и продуктивность обладают высокой степенью общности во французском и русском языках.

Причины заимствования французскими газетами криминальной и монархической метафоры заключаются, во-первых, в традиционности данных метафор для дискурса масс-медиа России, их доминирующей роли в российской политической речи последнего десятилетия (Чудинов, 2001; Чудинов, 2003а). Следовательно, они отражают события российской жизни в ёмкой и, вместе с тем, «стереотипной», типизированной форме.

Во-вторых, относящаяся к данным моделям метафорика в наиболее яркой, эмотивно-нагруженной форме репрезентирует и оценивает современную российскую действительность (к сожалению, эти оценки чаще оказываются негативными). Подобные метафоры, по-видимому, воспринимаются французами как национально-специфические, как типичные для самих русских. Таким образом, для формирования положительного образа России у французского адресата необходимо изменить наше собственное восприятие России. Волны компромата, разливающиеся по страницам российской прессы, закономерно оказывают воздействие и на французских журналистов, которые транслируют соответствующие эмоциональные векторы и оценки в публикациях, предназначенных для французских газет.

В настоящей диссертации рассмотрены далеко не все вопросы, представляющие интерес для специалистов в области когнитивной лингвистики. Перспективными представляются исследования, посвященные:

- максимально детальному изучению и описанию метафорических моделей, функционирующих в дискурсе масс-медиа Франции при репрезентации различных сторон российской жизни;
- сопоставлению метафорических моделей, используемых в дискурсе масс-медиа Франции и России при характеристике российской действительности для выявления специфики национального видения мира;
- анализу закономерностей метафорического моделирования российской действительности в различных французских дискурсах (политическом, экономическом);

- сопоставлению метафорики, которая используется французскими средствами информации, отличающимися различной политической направленностью (коммунисты, социалисты, центристы, правые и др.).

Библиография

1. Абдулатипов Р. Г. Человек. Нация. Общество. - М., 1991. -180 с.
2. Агеев В. С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. – 1986. - № 1. – С. 95-102.
3. Алексеева Л. М. Стереотипное и индивидуальное в научной метафоре // Стереотипность и творчество в тексте. - Пермь, 1999. - С. 161-180.
4. Алексеева Л. М. Термин и метафора: семантическое обоснование метафоризации. - Пермь, 1998.
5. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира // Избранные труды. - Т. 2. - М., 1995. - 766 с.
6. Аристотель. Поэтика; Риторика. – СПб., 2000. – 348 с.
7. Арутюнова Н. Д. Метафора // ЛЭС. – М., 1990. – С. 296-297.
8. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 5-33.
9. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке - М., 2000. - С. 7-23.
10. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. - М., 1979. - С. 147-174.
11. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Рус. речь. Новая серия. Вып. II. - Л., 1928. - С. 28-44.
12. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Автореф. дис... докт. филолог. наук. – Воронеж, 1998.
13. Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI-XX веков). – Саратов, 1998.
14. Балли Ш. Французская стилистика. - М., 1961.
15. Баранов А. Н. Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Сер. лит. и яз. - 1997. - Т. 56. - № 1. - С. 11-22.
16. Баранов А. Н. Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новаторство. – М., 1991. – 64 с.
17. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М., 1991. –

18. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
19. Барбюс А. Избранные произведения. – М., 1952. – 560 с.
20. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – 616 с.
21. Бархударов Л. С. Язык и перевод. – М., 1975.- 240 с.
22. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 423 с.
23. Белкина О. Е. «Загадочный Путин» или... // Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара. – М., 2002. – С. 15-25.
24. Беляевская Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия /Под ред. В. А. Пищальниковой. - Барнаул, 2001. – С. 105-112.
25. Беляевская Е. Г. Семантика слова. – М., 1987. – 127 с.
26. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начало XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья: Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский... - М., 1990. - С. 43-271.
27. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. - М., 1990. - 240 с.
28. Бессарабова Н. Д. Метафора как языковое явление // Значение и смысл слова. – М., 1987. – С. 156-173.
29. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1991. – 412 с.
30. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 153-173.
31. Борковец Н.И. Техническая метафора в художественной картине мира (на материале немецкой прозы XX века и ее переводов на русский язык). Дисс... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
32. Бранский В. П. Социальная синергетика и теория наций. – СПб., 2000. – 106 с.
33. Брутян Г. А. О гипотезе Сепира-Уорфа // Вопросы философии. – 1969. - № 1. – С. 56-66.
34. Буйнова О. Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора Владимира Григорьевича Гака. – Дубна, 2001. – С. 49-66.

35. Былинский К. И. Язык газеты: Избр. Работы /Сост. Накорякова К. М. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. - 303 с.
36. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия /Под ред. В. В. Петрова. – М., 1987. – С. 44-88.
37. Вальков А. А. Идея нации в свете русской социально-философской мысли. - Уфа, 1996. - 98 с.
38. Вальков А. А. Идея нации: социально-философское понимание. Автореф. дис... докт. философ. наук. - Уфа, 2000.
39. Ванина О. Н. Социологический анализ экономических стереотипов россиян в постсоветский период. Автореф. дис... канд. соц. наук. – Екатеринбург, 1999.
40. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие /Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2004. – 146 с.
41. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе. Дисс... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.
42. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. – 288 с.
43. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 60-88.
44. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963. – 255 с.
45. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. - М., 1980. - 300 с.
46. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. - М., 1988. - С. 52-65.
47. Вопросы стилистики. Вып. 26 /Под. ред. акад. МАН ВШ О. Б. Сиротининой. - Саратов, 1996. - 103 с.
48. Ворожцова И. Б. Культурологическая основа личностно-позиционно-деятельностной модели обучения. – Ижевск, 2001. – 49 с.
49. Гаврилова М. В. Критический дискурс – анализ в современной зарубежной лингвистике. – СПб., 2002. – 42 с.

50. Гак В. Г. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) // Вопросы языкознания. - 1993. - № 3. - С. 136-141.
51. Гак В. Г., Григорьев Б. Р. Теория и практика перевода французского языка. – М., 1997. – 469 с.
52. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. - М., 1988. - С. 11-26.
53. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. - М., 1977.
54. Гармашова И. В. Юаровцы о русских и русские о себе: сравнительный анализ персонифицированных портретов и автопортретов русских // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей /Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 281-291.
55. Гачев Г. Национальные образы мира. - М., 1998. - 429 с.
56. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. - М., 1995. - 480 с.
57. Готье Т. Путешествие в Россию. – М., 1988. – 400 с.
58. Гришаева Л. И. Россия в зеркале немецкой прессы: путь к взаимопониманию народов? // XXI век: мир без войны и насилия?!: материалы международной конференции /Под ред. Н. П. Тимофеевой. - Воронеж, 2002. - С. 99-124.
59. Гришина О. А. Актуализация концепта АМЕРИКА в современном русском языке (на материале публицистических текстов). Дисс. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 178 с.
60. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск, 1994. – 357 с.
61. Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры. - М.: Прогресс, 1985. - 452 с.
62. Давыдов Д. Ю. Розин В. М. От разоблачения метафор - к созданию новых // Мир психологии и психология в мире. - 1994. - № 10. - С. 107.
63. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. - 1994. - № 4. - С. 17-34.
64. Донец П. Н. К типологии стереотипов // Социальная власть языка /Под ред. Л. И. Гришаевой. – Воронеж, 2001а. – С. 183-188.
65. Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации. – Харьков, 2001б. – 384 с.
66. Душков Б. А. Психосоциология менталитета и нооменталитета. Учебное пособие для вузов. – Екатеринбург, 2002. – 448 с.
67. Дюма А. От Парижа до Астрахани // Волга. – 1991. - №11. – 192 с.

68. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. – М., 1957. – 448 с.
69. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе. Автореф. дис...канд. филолог. наук. - Волгоград, 2000.
70. Жид А. Возвращение из СССР // Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 7. – М., 2002. – С. 342-480.
71. Жоль К. К. Язык как практическое сознание. – Киев, 1990. – 238 с.
72. Залевская А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к её исследованию // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей /Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 39-55.
73. Змеёва Т. Е. Способы имплицитного выражения интенсивной оценки во французском языке//Сб. науч. тр./ Моск. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1988. – Вып. 316. – С. 13-33.
74. Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем. – М., 2003. – 304 с.
75. Изучение лексики, грамматики, текста в аспекте концепции языковой картины мира. - Екатеринбург, 1994.
76. Ильинский П. Мнимое лекарство. Негативный образ России в западных СМИ // Русский журнал. – 2003 // <http://www.russ.ru/politics/20030109-pi.html>
77. Ипполитова Н. Б. Изобразительно-выразительные средства в публицистике. – Саранск, 1988. – 80 с.
78. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – 255 с.
79. История социалистических идей и стереотипы массового сознания /Сб. обзоров. – М., 1990. – 111 с.
80. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград - Архангельск, 1996.
81. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей /Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 191-207.
82. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. - М., 1988. - 311 с.
83. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.). Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 208 с.

84. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 33-44.
85. Касьянова К. О русском национальном характере. - М., 1994. - 367 с.
86. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М., 1992. – 336 с.
87. Кларин М. В. Инновации в обучении: метафора и модели. - М., 1997. - 223 с.
88. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – М., 1995. - № 3. – С. 102-116.
89. Когнитивная лингвистика // Энциклопедия кругосвет // <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008261/1008261a2.htm>
90. Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия /Под ред. В. А. Пищальниковой. - Барнаул, 2001. - 200 с.
91. Коженевска-Берчинска Й. Портреты России - россиян в польском словесном изображении // Стереотипность и творчество в тексте. - Пермь, 1999. - С. 253-268.
92. Козинг А. Нация в истории и современности: (Исследование в связи с историко-материалистической теорией нации). - М., 1978.
93. Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995. – С.13-24.
94. Колосов В.А., Бородулина Н.А., Вендина О.И., Галкина Т.А., Заяц Д.В., Юр Е.С. Геополитическая картина мира в средствах массовой информации // Политические исследования. – 2003 // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2003/3/4.htm>
95. Колотнина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе. Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001.
96. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. - 267 с.
97. Котлова Т. Б., Рябова Т. Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов. – Иваново, 2002 // http://www.owl.ru/english/content/library/books/p6002.shtml?reply_id=32906
98. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск, 2004. – 206 с.

99. Кравченко И.И. Бытие политики. — М., 2001. — 127 с.
100. Красных В. В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст). Автореф. дис... докт. филолог. наук. — М., 1999.
101. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. — М., 2002. — 284 с.
102. Краткий словарь когнитивных терминов /Под ред. Е. С. Кубряковой - М., 1996. — 245 с.
103. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука // Вопросы языкознания. - 1994. - № 4.
104. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. - М., 1988. - С. 141-173.
105. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер. лит. и яз. - 1999. - Т. 58. - № 5-6. - С. 3-13.
106. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. — М., 1997.
107. Кузнецов В. Г. Отображение в языке средств массовой информации определённой идеологической картины мира // Сб. науч. тр. /Моск. гос. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. — М., 1989. — Вып. 341. — С. 117-124.
108. Курашов В. И. Нация в общечеловеческом и российском измерениях. - Казань, 1999. - 84 с.
109. Кюстин де А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. — ЛЕНИЗДАТ, 1991. — С. 421-661.
110. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. — Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1989. — 96 с.
111. Лазарева Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. — 166 с.
112. Лакофф Д. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. — М., 1995. — С. 143-185.
113. Лакофф Д. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: лингвистическая семантика. — М., 1981. — С. 350-368.
114. Лакофф Д. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 387-416.

115. Лакофф Д. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём /Под ред. и с преисл. А. Н. Баранова. – М., 2004. – 256 с.
116. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. – М., 1974. – 285 с.
117. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. - 1993. - № 1. - С. 3-10.
118. Логический анализ языка: Языки пространств /Под. ред. Н. Д. Арутюновой. - М., 2000. - 448 с.
119. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – 524 с.
120. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек - текст - семиосфера - история. - М., 1979.
121. Лысакова И. П. Пресса Перестройки. – СПб, 1993. – 150 с.
122. Лысакова И. П. Язык газеты: социолингвистический аспект. – Л., 1981. – 103 с.
123. Майданова Л. М. Практическая стилистика жанров СМИ: Заметка, интервью, статья. – Екатеринбург, 1996. – 56 с.
124. Макиавелли Н. Избранные произведения. – М., 1982. – 503 с.
125. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 358-387.
126. Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. – Барнаул, 2002. – 237 с.
127. Маркоч Г. Г. Функционально-стилистическая характеристика образных выразительных средств и их роль в различных жанрах французской прессы / Белл. гос. пед. ин-т им. А.Руссо. – Бельцы, 1991. – 18 с.
128. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Мн., 2004. – 256 с.
129. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001. – 208 с.
130. Мезин С. А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. – 2002. - № 10. – С. 148-157.
131. Менегальдо Е. Русские в Париже. 1919-1939. – М., 2001. – 140 с.
132. Меренков А. В. Социология стереотипов. – Екатеринбург, 2001 – 290 с.
133. Мерзлинкин Н. В. Нация // Политическая энциклопедия. – М., 1999. – Т. 2. – С. 33.
134. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М., 1979.

135. Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. - Пермь, 2002. - 160 с.
136. Многозначность в лексике современного русского языка. - Екатеринбург, 1999.
137. Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации // Филологические науки. - 2000. - № 2. - С. 66-75.
138. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. – М., 1955.
139. Никитин М. В. Лексическое значение слова. – М., 1983. – 127 с.
140. Никитин М. В. Метафора: уподобление vs. интеграция концептов // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. – Москва-Воронеж, 2002. – С. 255-269.
141. Никитин М. В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. – 1979. - № 1. – С. 91-103.
142. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Сочинения в 2 т. - Т. 2. - М., 1990. - С. 238-406.
143. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры. – М., 2002. – 407 с.
144. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 65-77.
145. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. - 1989. - № 4.
146. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. - М., 1990. - С. 68-82.
147. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983. – 286 с.
148. Павлов И. О русском уме // www.fact.ru/dr-pavlov.html
149. Падучева Е. В., Крылов С. А. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. - М., 1984. - С. 25-96.
150. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия /Под ред. В. В. Петрова. – М., 1987. – С. 207-265.
151. Петренко В. Ф., Митина О. В., Бердиков К. В., Кравцова А. Р., Осипова В. С. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. – М., 2000. – 73 с.
152. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. - 1994. - № 4. - С. 135-147.

153. Платон. Государство; Законы; Политик. – М., 1998. – 800 с.
154. Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальные интересы. – М., 1994. – 125 с.
155. Покушение на незыблемое или ...?: Стереотипы социально-политического сознания и перестройка. – Барнаул, 1990. – 128 с.
156. Попова З. Д., Стернин И. А. К проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии // Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие /Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово, 2004. – С. 12-21.
157. Постовалова В. И. Судьба как ключевое слово культуры и его понимание А. Ф. Лосевым // Идея судьбы в контексте разных культур. – М., 1994.
158. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905. – 652 с.
159. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. - 1990. - № 6. - С. 110-123.
160. Проскуряков М. Р. Дискурс борьбы (очерк языка выборов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. - М., 1999. - № 1. - С. 34-49.
161. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия /Под ред. В. А. Пищальниковой. - Барнаул, 2001. – С. 76-94.
162. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. – М., 2000.
163. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики// Известия РАН. Сер. лит. и яз. - 2000. - Т. 59. - № 3. - С. 3-16.
164. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. - М., 1999. - № 1. - С. 25-34.
165. Розанов В. В. Черты характера Древней Руси. – Т. 1. – М., 1990.
166. Розин В. М. Любовь и сексуальность в культуре, семье и взглядах на половое воспитание. – М., 1999. – 208 с.
167. Рукавишников В. О. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. – М., 2000. – 368 с.
168. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)». Дис. ...канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

169. Савельева Л.В. Русское слово: конец XX века / Предисл. Д. Лихачева. – СПб., 2000. – 216 с.
170. Санцевич Н. А. Вариативность языковой картины мира в политической публицистике // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2003. – С. 191-195.
171. Санцевич Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции). Дис... канд. филолог. наук. – М., 2003. – 246 с.
172. Седова Н. А. Соотношение образов частичного (частей) и целостного человека в языковой картине мира (на материале семантико-функционального макрополя "часть человека" в современном русском языке). Автореф. дис... канд. филолог. наук. - Барнаул, 2000.
173. Семиотика: Антология /Сост. Ю. С. Степанов. – М., 2001. – 702 с.
174. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 2001.
175. Серио П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-1930-е гг. – М., 2001. – 360 с.
176. Сергеич П. Искусство речи на суде. - М., 1988. - 384 с.
177. Сидоренко Е. Семантический анализ психотерапевтического текста // http://psyterra.narod.ru/ind_prof11.htm
178. Симашко Т. В. Денотативный класс как основа описания фрагмента русской языковой картины мира. Автореф. дис... докт. филолог. наук. - Екатеринбург, 1999.
179. Синельников Ю. Г. Язык радио и его особенности // Теоретические предпосылки изучения вопросов грамматики, лексики, фонетики во французском языке /Отв. ред. Л. П. Пицкова. - М., 1987. - С. 100-115.
180. Складьяевская Г. Н. Метафора в системе языка. - СПб, 1993. - 151 с.
181. Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб., 2000.
182. Скребцова Т.Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus philologicus*. – Вильнюс, 2002. - № 1 (6). – С. 113-125.
183. Скребцова Т. Г. Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера // *Respectus philologicus*. – Вильнюс, 2002. - № 2 (7). – С. 137-142.

184. Следзевский И. В. Диалог культур и цивилизаций: понятие, реалии, перспективы // http://www.gorbi.ru/rubrs.asp?rubr_id=119&art_id=13099
185. Современная идеологическая борьба и проблемы языка /Отв. ред. Ю. Д. Деняриев. – М., 1984.
186. Соколовская Т.Б. Языковая личность лидера (на материале газет новейшего времени). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб, 2002.
187. Солганик Г. Я. Лексика газеты. – М., 1981. – 112 с.
188. Солганик Г. Я. О новых аспектах изучения языка СМИ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – М., 2000. – № 3. – С. 31-38.
189. Солганик Г. Я. Стилистика русского языка. – М., 1996. – 272 с.
190. Соловьёв В. Русская идея. - М., 1911. - 51 с.
191. Сталь де Ж. 1812 год. Баронесса де Сталь в России // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. – ЛЕНИЗДАТ, 1991. – С. 19-65.
192. Степанов Ю. С. Семиотика. – М., 1971. – 168 с.
193. Ступакова Е. Н. Особенности проявления национального менталитета в языковых явлениях // Учен. зап. РОСИ /Регион. открытый социал. ин-т. – Курск, 2002. – Вып. 4. – С. 112-117.
194. Суджата Р. Оценка с помощью кавычек // Рус. речь. – М., 1996. – № 3. – С. 50-52.
195. Сурожский А. Таинство любви. Беседа о христианском браке // <http://www.tmn.fio.ru/works/26x/302/kniga.htm>
196. Таланов В. Президент-«критик» // Слово. – 2000. - № 5. – С. 43-51.
197. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7-22.
198. Таршис Е. Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования. – М., 1999. – 82 с.
199. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. - М., 1988. - С. 173-205.
200. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2002. – 250 с.
201. Томашевская К. В. Экономический дискурс современника в его лексическом представлении. Автореф. дис... докт. филолог. наук. - СПб, 2000.

202. Урысон Е. А. Фундаментальные способности человека и наивная <анатомия> // Вопросы языкознания. - 1995. - № 3. - С. 3-17.
203. Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. Сборник статей /Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 135-171.
204. Учёнова В. В. Публицистика и политика. – М., 1979. – 271 с.
205. Факонье и Тёрнер. Концептуальная интеграция и смешение: общий обзор // Искусство метафоры // <http://metaphor.nsu.ru/review/fauconier.htm>
206. Феденёва Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Дис. ...канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998.
207. Феокистова Н. В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени. - Л. 1984. - 188 с.
208. Филиппович Ю.Н. Исследование метафор информационных технологий // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 149-163.
209. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. – ЛЕНИЗДАТ, 1991. – С. 65-421.
210. Фрейдзон В. И. Нация до национального государства. - Дубна, 1999. - 96 с.
211. Фульье А. Психология французского народа // <http://fulle-alfred.viv.ru/cont/fullier1/40.html>
212. Цвейг С. Три мастера // Собрание сочинений: В 10 Т. – Т. 4. – М., 1992. – С. 4-428.
213. Чекалина Е. М. Язык современной французской прессы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 167 с.
214. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М., 1992. – 281 с.
215. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. - М., 1997. - С. 340-370.
216. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходство и различия в теориях и целях // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Хрестоматия /Под ред. В. А. Пищальниковой. - Барнаул, 2001. – С. 56-74.

217. Чес Н.А. Функционирование метафорических концептуальных систем в текстах современной англоязычной прозы (на материале художественной литературы): Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000.
218. Чугров С. В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1993а. - № 2. – С. 38-49.
219. Чугров С. В. этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1993б. - № 1. – С. 41-54.
220. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003а. – 248 с.
221. Чудинов А. П. Новые русские метафоры // *Русская речь*. – М., 2003б. - № 2. – С. 44-48.
222. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): Учеб. Пособие. – Екатеринбург, 2003с. – 194 с.
223. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. - Екатеринбург, 2001. - 238 с.
224. Шарончикова Л. В., Тихонова Ю. В. СМИ Франции в 1998 г. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика*. - М., 1999. - № 5. - С. 41-67.
225. Швейцер А. Д. Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. – М., 1978.
226. Шейгал Е. И. Политическая мифологема как средство социальной идентификации // *Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности*. – Воронеж, 2002. – С. 230-239.
227. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Автореф. дис... докт. филолог. наук. - Волгоград, 2000.
228. Шмаков С. Я. Язык советских газет глазами англичан: (По поводу учебного пособия Р. Генри и К. Янг) // *Тетради переводчика*. – М., 1989. – Вып. 23. – С. 169-174.
229. Шмелёв Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1964. – 243 с.
230. Шпенглер О. Закат Европы. – М., 2000. – 1376 с.
231. Энциклопедия методов пропаганды // <http://psyfactor.org/propaganda.htm>
232. Язык и дискурс: когнитивные и коммуникативные аспекты. – Тверь, 1997. – 84 с.

233. Язык и моделирование социального взаимодействия /Под ред. В. В. Петрова. – М., 1987. – 462 с.
234. Язык о языке: Сб. статей /Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. - М., 2000. - 624 с.
235. Barber Benjamin R.. Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy / Political Science Quarterly. – Volume 113. – Number 4. – 1998-99. – Pp.573-589.
236. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966. p. 356.
237. Cabanne C., Tchistiakova E. La Russie: Perspectives économiques et sociales. Paris, 2002. - 287 p.
238. Cadiot P. Métaphore prédicative nominale et motifs lexicaux // Langue française 134. – Mai 2002. – P. 38-58.
239. Carrère d'Encausse H. La Russie est-elle un pays comme les autres? // <http://www.editions-fayard.fr>
240. Carrère d'Encausse H. Nicolas II. La transition interrompue. – Paris, 1996. – 552 p.
241. Carrère d'Encausse H. Staline. L'ordre par la terreur. – Paris, 1979. – 294 p.
242. Discours de presentation de Madame Hélène Carrère d'Encausse au doctorat honoris causa de l'UCL 2002 // <http://www.ucl.ac.be/actualites/dhc2002/pcarrere.html>
243. Eckert D. Le monde russe. – Paris, 2004. – 239 p.
244. Essono J-M. Précis de linguistique générale. – Paris, 1998. – 165 p.
245. Fauconnier G. Espaces mentaux: aspects de la construction du sens dans les langues naturelles. Minuit. Paris, 1984.
246. Favarel-Garrigues G., Rousselet K. La société russe en quête d'ordre avec Vladimir Poutine. – Paris, 2004. - 114 p.
247. Guide Voir St-Pétersbourg /par C. Phillips, Ch. Rice, M. Rice. – Paris, 2004. – 255 p.
248. Gréa Ph. Intégration conceptuelle et métaphore filée // Langue française 134. – Mai 2002. – P. 109-125.
249. La France et les Français. – Paris, 1972.
250. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago; London, 1987.
251. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago, 1980.

252. Le Huérou A., Merlin A., Regamey A., Serrano S. Tchétchénie: une affaire intérieure? – Paris, 2005. – 166 p.
253. Malone Ch. The Sport of Politics // www.inthemix.org/shows/show_politics5.html
254. Martelli R. La nation. Paris, 1979. p. 199.
255. Mermet G. Francoscopie 1997. – Paris, 1997. – 436 p.
256. Mermet G. Francoscopie 2003. – Paris, 2003. – 518 p.
257. Michaud G. Torrès G. Nouveau Guide France. Paris, 1974. 336 p.
258. Molinié G. La stylistique. – Paris, 1997. – 211 p.
259. Musolff A. Metaphor and conceptual evolution // metaphorik.de. 2004. № 07 // www.metaphorik.de
260. Picoche J. Histoire de la langue française. – Paris, 1998. – 281 p.
261. Pottier B. Théorie et analyse en linguistique. – Paris, 1987. – 224 p.
262. Schulz P. Le caractère relatif de la métaphore // Langue française 134. – Mai 2002. – P. 21-38.
263. Renan E. Qu'est-ce qu'une Nation // Discours et conférences. Paris, 1887. 306 p.
264. Troubetzkoy N. S. Letters and Notes. – Berlin, 1985.
265. Weil S. Le rôle de l'URSS dans la politique mondiale // Oeuvres. – Paris, 1999. – P. 240-247.
266. Zinken J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin // metaphorik.de. 2004. № 07 // www.metaphorik.de

Лексикографические источники:

1. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1999. – 1197 с.
2. Даниленко В. И. Современный политологический словарь. – М., 2000. – 1024 с.
3. Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2000. – 943 с.
4. Современный словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1993. – 742 с.

5. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 685 с.
6. Франция: Лингвострановедческий словарь /Под ред. Л. Г. Ведениной. – М., 1997. – 1040 с.
7. Французско-русский фразеологический словарь /Под ред. Я. И. Рецкера. – М., 1963.
8. Dictionnaire des synonymes de la langue française /par P. Ripert. – Paris, 1994. – 325 p.
9. Le Nouveau Petit Robert /par Paul Robert. – Paris, 2003. – 2950 p.
10. Le Petit Robert des noms propres /par A. Rey. – Paris, 1999. – 2259 p.

Список условных сокращений:

М. – Le Monde
L. – Libération
Н. – L'Humanité

РЖ – Русский журнал;
КП – Комсомольская правда;
НГ – Независимая газета;
АИФ – Аргументы и факты;
Э – Эксперт;